

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

96

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

Е. А. Векилова, Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Е. И. Крупнов,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь),
Д. Б. Шелов и секретари секторов ИА АН СССР

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Н. Н. ВОРОНИН, П. А. РАППОПОРТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА

В 1951 г. были подведены общие итоги изучения древнерусского города почти за два десятилетия и намечены перспективы разработки этой важнейшей темы¹. Задача настоящего обзора — кратко осветить работы 1951—1961 гг. и главные выводы, сосредоточив внимание на древнейшем периоде.

1

Работы в Прутско-Днестровском междуречье (Г. Б. Федоров, 1950—1961 гг.) позволили исследовать процесс образования городов на базе развития славянской культуры VI—VIII вв. К рубежу IX—X вв. сельские поселения разрастаются. В их среде (а частью на их основе) возникают сильно укрепленные валами и рвами раннефеодальные города. В лесостепной зоне исследовано 19 городищ; важнейшее из них — Алчедарское (летописный Черн). В крепости, бывшей тогда военно-административным центром, жила военная знать и ремесленники сложных обрабатывающих отраслей; здесь упрочилось христианство. Вне стен жили металлурги, гончары и крестьяне. Гнездовая планировка посада объясняется, видимо, патронимией, а незначительность приусадебных участков говорит об общинном землевладении крестьян. У населения посада дольше сохраняется язычество. Находки византийских и восточных монет, серебряных рублей-слитков свидетельствуют о значении торговли.

Города-крепости господствовали над земледельческими и скотоводческими поселениями округи. Таких гнезд поселений четыре на Днестре и одно около Прута. Развитие русской культуры междуречья было подорвано продвижением в конце X в. кочевников, уничтоживших в середине XII в. ее центры — города².

Раскопки в детинце и околном городе Галича (М. К. Каргер, 1955, 1957—1958 гг.) показали, что русское поселение здесь возникло задолго до первого летописного упоминания о Галиче. Открыты ранние полуземляночные жилища X—XI вв. и наземные XII—XIII вв. В детинце собрано

¹ Н. Н. Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, вып. XLJ, 1951.

² Г. Б. Федоров. Древнерусский город на Днестре. ВАН, 1960, № 10; е го же. Население юго-запада СССР в I—начале II тысячелетия н. э. СЭ, 1961, № 5.

большое количество декоративных керамических плиток с рельефными изображениями, представляющих огромный интерес для истории древнерусского искусства. Под Галичем и близ с. Побережье раскопаны фундаменты двух храмов XIII в.³

Раскопки на Замковой горе в Львове (А. А. Ратич, 1955—1956 гг.) установили, что город был построен в XIII в. на месте поселения X—XI вв.⁴ В Звенигороде (И. К. Свешников, 1953—1955 и 1959 гг.; Г. М. Власова, 1960—1961 гг.) уточнена историческая топография, исследованы прилегающие могильники, вскрыты полуземляночные сооружения, жилые и производственные. Материалы датируют поселение от X—XI до XIII в.⁵ Исследования польскими археологами (1956 г.) крупного города Галицкой земли — Перемышля определили его возникновение в X в.; обнаружены дерево-земляной оборонительный вал, остатки каменных часовни и, видимо, дворца⁶.

Город Плеснек на границе с Волинской землей (И. Д. Старчук, 1946—1949 гг.; В. К. Гончаров, 1953 г.; М. П. Кучера, 1954 г.) возник, по-видимому, в IX в. на месте более древнего скифского городища; здесь, как и в Галиче, жилища IX—XI вв. были полуземляночными, а в XII—XIII вв. — наземными⁷. Раскопки городища в г. Судовая Вишня западнее Львова (А. А. Ратич, 1957—1961 гг.) определили, что поселение, возникнув в IX в., в X в. стало укрепленным феодальным замком и было разрушено в конце XI — начале XII в. В валу обнаружена деревянная срубная конструкция. В г. Василеве на Днестре открыты остатки белокаменного храма XII в. (Б. А. Тимошук и Г. Н. Логвин, 1958—1959 гг.)⁸. При раскопках Ленковецкого городища в окрестностях г. Черновцы (Б. А. Тимошук, с 1952 г.) выяснено, что оно сходно с Райковецким, построено во второй половине XII в. и погибло в пожаре в XIII в.⁹ В столице древней Волини — Владимире-Волинском открыты новые памятники архитектуры (М. К. Каргер, 1955—1956 гг.). Вблизи города, в урочище Белые Берега, изучен участок поселения X в. с несколькими хорошо сохранившимися жи-

³ В. К. Гончаров. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. АП, т. V, 1955 (см. также Вестник АН УССР, 1956, № 1); В. И. Довженко. Селища и городища в окрестностях древнего Галича. КСИА АН УССР, вып. 4, 1955; М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960.

⁴ О. О. Ратич. Древньоруські матеріали з розкопок 1955—1956 рр. на Замковій горі у Львові. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3. Київ, 1961.

⁵ Информация И. К. Свешникова в сборнике — Археологічні роботи музею в 1952—1957 р. Львівський Державний історичний Музей. Львів, 1959; Г. М. Власова и Б. Г. Возниукки. К исследованию северо-западной части городища летописного Звенигорода. Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского Гос. ун-та и Одесского гос. археологического музея в 1960 г. Одесса, 1961.

⁶ Статьи А. Жаки (Acta archaeologica Carpathica, t. 1, f. 1. Krakow, 1958; Ochrona zabytków. XIV. Warszawa, 1961, 1—2). Об обследовании городищ Перемышльской округи см. статьи А. Жаки, Г. Ленчика и др. (S otchłani wieków, t. XX г. XXVII, z. 2, 1961, стр. 107; Sprawozdania archeologiczne, XI. Warszawa, 1960, стр. 72 и сл.).

⁷ М. П. Кучера. Древний Плеснек (автореферат кандидатской диссертации). Киев, 1960; е го же. Древній Пліснеськ. Вісник Академії наук УРСР, № 7, 1959; е го же. Основні статті розвитку стародавнього Пліснеська. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 2, Київ, 1959, и др. К сожалению, в статьях М. П. Кучеры площадь и значение Плеснеска преувеличены, так как автор не отделил укрепления русского города от скифских. Нельзя также согласиться и с датировкой М. П. Кучерой основания Плеснеска — VII—XIII вв. Более объективна датировка И. Д. Старчука (например, см. АП, т. III. Київ, 1952, стр. 384).

⁸ Г. Н. Логвин и Б. А. Тимошук. Белокаменный храм XII в. в Василеве. Сб. «Памятники культуры», т. 3. М., 1961.

⁹ Б. А. Тимошук. Ленковецкое древнерусское городище. СА, 1959, № 4; е го же. Доклад на славяно-русской секции пленума ИА АН СССР в Москве, 7 апреля 1961 г.

лищами полуземляночного типа¹⁰. Проведено археологическое обследование территории древней Воынии (М. К. Каргер. 1956—1961 гг.; П. А. Раппопорт, 1960—1961 гг.).

Важный вклад в изучение древних воынских городов сделали ученые Польской Народной Республики. Раскопки городища у дер. Чермно (древний Червень) показали, что этот крупный торгово-ремесленный город возник в середине X в.¹¹

Заселено городище в Грудке над Бугом (г. Воынь) было, быть может, в IX в., хотя валы были сооружены лишь в XI в. Материальная культура этих городов сначала отражает польское влияние, а с XI в. приобретает ярко выраженный русский характер¹². Поселение на городище древнего Сутейска также возникло в IX в.; позднее, в 30-х годах XI в. площадка была сnivelирована и на ней возник очень своеобразный комплекс небольшой русской крепости на польском порубежье¹³.

У с. Городище близ г. Шепетовка М. К. Каргером (с 1957 г.) раскапывалось городище, возникшее, как установлено, в XII в. и уничтоженное в 1241 г. монголами. Жилища здесь наземные; в качестве хозяйственных, а частично и жилых помещений использовались клетки срубной конструкции оборонительного вала. Огромное количество хозяйственного и бытового инвентаря, оружия, зерна и других находок, а также скелетов погибших в бою жителей, несомненно, даст возможность воссоздать жизнь городка с большой полнотой¹⁴.

Продолжались раскопки Киева (М. К. Каргер, до 1952 г.; В. А. Богусевич, 1949—1951 гг.; В. А. Богусевич и П. А. Раппопорт, 1952 г.; В. К. Гончаров, 1955 г.). При всей трудности работ в центре города открыты очень интересные жилые, производственные и военные комплексы и памятники архитектуры, собраны разнообразные находки. Киев и в отношении материальной культуры долго оказывал огромное влияние на всю Русь. Поэтому археологические комплексы и отдельные вещи, найденные в Киеве, часто имеют значение эталонов для других районов Руси¹⁵. Археологическое изучение Киева, в особенности его торгово-ремесленного Подола, должно продолжаться.

Из городищ Киевской земли наиболее интересны остатки городка Колодяжина, разрушенного монголами в 1241 г. (В. К. Гончаров, 1948—1953 гг.). Колодяжин близок одновременно Райковецкому городищу — сходны конструкция жилищ, устройство клетей в оборонительном валу, состав находок и пр.¹⁶ На одном городище у с. Городск (древний Городеск) сотрудниками Института археологии АН УССР вскрыто (1946, 1947, 1955, 1957 и 1958 гг.) значительное количество полуземляночных жилищ, железоплавильные горны; в числе находок уникальны несколько колоколов XI—XII вв. Дата городища от IX—X до XIII в.¹⁷

¹⁰ М. К. Каргер. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Воынском. Ученые записки ЛГУ, № 252, серия исторических наук, вып. 29, 1958.

¹¹ См., например, статьи К. Яжджевского и А. Надольского (Archeologia Polski, t. IV, z. Warszawa, 1959).

¹² Статьи Э. Раевского и Л. Раухута (Sprawozdania archeologiczne, II. Wroclaw, 1956, а также А. Порре. Grod Wolyn (Studia wczesnosredniowieczne, IV. Wroclaw-Warszawa, 1958).

¹³ Z. Wartolowska. Gród czerwinski Sutejsk na pograniczu Polsko-Ruskim. Warszawa, 1958.

¹⁴ М. К. Каргер. Галицко-Воынская экспедиция. КСИИМК, вып. 79, 1960.

¹⁵ Результаты многолетних археологических работ в Киеве, широко развернувшихся еще в предшествующем десятилетии, опубликованы в книге: М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л. 1958; т. II. М.—Л., 1961.

¹⁶ Р. О. Юра. До питання про соціальну належність мешканців древнього Колодяжина. Археологія, т. XII. Київ, 1961.

¹⁷ Р. И. Выезжев. Раскопки в Городске в 1955 г. КСИА АН УССР, вып. 7, 1957; его же. Колокола древнего Городеска. КСИА АН УССР, вып. 9, 1959; его же. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска. КСИА АН УССР, вып. 10,

При разведке в Поросье выявлено несколько древнерусских городищ (В. И. Довженок, 1949 и 1954 гг.)¹⁸. Одно из них — у хутора Половецкого (В. И. Довженок, 1956 г.) возникло в IX—X вв., погибло от пожара в конце X — начале XI в. и после вторичного заселения в XI в. просуществовало до XIII в. В его валу обнаружены срубные конструкции¹⁹. Производились также раскопки летописных городов Ивана (В. К. Гончаров, 1960—1961 гг.) и Чучина (В. И. Довженок, 1961 г.). При археологических наблюдениях за строительными работами в г. Белая Церковь сотрудники Белоцерковского краеведческого музея в 1957 г. установили, что здесь существовало довольно крупное древнерусское поселение, по-видимому, упоминаемый в летописях город Юрьев²⁰.

В 1961 г. начаты раскопки двух городищ в с. Витачеве Обуховского района Киевской области (Б. А. Рыбаков). В древнейшем (упоминаемом Константином Багрянородным) был детинец, укрепленный деревянной срубной стеной, и большой посад; жилища — полуземляночного типа, X в. Интересно расположенное на самой высокой точке городища сооружение, на плоской кровле которого зажигался огонь, видимо, для подачи военных сигналов в Киев. На втором городище, основанном в 1095 г. Святополком, изучались конструкция оборонительных сооружений и кладбище погибших во время татарского нашествия.

В Чернигово-Северской земле особо интересны раскопки древнего Любеча (Б. А. Рыбаков, 1957—1960 гг.). Вскрытое полностью городище Замок позволило реконструировать сложный комплекс княжеского замка XI—XII вв. с оборонительной системой из забитых землею срубов, укрепленным въездом и подъемным мостом, дворцом, церковью, хозяйственными помещениями с глубокими ямами-погребями и тайниками. Изучение потолочных подсыпок, отраженных в стратиграфии, позволило впервые определить многоэтажные постройки (башни, донжон, дворец и пр.). Найдено несколько кладов золотых и серебряных вещей, серебряные гривны, парадная поливная посуда, изделия из красного шифера (жернова, точильные камни), предметы с надписями. Сложной конструкции вал призматического посада имеет в основе культурный слой IX—X вв. Строителем крепостного комплекса и посада был, видимо, Владимир Мономах; после 1094 г. Любечем владели черниговские Ольговичи; замок был в 1147 г. сожжен Ростиславом смоленским, после чего жизнь на городище замирает²¹.

Во время раскопок в Чернигове (В. А. Богусевич, до 1951 г.; Б. А. Рыбаков, 1956 г.) выяснена топография княжеского двора, определен ров детинца XI в. (засыпанный, по-видимому, уже в XII в.). Близ Спасского собора вскрыты остатки кирпичных дворцовых построек XI—XII вв. и храм Михаила 1174 г. на княжеском дворе²².

1960; В. К. Гончаров. Розкопки древнеруського Городська. АП, т. III, 1960; М. Ю. Брайчевский. Розкопки на третьому Городському городищі. АП, т. III, 1952; М. Л. Макаревич. Раскопки древнерусских железоплавильных горнов IX—XI вв. в Городске. КСИА АН УССР, вып. 8, 1959.

¹⁸ В. И. Довженок. Городища и селища на Роси и Россаве. КСИА АН УССР вып. 5, 1955.

¹⁹ В. И. Довженок. Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 г. КСИА АН УССР, вып. 8, 1959.

²⁰ М. Ю. Брайчевский, П. А. Трохимец. Новые археологические материалы по истории Белой Церкви. СА 1961, № 4.

²¹ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960; его же. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. Тезисы докладов на заседании, посвященном итогам полевых исследований 1960 г. М., 1961.

²² В. А. Богусевич. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. АП, т. V, 1955; его же. Про топографію древнього Чернігова. Археологія, т. V, 1951; его же. Раскопки в Чернигове. КСИА АН УССР, вып. 4, 1955; В. А. Богусевич. Н. В. Холостенко. Черниговские каменные дворцы XI—XII вв. КСИА АН УССР, вып. 1, 1952. Итоги более ранних археологических исследований в Чернигове подведены в работе: Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949.

Памятники древнерусского зодчества открыты в Новгород-Северске (храм XII в.; Н. В. Холостенко) и Путивле (храм с «певницами» XII в.; В. А. Богусевич, 1959—1960 гг.)²³.

Раскопками на различных участках Переяславля-Русского (М. К. Каргер, 1949—1957 гг.; сотрудники Института археологии АН УССР, 1958—1960 гг.) установлено, что древний культурный слой сохранился плохо; лишь в одном пункте окольного города удалось вскрыть два полуземляночных жилища XII—XIII вв. Выдающимся результатом исследований в Переяславле можно считать открытие восьми монументальных кирпичных зданий XI и XII вв., позволяющих говорить об особой переяславской школе; очень интересно и изучение конструкции оборонительных валов конца X в.²⁴ Раскопки городища у с. Воинская Гребля (древний город Воинь на степном пограничье Переяславской земли), проведенные сотрудниками Института археологии АН УССР (1956—1959 гг.), позволили выяснить, что укрепления строились дважды: валы с сырцовою кладкой относятся к концу X в., более мощные валы с дубовой срубной конструкцией в насыпи — к XII в. Ряд срубных хозяйственных клетей с их внутренней стороны, быть может, использовался и для жилья. Город погиб в XII в. (вероятно, при походе Кончака в 1186 г.). Есть находки, свидетельствующие о связях с Византией. По предположению исследователей город Воинь играл роль укрепленного речного порта²⁵. Сходный характер был и у смежного с Воинем городка Желни (В. И. Довженок, 1958 г.).

В течение последних десяти лет проведено также археологическое обследование древнерусских поселений почти на всей территории Днепровско-лесостепного Левобережья²⁶.

Нужно сказать и о двух крупных центрах, лежащих вне коренной русской территории. Обобщение материалов раскопок левобережного Цимлянского городища — древнерусской Белой Вежи (М. И. Артамонов, 1949—1951 гг.) — показало, что славянский город возник на развалинах хозарской крепости Саркел, взятой Святославом в 965 г. При большом удалении от Руси характер материальной культуры города в целом общерусский: жилища большей частью полуземляночные со столбами в углах, но есть и срубные наземные; почти весь бытовой инвентарь находит прямые аналогии в материалах других русских городов. Хорошо документируются и широкие связи Белой Вежи с югом и юго-востоком. Материал из примыкающего к городу могильника позволил провести чрезвычайно интересные антропологические исследования²⁷. Раскопки Таманского городища — хозарской Матархи — русской Тмутаракани (Б. А. Рыбаков, 1952—1955 г.) вскрыли слой от XVIII в. до раннего средневековья; выявлены границы древнего города и его глинобитные наземные жилища. В центральной части изучены остатки двух каменных храмов, в том числе построенного Мстиславом в 1037 г. Огромный керамический материал позволяет дать этническую

²³ Н. В. Холостенко. Исследование памятника XII в. в г. Новгород-Северске. Сборник сообщений ин-та «Киевпроект», № 1—2. Киев, 1958.

²⁴ М. К. Каргер. Раскопки в Переяславле-Хмельницком в 1952—1953 гг. Археология, т. IX, 1954; его же. Раскопки в Переяславле-Хмельницком в 1952—1953 гг. СА, № 20, 1954; его же. Памятники древнерусского зодчества в Переяславле-Хмельницком. Зодчество Украины. Киев, 1954; М. Ю. Брайчевский, Ю. С. Асеев. Археологические исследования в Переяславле-Хмельницком в 1958 г. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960; Р. О. Юра. Стародавні ворота в Переяслав-Хмельницкому. Укр. істор. журнал, 1961, № 2.

²⁵ В. К. Гончаров, В. А. Богусевич, Р. А. Юра. Раскопки древнерусского города Воиня в 1956 г. КСИА АН УССР, вып. 8, 1959; Р. О. Юра. Археологічні дослідження городища Воиня. Український історичний журнал, № 1, 1960.

²⁶ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.—Л., 1961.

²⁷ М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I. МИА, № 62, 1958. См. также Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II. МИА, № 75, 1959. Материал могильника занимает подготовленный к печати III том «Трудов» экспедиции.

характеристику населения. Находки монет, стеклянных сосудов (IV—VIII вв.) и браслетов (XI—XIII вв.), а также поливной посуды характеризуют широкие торговые связи Тмутаракани²⁸.

2

Обратимся к северным районам Руси.

Начатые исследования северной части городища древнего Турова (М. Д. Полубояринова, 1961 г.) установили нижнюю дату слоя (конец X — начало XI в.). Установлены наземные срубные жилища и место руин древнего храма, сложенного из плинфы. Раскопки в Пинске (Т. В. Равдина, Б. В. Миролюбов, Я. И. Бибиков, 1955 и 1957 гг.) показали, что он моложе Турова — обнаружены слои XI—XIII вв.; в числе находок обломки амфоры с надписью и большое количество майоликовых фигурных плиток от пола, находившегося где-то поблизости монументального здания²⁹.

Интересны результаты работы в городах Черной Руси. Начатое польским археологом Э. Дурчевским и завершенное в 1949 г. (Н. Н. Ворониным) исследование Старого замка в Гродно показало, что город возник как княжеская крепость на Немане в конце XI в. Его культура типична для русского города. Руины монументальных зданий XII в. — двух крепостных башен замка и княжеского храма — позволили говорить о своеобразной гродненской архитектурной школе³⁰. При раскопках на территории окольного города в Новогородке Ф. Д. Гуревич (1957—1961 гг.) установила, что основание поселения относится к концу X — началу XI в., но наиболее интенсивно город жил в XII—XIII вв., когда в первой половине XII в. он был защищен валом. Вскрыты остатки жилищ XII—XIII вв. необычно крупных (до 80 кв. м.), срубных и дерево-глинобитных с включением кирпича. В них были застекленные окна и кирпичные печи; стены одного из жилищ изнутри были покрыты известковой штукатуркой с фресковой росписью. В жилищах найдено много предметов роскоши, в том числе импортных изделий восточного, византийского и западноевропейского происхождения. Из орудий найден лишь набор ювелирных инструментов. По-видимому, жилища принадлежали феодальной знати древнего Новогородка³¹. Раскопки на территории окольного города в Волковыске (В. Р. Тарасенко, 1954—1956 гг.; Г. И. Пех, 1948 и 1958 гг.) показали, что поселение возникло в XI в., а его расширение и постройка укреплений окольного города происходят в первой половине XII в. Интересен вскрытый на городище фундамент кирпичной церкви XII в., связанной с гродненской архитектурной школой³². В детинце Слонима (Г. И. Пех, 1959 г.) выявлен мощный, богатый находками культурный слой XII—XIII вв., сохраняющий органические остатки³³.

Проведено археологическое обследование почти всех древнерусских городищ территории Черной Руси (Ф. Д. Гуревич, 1955—1958 гг.; П. А. Раппопорт, 1959 г.). Культура городов Черной Руси XII—XIII вв. при своеобразных элементах, связанных с западным и литовским влиянием, была

²⁸ Б. А. Рыбаков. Древняя Тмутаракань и проблема славянской колонизации Приазовья. Тезисы докладов на сессии ОИИ и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954; его же. Древняя Тмутаракань. Тезисы докладов исторического факультета МГУ. М., 1955.

²⁹ Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, вып. 70, 1957; статья того же автора в настоящем выпуске КСИА, стр. 110.

³⁰ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954.

³¹ Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новогородка. СА, 1962, № 1, а также статьи Ф. Д. Гуревич в КСИА АН СССР, вып. 87, 1962 и в настоящем сборнике.

³² В. Р. Тарасенко. Раскопки городища Шведская гора в Волковыске в 1954 г. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957.

³³ Краткие информации см. в газетах «Советская Белоруссия» (№ 170, 22 июля 1959 г.) и «Гродненская правда» (№ 141, 19 июля 1959 г.).

и здесь общерусской, что имело большое значение и для истории Литовского государства.

Раскопки в Полоцке (А. Г. Митрофанов, 1958—1959 гг.; В. Р. Тарасенко и группа археологов Института истории АН БССР, 1960—1961 гг.) показали, что древнейшее городище лежало на берегу Полоты, где найдены материалы VIII—IX вв.³⁴ На рубеже X—XI вв. возникло укрепленное поселение на мысу в устье Полоты (так называемый Верхний замок). В XI в. оно было густо заселено, открыта плотная застройка, остатки ремесленных мастерских, а в середине века здесь сооружен Софийский собор. На территории Спасо-Евфросиниева монастыря велись раскопки памятников архитектуры (М. К. Каргер, 1961 г.).

Исследования в Минске (В. Р. Тарасенко, 1945—1951 гг.; Э. М. Загорульский, 1957—1961 гг.) выяснили границы древнего детинца площадью около 38 000 кв. м (значительно больше, чем это предполагалось). Открыты остатки чрезвычайно своеобразного каменного храма XI—XII вв., изучена планировка восточной части детинца, наземные срубные жилища, мостовые, водоотводные устройства и пр. Дендрохронологический анализ (от середины XI до середины XIII в.) уточнил хронологию культурных напластований. Мощность оборонительной системы и обилие предметов военного быта в нижней зоне слоя позволяют думать, что Минск возник как крепость на южной границе Полоцкого княжества³⁵. Так же крепостью на полоцко-литовском порубежье был Браслав (древний Брячиславль; Л. В. Алексеев, 1955—1956 гг.)³⁶. Напротив, Доуцк, возникший в XI в. в гуще сельских поселений в начале волока из Днепра в Западную Двину, был типичным городом. В центре детинца была площадь; его южную часть занимали дворы княжеских ремесленников (кожевников, косторезов, литейщиков) со срубными домами 4 × 4 м; с печью-каменкой в глу и бревенчатыми настилами. К детинцу в XII—XIII вв. примкнул окольный город и далее — посад.

Многолетние раскопки могильника древнего Смоленска—Гнездова (Д. А. Авдусин, 1949—1961 гг.) — закономерно захватили и самый город. Изучение городищ в Гнездове — Центрального и Ольшанского — опровергло гипотезу Сизова-Спицына, что здесь лежал древнейший Смоленск³⁷. На главной возвышенности Смоленска — Соборной горе — поселение возникло не ранее XII в. На участке у Днепровских ворот (ул. Соболева) вскрыт мощный слой XI—XIII вв., хорошо сохраняющий органические остатки. Прослежено 15 ярусов аналогичных новгородским мостовых, дренажное устройство, срубные постройки, остатки ремесленных производств (косторезного, гончарного, кузнечного, оружейного и др.); есть находки, свидетельствующие о торговых связях города с зарубежными землями³⁸.

Начаты раскопки смоленского города Мстиславля (Л. В. Алексеев, 1959—1961 гг.), вскрыты две бревенчатые мостовые, срубные жилые и хозяйственные постройки с обильными находками XII в. Исследования центральной части Смоленщины (В. В. Седов, 1955—1959 гг.) дали первые конкретно-археологическую картину характера размещения и эволюции сельских поселений и детальную характеристику возникновения в их среде

³⁴ Лепная керамика, обнаруженная на городище А. Н. Лявданским, оказалась относящейся к первой половине I тысячелетия н. э. и не связана с древнерусским городом.

³⁵ В. Р. Тарасенко. Древний Минск. Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск, 1957; Э. М. Загорульский. Археологичнае вывучэнне дзяцінца старажытнага Мінска. Вестні АН БССР, № 4, 1960.

³⁶ Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960.

³⁷ Д. А. Авдусин. К вопросу о первоначальном месте Смоленска. Вестник МГУ, 1953, № 7; его же. Раскопки гнездовских городищ в 1953 г., там же, 1953, № 11.

³⁸ Д. А. Авдусин. Археологические раскопки в Смоленске. Смоленский альманах, 1952, № 10; его же. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957; его же. Многоцветные поливные ручки ножей из Смоленска. СА, 1960, № 1.

в конце XI в. укрепленных владельческих феодальных усадеб замкового типа³⁹.

Раскопки на Малом городище в Торопце (Я. В. Станкевич, 1957—1958 гг.; Г. Ф. Корзухина и М. В. Малевская, 1960—1961 гг.) раскрывают картину жизни небольшого пограничного смоленского городка XI—XIV вв., его планировку, срубные жилища, мостовые и пр.; многочисленны находки деревянных бытовых изделий⁴⁰.

Бесспорно, важнейшее место в изучении древнерусского города занимают систематические и широкие раскопки в Великом Новгороде (А. В. Арциховский), сосредоточенные с 1951 г. на Неревском конце⁴¹. Редкая сохранность органических остатков, в особенности дерева, обусловила возможность изучения сотен жилых и хозяйственных построек и многих усадеб в их историческом развитии. Огромное количество находок в сочетании с их стратиграфической расчлененностью позволили применить статистический метод изучения. Находки сотен берестяных грамот ввели в науку новый драгоценный письменный источник. Первоначально установленная по ярусам мостовых хронология Неревского раскопа в итоге дискуссии, открытой статьей Б. А. Рыбакова⁴², и организованной по его инициативе дендрохронологической обработки новгородского дерева получила существенные уточнения⁴³. Археологическая сокровищница Новгорода становится прочной научной основой для изучения городов русского лесного севера. В связи с Новгородом нельзя особо не отметить выдающееся открытие пригородного святилища Перуна на Пырьни⁴⁴.

Полностью раскопанное городище у дер. Городище на р. Ловати (Я. В. Станкевич, 1954—1957 гг.) — небольшое поселение X—XII вв. — дало очень своеобразный материал и необычную конструкцию наземных столбовых жилищ⁴⁵. На земляном городище в Старой Ладоге (В. И. Равдоникас до 1950 г. и 1957—1959 гг.) вскрыто несколько ярусов деревянных сооружений, начиная с VII—VIII вв.⁴⁶; в большой постройке X в. найдена деревянная резная фигурка идола. Очень важны раскопки в каменной крепости (Г. Ф. Корзухина, 1958 г.), выяснившие, что русское укрепленное поселение в Ладоге возникло лишь в X в., а нижние слои VII—IX вв. относятся к поселению, которое, вероятно, было неукрепленным и не имело прямой генетической связи с древнерусской Ладогой⁴⁷. Вопрос о его социальном и этническом характере остается пока не решенным.

³⁹ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). МИА, № 92, 1960, стр. 51—125.

⁴⁰ Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76, 1960, стр. 139—145 и 312—314; ее же. Западно-Двинский отряд Верхнеднепровской экспедиции. КСИИМК, вып. 79, 1960. См. также статьи Г. Ф. Корзухиной и М. В. Малевской в настоящем выпуске.

⁴¹ Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I. МИА, № 55, 1956; т. II. МИА, № 65, 1959; А. В. Арциховский. Раскопки 1955 г. в Новгороде. ВИ, 1956, № 3; егo же. Раскопки 1956—1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2; егo же. Новгород Великий в XI—XV вв. ВИ, № 1960, № 9; М. Н. Тихомиров. Великий Новгород в истории мировой культуры. ВИ, 1960, № 1.

⁴² Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4; А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. СА, 1959, № 4; Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии». СА, 1961, № 2; А. В. Арциховский. Ответ Б. А. Рыбакову. СА, 1961, № 3.

⁴³ Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, № 1.

⁴⁴ В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище на Пырьни. КСИИМК, вып. L, 1953; егo же. Новые данные о языческом святилище Перуна. КСИИМК, вып. 53, 1954; егo же. Поселение XII—начала XV в. в Пырьни. КСИИМК, вып. 62, 1956.

⁴⁵ Я. В. Станкевич. Предварительные итоги исследований 1956 г. в Великолукской области. КСИИМК, вып. 77, 1959.

⁴⁶ К. Д. Лаушкин. Староладожская экспедиция. КСИИМК, вып. 79, 1960; егo же. Раскопки в Старой Ладоге. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960.

⁴⁷ Г. Ф. Корзухина. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. СА, 1961, № 3.

Раскопки в Пскове (Г. П. Гроздилов с 1954 г.) выявили на мысе близ башни Кутекрома сильно нарушенные слои от VIII—IX вв. и позднее. В Довмонтовом городе вскрыт слой X в., остатки более поздних каменных гражданских зданий, примыкавших к оборонительной стене, и руины каменных храмов XIV—XV вв. С XIII в. Довмонтов город был чем-то вроде церковно-административного центра Пскова. Жилой застройки здесь не было; в одном из гражданских зданий, видимо, хранился архив — здесь найдено более 400 вислых свинцовых печатей. В Старом Застенье открыто несколько участков с жилыми и производственными (жуэница, сапожная мастерская) постройками; нижние слои здесь относятся к концу X—XI в.⁴⁸ Разведочные работы на Труворовом городище в Старом Изборске (Г. П. Гроздилов, 1953 г.) установили, что поселение возникло здесь в VIII—IX вв., а ранние отложения посада принадлежат к X в. Поселение на Жеравьей горе существовало уже в XI—XII вв.⁴⁹ Проведено обследование всех псковских пригородов (П. А. Рапопорт, 1956 и 1958 гг.).

Исследование Старо-Рязанского городища и обобщение старого и вновь добытого археологического материала по Рязанскому княжеству позволили дать монографические исследования об истории и культуре стольного города и Рязанской земли от поры славянской колонизации до монгольского завоевания⁵⁰. Разведкам и раскопкам подверглись города западной части вятичской территории — на Верхней Оке (Т. Н. Никольская, 1951—1961 гг.). Интересно городище XII—XIII вв. у дер. Слободки на р. Навле (Шабылкинский район Орловской обл.) с оборонительными сооружениями и типично городским инвентарем, вновь свидетельствующим, что нет оснований говорить об отсталости культуры вятичей⁵¹.

Раскопки в Ростове (Н. Н. Воронин, 1954—1956 гг.) сняли гипотезу о первоначальном нахождении Ростова на Сарском городище и «переносе» города на берег озера Неро в конце XI в. К югу от ростовского кремля вскрыт слой древнейшего прибрежного мерянского поселка VIII—X вв. с мощными отложениями навоза от содержавшегося в загонах скота, остатками рубленых построек, типичной лепной керамикой. В X—XI вв. здесь появляется и усиливается русское население, что подтверждается и наличием в районе Ростова русских курганных могильников с трупосожжением. Город рос к северу от озера и на рубеже XI—XII вв. опоясывается полудугой рва и вала радиусом около 1 км. В центре города на месте сгоревшего дубового собора XI в. строится белокаменный собор 1161—1162 гг. — крупнейшее сооружение владимирских зодчих⁵². Раскопки в кремле Суздаля (Н. Н. Воронин, 1958 г.) подтвердили и уточнили сделанные ранее (1936 г.) наблюдения о начальной истории города. Ему предшествовал мерянский поселок IX—XI вв., в котором уже были и русские поселенцы. С рубежом XI—XII вв. связано сооружение первой крепости — невысокого вала, усиленного и повышенного накануне монгольского нашествия. По соседству с собором открыта печь XI—XII вв. для обжига извести⁵³. Работы во

⁴⁸ См. информации Г. П. Гроздилова в следующих изданиях: СА, 1957, № 4, стр. 287; Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. VIII, 1955; тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1961 г. Л., 1962; Археологический сборник Гос. Эрмитажа, вып. 4. Л., 1962.

⁴⁹ Г. П. Гроздилов. Археологические работы в Изборске в 1953 г. Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. VI, 1954.

⁵⁰ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955; его же. Рязанская земля. М., 1961.

⁵¹ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 122 и сл.

⁵² Н. Н. Воронин. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова. Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. 1. Древний Ростов. Ярославль, 1958.

⁵³ Среднерусская экспедиция. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960, стр. 86—88; А. Д. Варганов. Обжигательные печи XI—XII вв. в Суздале. КСИИМК, вып. 65, 1956.

Владимире (Н. Н. Воронин, 1953 г.; В. В. Седов, 1958 г.) не принесли данных для характеристики города, основанного в 1108 г. (древний слой здесь повсюду нарушен позднейшим строительством). Установлено лишь, что юго-западный мыс плато занимало поселение дьяковской культуры и позднее мерянский поселок. Русское население появилось здесь на рубеже XI—XII вв. Интересны остатки полуземляночного жилища киевского типа, говорящего о наличии в составе первых поселенцев города южных выходцев⁵⁴.

Новые данные о ранней истории и культуре Москвы получены работами на строительстве Дворца Съездов в Кремле (Н. Н. Воронин и М. Г. Рабинович, 1959—1960 гг.) и в прибрежной части Китай-города — Зарядье (М. Г. Рабинович, до 1951 г., А. Ф. Дубынина, 1953—1961 гг.). На юго-западном мысе Боровицкого холма прослежен ров древнейшего маленького мысового городища, засыпанный в связи с расширением крепости в 1156 г. к северо-востоку. За ее чертой в XII в. вырос посад, простиравшийся на север до линии Троицких ворот. На рубеже XII—XIII вв. он был прикрыт новым валом со своеобразным креплением насыпи дубовыми бревнами на крюках, сходным с конструкцией раннефеодальных польских град⁵⁵. Посад простирался и далее к востоку по берегу Москвы-реки, где в Зарядье прослежены культурные отложения XII—XIII вв.⁵⁶

Интересный материал дали раскопки городов Владимирской земли по Клязьме и Волге. Между Владимиром и Боголюбовом исследовано (Н. Н. Воронин, 1953 г.). Сунгиревское городище — княжеская крепость с земляными валами, возникшая в середине XII в. на основе более раннего мерянского селища. Получены новые данные о каменных укреплениях Боголюбовского замка⁵⁷. Ниже по Клязьме под г. Вязники изучалось Пироговское городище — древний Ярополч Залесский, возникший в середине XII в. (В. В. Седов, 1956—1961 гг.). Полуземляночные киевского типа жилища (видимо более ранние) и срубные с печами-каменками или глинобитные позволяют думать, что городок основан южными выходцами. В городе были развиты железоделательное, меднолитейное, ювелирное, косторезное и другие ремесла; среди находок масса стеклянных браслетов, свинцовые печати и пр. На берегу реки под крепостью был посад и пристань, выросшие на основе русского селища XI—XII вв. Крепость и селище погибли во время монгольского нашествия⁵⁸. Известный по единственному раннему упоминанию в числе разрушенных монголами «град святые богородицы» Гороховец на Клязьме получил точный археологический паспорт: его первые поселенцы появились здесь в начале XII в., позднее насыпан вал «города»⁵⁹. Так от Владимира княжеские крепости продвигались к Оке.

Исследования волжского Городца (А. Ф. Медведев, 1960 г.) определили облик этой крупнейшей владимирской крепости, выдвинутой против болгар.

⁵⁴ Н. Н. Воронин. Из ранней истории Владимира и его округа. СА, 1959, № 4; В. В. Седов. Гончарная печь из раскопок в г. Владимире. КСИИМК, вып. 72, 1958; Среднерусская экспедиция. КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 88—89.

⁵⁵ Н. Н. Воронин и М. Г. Рабинович. Археологические работы в Московском Кремле. СА, 1963, № 1.

⁵⁶ М. Г. Рабинович. Дом и усадьба в древней Москве. СЭ, 1952, № 3; его же. Из истории быта городского населения Руси в XI—XVII вв. СЭ, 1955, № 4; его же. Великий посад Москвы. КСИИМК, вып. 57, 1955; Э. А. Рикман. Результаты археологических наблюдений в Зарядье (по раскопкам 1949—1951 гг.) КСИИМК, вып. 57, 1955. См. также: статьи А. Ф. Дубынина в КСИИМК, вып. 57, 65, 68, 77, 79; Р. Л. Розенфельдт. К вопросу о начале Москвы. СА, 1957, № 4; М. Г. Рабинович. О начальном периоде Москвы. СА, 1958, № 3; М. Г. Рабинович и Г. П. Латышева. Из жизни древней Москвы. М., 1961.

⁵⁷ Н. Н. Воронин. Из ранней истории...

⁵⁸ Информация о работах Среднерусской экспедиции: КСИИМК, вып. 79, 1960; стр. 90—91; вып. 81, 1960, стр. 89; В. В. Седов. Каменный крестик с надписью из Пирова Селища. СА, 1959, № 1; его же. Древнерусское поселение близ г. Вязники. КСИИМК, вып. 85, 1961; его же. Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине. КСИИМК, вып. 86, 1961.

⁵⁹ В. В. Седов. Раскопки в Гороховце. КСИИМК, вып. 77, 1959.

В прикрытом мощным валом и рвом общей длиной 1,7 км городе была внутренняя цитадель детинца, сначала огражденная рубленой стеной из городен и тыном, а затем (после пожара) рвом и валом. Обе линии валов сооружены одновременно, т. е. детинец и посад были с момента основания города. Нижний культурный слой XII—XIII вв. изобилует вещами; в их числе орудия ремесленников: льячки, тигли, пробойники, сверла, зубила, напильник и др. Изучены три полуземляночные жилища со столбами в углах, бревенчатыми стенами и печами-каменками. Город погиб во время монгольского завоевания; видимо с этим связан зарытый в горшке клад из восьми серебряных гривен новгородского типа. По мощи и протяжению укрепления Городца напоминают оборонительные сооружения Владимира.

В Нижнем-Новгороде изучены (Н. Н. Воронин, 1960 г.) подземные части Архангельского собора. Установлен крестообразный план богато украшенного резьбой белокаменного храма 1227—1229 гг., известного по единственному упоминанию позднего нижегородского летописца, и основания также крестообразного белокаменного собора 1359 г. с уникальным полом из резного кирпича, «инкрустированного» гипсовым раствором. Раскопки в Костроме (М. В. Фехнер, 1951 г.) установили, что первоначальный поселок возник в XI—XII вв. на холме у устья р. Сулы и разрастался по левому берегу Волги. Население было смешанным мерянско-русским, о чем можно судить, в частности, по керамике. Интересно открытие мастерской для изготовления стеклянных браслетов⁶⁰. В Заволжье следует особо отметить изучение комплекса укреплений Галича Мерьского, выделение его древнейшей крепости XII в.—Нижнего городища⁶¹.

Исследование Белоозера (Л. А. Голубева, 1949—1952, 1957—1961 гг.) уточнило его начальную историю. Древнейшие отложения принадлежат открытому поселению X—начала XI в. племени веси (лепная керамика со штампованным орнаментом и бронзовые изделия, характерные для финно-угров). Поселок погиб от пожара в начале XI в. В эту пору восточнее и ближе к Шексне возникает русское Белоозеро. Оно также лишено укреплений, но облик поселения говорит о его городском характере (планировка, мощеные улицы, усадьбы). В срубных постройках много общего с новгородскими, но есть отзвуки и южных традиций (глинобитная постройка с глинобитной печью). О развитии ремесла свидетельствуют кузнечные горны, остатки меднолитейных мастерских. В инвентаре XI—XII вв. отражены связи города с Поднепровьем, Волжской Болгарией, Средней Азией. Много вещей с русскими надписями. Особый колорит культуре Белоозера придает включение характерных для веси элементов в керамике, украшениях и пр.⁶² Раскопки в Вологде (А. В. Никитин, 1955—1957 гг.) подтвердили данные жития Герасима вологодского о возникновении города в XII в. и установили полное сходство его культуры с культурой городов центра⁶³. Несколькими позднее появляются русские города в восточной части Заволжья

⁶⁰ М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, вып. XLVII, 1952. Определенная раскопками ряда северо-восточных городов история и дата их возникновения, главным образом в XI—XII вв., опровергает попытку вернуть начало русского города Муром к летописной «дате» 862 г. См. И. П. Богатов. О времени возникновения г. Мурома. СА, 1959, № 3. Нужно помнить условность даты «Повести временных лет», составленной в начале XII в., а также факт отсутствия в районе Мурома до XI в. русских поселений и могильников.

⁶¹ П. А. Раппопорт. Оборонительные сооружения Галича Мерьского. КСИИМК, вып. 77, 1959.

⁶² Л. А. Голубева. Белоозерская экспедиция 1957 г., КСИИМК, вып. 79, 1960; ее же. Белоозерская экспедиция (1958). КСИА АН СССР, вып. 81, 1960; ее же. Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3; ее же. Могильник X—середины XI в. на Белом озере. СА, 1961, № 1; ее же. Славянские памятники на Белом озере. Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, стр. 25—46.

⁶³ А. В. Никитин. О начальном периоде истории города Вологды. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960.

на Сухоне и Вятке. На городище современного Устюга Великого (А. В. Никитин, 1959—1960 гг.) установлено отсутствие слоя домонгольского времени; видимо, верны сведения поздних источников о первоначальном месте города на горе Гleden у слияния Юга с Сухоной. Вопрос о появлении и характере русских городов на Вятке осветили раскопки в Кирове (Вятка) и древнем Никулицыне (Л. П. Гуссаковский, 1956—1961 гг.). На месте г. Вятки лежали два смежных городища. Первое основано местным населением и носило, видимо, племенное название Вятка (Ватка); оно было занято в XII—XIII вв. русскими колонистами, построившими в конце XIII в. на втором мысе плато новое укрепление — Хлынов, где обнаружены остатки срубных построек, ярусы бревенчатых мостовых и материал, типичный для русского города XIII—XIV вв. Сходную картину представляет городок Никулицын, возникший на рубеже XII—XIII вв. как военный центр с мощными укреплениями; здесь обильны находки оружия и воинского снаряжения. В городке развивались и некоторые ремесла: литейное, кузнечное, гончарное, камнерезное (пряслица из известняка) и др.⁶⁴

Подведем некоторые итоги. Исследования 1951—1961 гг. — весьма крупный шаг в разработке проблемы русского города. Они охватили новые территории — Галичскую, Волынскую, Полоцкую и Смоленскую земли, Черную Русь, Заволжье и др. Изучались «грады» разных типов — от феодальных усадеб, замков и крепостей до крупных торгово-ремесленных центров с их посадами, а в ряде случаев с их сельской периферией. Для решения вопроса о времени возникновения города имели важное значение шедшие одновременно исследования проблем славянской колонизации Восточной Европы⁶⁵ и истории сельских поселений⁶⁶. Сопоставление результатов работ по исследованию городов с итогами изучения славянской колонизации дает возможность полностью отвергнуть предположения о раннем (VII—VIII или даже VI в.) возникновении русских городов. Один из аргументов этой точки зрения, далеко не убедительный и ранее, — древнейший слой Старой Ладоги вообще явно не городского характера, оказался не связанным непосредственно с русским укрепленным поселением, возникшим в X в. Теперь мы можем воочию наблюдать укрепленные поселки VIII—IX вв. типа Новотроицкого городища на р. Псел, в которых уже налицо ремесленная деятельность, но которые еще нельзя назвать ни городом, ни деревней (И. И. Ляпушкин, 1952—1954 гг.)⁶⁷. Следом за славянской колонизацией идет и процесс отделения города от деревни. Процесс сложения городов протекал медленно; начало его прослеживается в IX—X вв. Города возникают раньше на юго-западе и юге (X в.), позднее на севере и особенно на северо-востоке (XI—XII вв.). Некоторые города развиваются непосредственно на основе дофеодальных поселений переходного характера. Более ранние примеры этому дает прутско-днепровское междуречье, более поздние — днепровское левобережье, где небольшие города, как Севск или Радогощ, возникают в XI—XIII вв. на месте (или из) роменско-боршевских

⁶⁴ Среднерусская экспедиция (1958 г.). КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 92—94.

⁶⁵ И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. «Исследования по археологии СССР». Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днепровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961.

⁶⁶ Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ, вып. 32, 1956 и вып. 33, 1959; рецензия на этот труд В. В. Седова. СА, 1958, № 1; В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1960.

⁶⁷ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958; о социально-экономическом облике этого поселка — стр. 226—231.

поселений VIII—X вв.⁶⁸, в то время как на позднее занятом русскими северо-востоке их города вырастают иногда на почве поселков аборигенного финно-угорского населения.

Окончательное оформление городов как центров ремесла и торговли, самим своим существованием обязанных отделению ремесла от земледелия, происходит не ранее X и особенно в XI в. Свидетельством этого служит появление в археологическом материале ремесленной продукции, явно предназначенной на продажу, а также значительное количество жилищ, где есть ясные следы ремесленного производства. Другим (более условным) признаком сложившегося города может служить ограждение оборонительным поясом не только детинца, но и территории «окольного города», заселенной ремесленным и торговым населением посада. Древнейшими примерами таких окольных городов могут, по-видимому, служить укрепления Переяславля-Русского и Белгорода, построенные в конце X в. Века XI—XII — время быстрого роста городских посадов, где оседает основная масса ремесленников, тогда как в детинцах и городах-крепостях селятся, видимо, зависимые ремесленники профессий, связанных с нуждами военно-феодальной верхушки. В XII в. ряд городов основывается князьями, это прямая аналогия западноевропейским «новым городам». В IX—X и главным образом в XI—XII вв. появляются города-замки и укрепленные усадьбы феодалов в среде сельских поселений⁶⁹.

Интересны южнорусские городища особого типа, где жилые и хозяйственные постройки связаны с конструкцией оборонительных валов. Наличие таких городищ как на крайнем юге Днепровского Левобережья (Воинь), так и в Галицкой земле (Ленковцы) снимает гипотезу о каком-то локальном, быть может, «болоховском» значении таких поселений. Это также не замки⁷⁰. Скорее всего это княжеские крепости, построенные по единому плану и заселенные специальным гарнизоном. Это были одновременно и земледельцы и воины (в жилищах на городище близ Шепетовки находили вместе сельскохозяйственный инвентарь и богатое оружие, в том числе мечи, шпоры, булавы). Быть может жители этих городков составляли своеобразную социальную группу воинов-земледельцев, обеспечивавших безопасность районов, подверженных нападениям кочевников — нечто вроде позднейшего казачества.

Систематическое массовое исследование памятников крепостного зодчества, среди которых следует особо отметить наиболее грандиозный — Ярослав вал в Киеве (В. А. Богусевич и П. А. Раппопорт, 1952 г.), позволило перейти к широким историческим обобщениям и определить основные закономерности и периодизацию развития древнерусского военно-инженерного дела⁷¹.

Несравненно шире теперь наши знания о древнерусском жилище на всей территории Руси в его основных типах, южном — полуземляночном и северном — срубном, их вариантах и различных территориальных сочетаниях. Исследователи получили возможность дать первые исторические обобщения об эволюции жилища⁷². Существенно, в частности, подтверждение

⁶⁸ В. П. Даркевич и В. К. Пудовкин. Раскопки на Севском городище, КСИИМК, вып. 79, 1960; см. также Б. А. Шрамко. Новые детали устройства раннеславянских жилищ. СА, 1960, № 3.

⁶⁹ В. И. Довженок. Древньюрські городища-замки. Археологія, т. XIII. Київ, 1961.

⁷⁰ Ср. В. И. Довженок. Указ. соч.

⁷¹ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956; его же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, № 105, 1961; его же. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества. СА, 1960, № 2.

⁷² Л. П. Гуссакowskiй. Древнерусское народное жилище. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1956; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л. 1958, стр. 285—368; П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода (предварительная характеристика по материалам Черевского раскопа 1951—1955 гг.) МИА, № 65, 1959;

раннего появления типа трехчленной срубной избы, открытие обширных и богатых жилищ знати и т. п.

Накопление массового прочно датированного материала по отдельным отраслям древнерусского ремесла и сочетание его археологического изучения с анализом методами точных наук позволило дать монографические и частные исследования по истории некоторых ремесел, в частности, металлургии и стеклоделия⁷³. Капитальное значение для истории ювелирного дела и драгоценных уборов знати имеет критическое исследование древнерусских кладов⁷⁴.

Не менее существенны полученные раскопками городов новые материалы по просвещению, искусству и архитектуре.

Едва ли не наиболее выдающимся событием в археологии русского города было начатое первой находкой 26 июля 1951 г. открытие нового письменного источника — знаменитых новгородских берестяных грамот. Их историческое значение как памятников народного языка и письма, культуры и быта, социальных и политических отношений и просвещения огромно. Корпус этих новых драгоценных источников к 1961 г. достиг 404 единиц⁷⁵. В 1952 г. был найден фрагмент грамоты XII—XIII вв. в Смоленске, а в 1959 г. — на территории Нижнего замка в Витебске (грамота XIII—XIV вв. — письмо Степана)⁷⁶. Изучена и техника письма при помощи стилей — «писал»⁷⁷. Раскопки умножили количество надписей на вещах, найденных во многих древнерусских городах; особо упомянем древнейшую надпись X в. на амфоре из Гнездова⁷⁸. Все это вновь утверждает факт широкого распространения грамотности в городах домонгольской Руси.

Из новгородских же раскопок получен основной фонд памятников разных видов прикладного искусства, в особенности резьбы по дереву и кости, начиная от знаменитых резных колонн XI в. — предшественников владимирской пластики — до многообразного мира художественных бытовых вещей — ножей и сосудов, наварший и мебели, ложек и гребней. Все эти изделия открывают новую главу в истории древнерусского искусства, позволяя яснее понять народные основы развития княжеско-церковного монументального искусства XI—XIII вв. К этому же кругу драгоценных

его же. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1962.

⁷³ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М., 1953; Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, вып. 49, 1953; Н. Н. Стоскова. Древнерусское литейное дело (домонгольский период). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954; М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956. В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, вып. 68, 1957; Ю. Л. Шапова. Стеклянные изделия в древнем Новгороде. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1961. См. также статьи Б. А. Колчина, А. Ф. Медведева, С. А. Изюмовой и М. В. Седовой по обработке железа, оружейному делу, кожевенному, сапожному и ювелирному ремеслам в Новгороде. МИА, № 65, 1959.

⁷⁴ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М. — Л., 1954.

⁷⁵ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; Сб. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955; А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3; его же. Новые новгородские грамоты. СА, 1960, № 1; Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.

⁷⁶ Д. А. Авдусин. Смоленская берестяная грамота. СА, 1957, № 1; Н. Н. Дроценна и Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска. СА, 1960, № 1.

⁷⁷ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2.

⁷⁸ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН, 1950, № 4.

приобретений науки относятся новые находки из других городов, например, галичские рельефные плитки XII—XIII вв.

Изучение истории древнерусской монументальной архитектуры сейчас уже невозможно без археологических раскопок. Из полутора сотен известных нам в настоящее время памятников русского монументального зодчества X—XIII вв. более 90 памятников выявлены археологами, а из них примерно половина открыта за последние 10 лет. В науку вошли новые архитектурные школы периода феодальной раздробленности, уточнилась периодизация истории русской архитектуры X—XIII вв., характеристика и взаимосвязь архитектурных школ⁷⁹, созданы монографические исследования о них⁸⁰.

Археологические исследования древнерусских городов занимают все более прочное место в изучении их истории и истории древней Руси вообще. Археология входит и в решение вопросов вспомогательных исторических дисциплин, в частности, исторической географии. Нумизматика, сфрагистика, палеография получили обширный фонд новых памятников.

Истекшее десятилетие отмечено выходом в свет названных выше капитальных публикаций и исследований по истории русского города и отдельным сторонам его культуры. Ждут публикации важнейшие материалы раскопок в Старой Ладоге и Пскове, Смоленске и Городке на Ловати, Любече, Тмутаракани и др.

В заключение нельзя не вспомнить, что в 1951 г., т. е. в начале охваченного нашим обзором десятилетия, вышли в свет I—II тома «Истории культуры древней Руси», охватившей домонгольский период и подытожившей все сделанное нашей наукой почти за столетие. Исследования же одного десятилетия 1951—1961 гг. принесли столько нового, что этот труд почти ушел в область историографии. Это свидетельствует о больших успехах нашей науки, которыми мы по праву можем гордиться.

---

⁷⁹ Подробнее см. П. А. Раппопорт. Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. СА, 1962, № 2.

⁸⁰ М. К. Каргер. Древний Киев, т. II. М.—Л., 1961; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I, XII столетие. М., 1961; т. II, XIII—XV столетия. М., 1962.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Г. К. ВАГНЕР

ЮЖНЫЙ ФАСАД ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА
(1230—1234 гг.)¹

Южный фасад Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.) пострадал больше всего. От первоначальной кладки сохранился только притвор с рельефом богоматери Панагии над входом. Вся стена переложена В. Д. Ермолиным в 1471 г. На ней в основном и образовался «каменный ребус» (Н. Н. Воронин) из перепутанных рельефов.

Исходя из главного принципа оформления Георгиевского собора следует считать, что в центральной закомаре южного фасада должна была размещаться рельефная композиция на евангельскую тему, а в боковых — на библейские или апокрифические. После определения закомарных евангельских композиций северного и западного фасадов² на долю южного осталась композиция «Вознесение». Она была выявлена не сразу. После обследования Георгиевского собора К. К. Романовым (1909 г.) в науке установилось мнение, что рельеф с богородицею в боковом повороте и с двумя ангелами по сторонам представляет центральную часть композиции «Покров богородицы», восходящей к аналогичному сюжету на западных вратах Суздальского собора³. Такого же мнения придерживалась Е. С. Медведева⁴. С. Г. Щербов считает, что вместо «Покрова» на фасаде Георгиевского собора была композиция «Вознесение»⁵. Вопрос решается изучением других рельефов, которые могли бы входить в ту или иную композицию.

В пользу существования композиции «Вознесение» говорят два рельефа парящих ангелов⁶, изображенных в позе, которая очень типична для «Вознесения»⁷. Подобные фигуры обычно поддерживают глаорию. Сохранился и камень с остроугольным концом глаории⁸, а также рельеф Христа, изобра-

¹ Сокращенное изложение доклада, прочитанного на секторе славяно-русской археологии 8 февраля 1962 г.

² См. статьи автора в журнале Советская археология, 1960, № 1, стр. 102—110; № 2, стр. 263—270; 1961, № 3, стр. 86—101, а также в КСИА АН СССР, вып. 87, 1962.

³ К. К. Романов. Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском. ИАК, вып. 36. СПб, 1910, стр. 84, рис. 16.

⁴ Е. С. Медведева. Древнерусская иконография Покрова. Архив ИА АН СССР, раздел 2, № 1728, стр. 244, 259, 266.

⁵ С. Г. Щербов. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Кандидатская диссертация, 1953, стр. 59.

⁶ А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1, М., 1916, табл. 41, рис. 8.

⁷ Ср. «Вознесение» на миниатюрах Евангелия Гелатского монастыря, афонского Евангелия и т. д. (Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии. Труды VIII археологического съезда, т. 1. СПб, 1892, рис. 200, 201.

⁸ А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 22, рис. 2.

женного во весь рост и благословляющего обеими руками⁹. Правда, такое изображение (во весь рост) скорее характерно для ранневизантийских, а благословление обеими руками — для романских композиций «Вознесения»¹⁰, но нет оснований считать, что таких изображений не было во Владимиро-Суздальской Руси. К композиции «Вознесение» должны быть отнесены два камня с изображениями групп святых мужей. Одна группа¹¹, состоящая из шести фигур, обращена вправо. Передняя фигура с молебно воздетыми руками, задняя — с евангелием. Другая группа¹² из пяти фигур обращена влево, три передние фигуры с евангелиями. Несомненно, перед нами одиннадцать апостолов в том числе четыре евангелиста, изображаемые во многих композициях «Вознесения»¹³, и что вообще характерно для древнерусской иконографии¹⁴. На камне с первой группой у правого края видна внешняя часть крыла ангела (фигура была высечена на соседнем камне). Сохранившийся фрагмент крыла по масштабу подходит только к фигуре ангела, находящегося слева от богородицы на изучавшемся К. К. Романовым рельефе. Этим самым окончательно подтверждается, что данный рельеф входил в композицию «Вознесение», а не «Покров». Вся композиция относительно легко реконструируется (рис. 1). Несколько затруднительно только определить точную конфигурацию и размеры глории. По-видимому, она так же окружала камень с фигурой Христа, как это было в композиции «Преображение», т. е. камень с сохранившимся фрагментом глории должен примыкать к камню с фигурой Христа. Тогда gloria получается довольно округлой формы, причем боковые ее части должны были находиться на блоках с фигурами ангелов. По-видимому, эти части глории были потом стесаны В. Д. Ермолиным.

В предлагаемом варианте реконструкции общий размер композиции достигает в высоту 2 м. В боковых закомарах, где расстояние от перемычек окон до вершин тимпанов закомар было не более 2,4 м¹⁵, композиция «Вознесение» размещаться не могла, так как снизу и сверху ее должно было быть по крайней мере по одному свободному ряду кладки. Таким образом, все данные говорят за то, что она находилась в тимпане центральной закомары, где расстояние от окна до вершины тимпана закомары достигало 3,33 м¹⁶.

В одной из боковых закомар должна была размещаться традиционная для владими́ро-суздальской пластики композиция «Вознесение Александра Македонского», от которой сохранилась только нижняя половина¹⁷. Этот сюжет самым тесным образом перекликался с темой «Вознесения Христа». Композиционно между указанными сюжетами тоже много общего. Вероятнее всего, «Вознесение Александра Македонского» было в тимпане восточной закомары (рис. 2), так как на этом месте та же композиция находится в декоре Дмитриевского собора г. Владимира. На лобовой стене западного притвора этот рельеф размещаться не мог, так как здесь над окном, по-видимому, находился большой рельеф богородицы Оранты с предстоящими.

⁹ Там же, табл. 36, рис. 4.

¹⁰ Ср. миниатюру Евангелия Раввулы VI в. (Н. Покровский. Указ. соч., рис. 199) и рельеф Христа над порталом собора в Везлаэ. (М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. I. М., 1948, стр. 324, табл. 187).

¹¹ На западной лопатке южного фасада.

¹² А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 36, рис. 4.

¹³ Ср. «Вознесение» на Арундельском авории XI в. (Н. Покровский. Указ. соч., рис. 204).

¹⁴ Н. Покровский. Указ. соч., стр. 444.

¹⁵ Г. К. Вагнер. О первоначальной форме композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. СА, 1960, № 2, стр. 269.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюб, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, рис. 133.

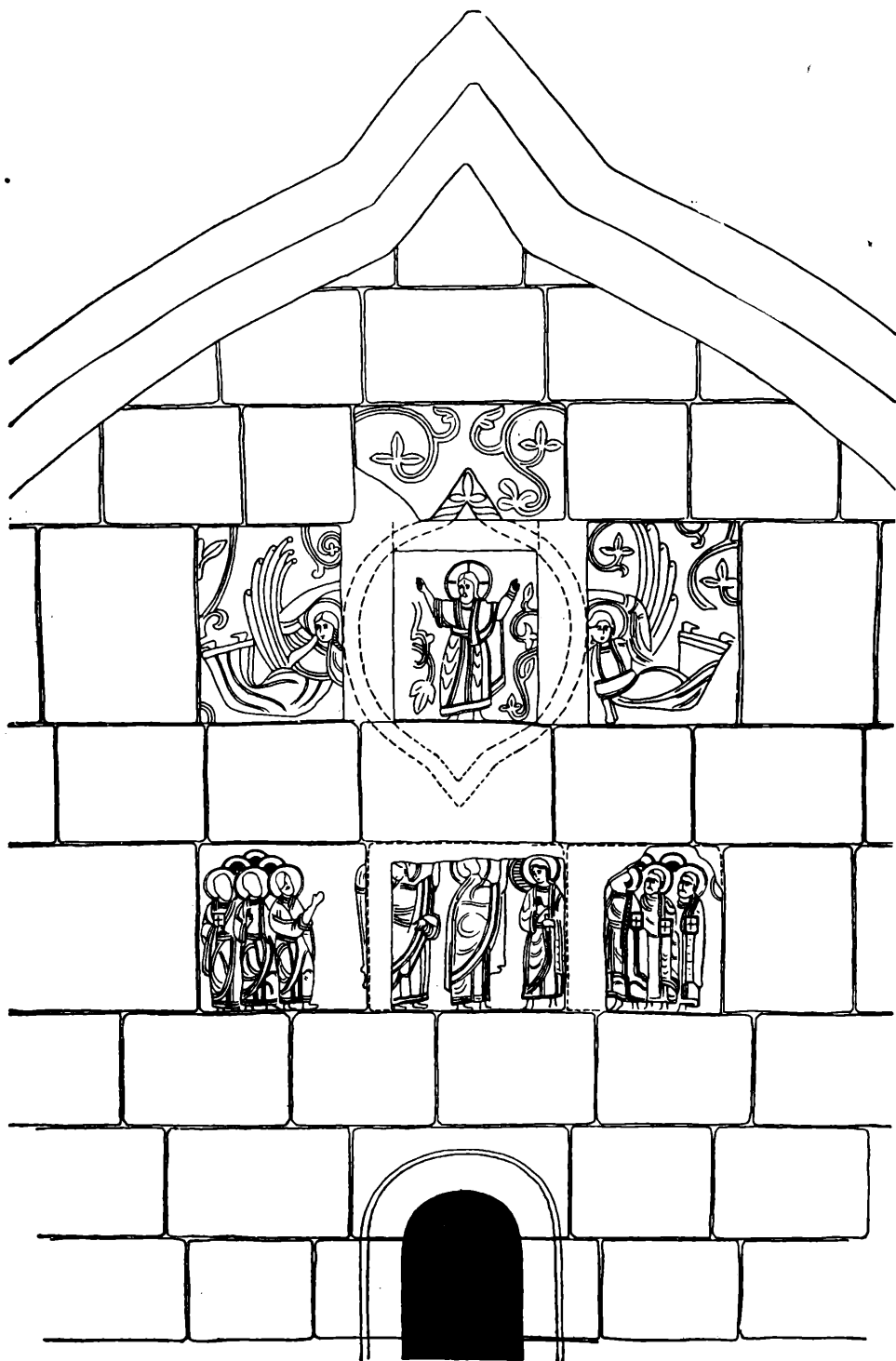

Рис. 1. Южный фасад Георгиевского собора. Рельефная композиция Вознесения Христа. Реконструкция.

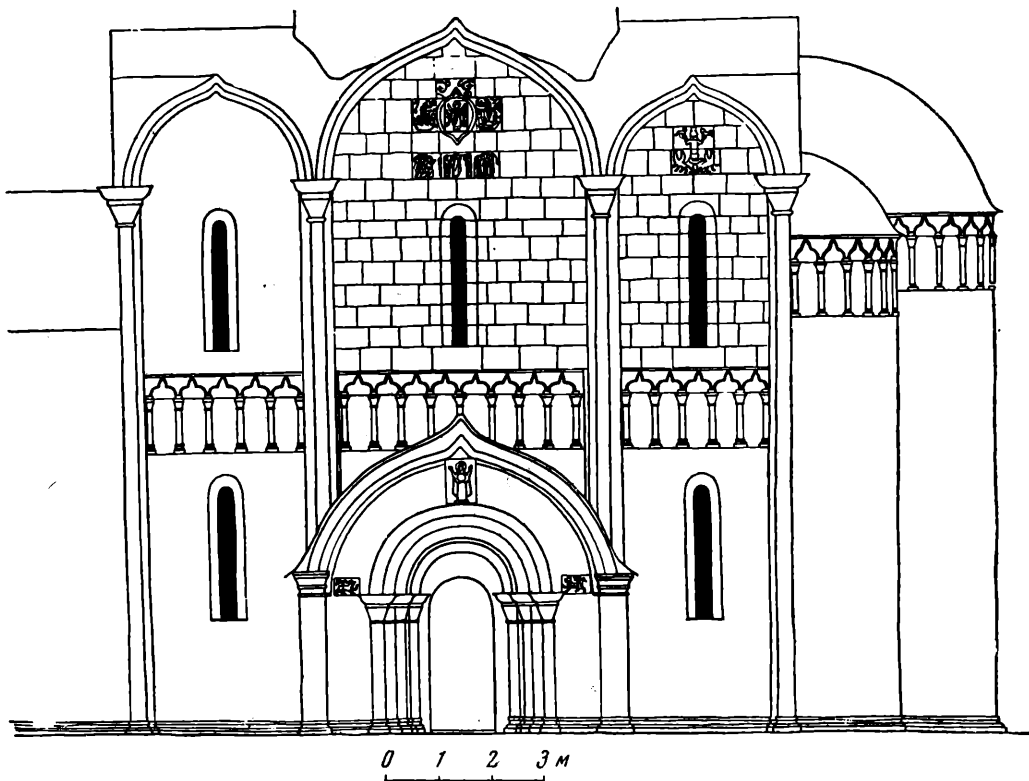

Рис. 2. Южный фасад Георгиевского собора. Реконструкция.

Скульптурное оформление западной закомары южного фасада пока остается неясным. Если среди фасадных композиций мог быть «Покров богородицы», то именно данная закомара представляет самое лучшее для нее место.

* * *

Большая композиция «Вознесение» на южном фасаде Георгиевского собора по своему расположению сверху храма может быть приравнена по значению к купольным росписям на ту же тему. В купольных росписях в это время существовало две формы «Вознесения»: 1) более новая (с IX в.), согласно которой в куполе изображался Пантократор, в барабане — апостолы, а в апсиде — богородица, и 2) более старая (с VI в.), согласно которой все фигуры помещались в куполе и барабане. При этом богородица неизменно изображалась в виде Оранты. Новая система применена в Софийских соборах Киева и Новгорода, а старая удержалась в росписях церкви Спаса на Нередице, св. Георгия в Старой Ладоге и соборе Мирожского монастыря в Пскове¹⁸. Особенность композиции «Вознесение» на фасаде Георгиевского собора — изображение богородицы в деисусном типе. Такое сочетание было известно в миниатюрах¹⁹ и в мелкой пластике²⁰, но вряд ли

¹⁸ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1. М., 1947, стр. 76—78; его же. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 29; его же. Фрески Старой Ладogi. М., 1960, стр. 38—39.

¹⁹ Начиная с греческой псалтири IX в. (быв. собрание Хлудова, теперь в ГИМ), эта композиция воспроизводилась во многих псалтирях и Евангелиях. Лучший пример из XII в. — миниатюра из Омелии монаха Иакова XII в. (Н. Покровский. Указ. соч., рис. 202).

²⁰ Ср., например, ампулы Монцы VI в. (Н. Кондаков. Иконография Богородицы, т. I. СПб., 1914, рис. 131).

влиянием «малых» форм можно объяснить появление большой композиции на фасаде Георгиевского собора. Вопрос, несомненно, заключается в особом осмыслении деисусной богоматери во Владимиро-Суздальской земле.

Как хорошо известно, Андрей Боголюбский, уйдя из киевского Вышгорода на Суздальщину, развил кипучую деятельность по превращению Владимира в новый центр русской земли. В борьбе со старым боярством он опирался на поддержку «мизинных» людей. Для придания своей политике общерусского резонанса Андрей Боголюбский активно содействует установлению местных культов «Покрова богоматери» и «Спаса», которые должны были уравнивать Владимиро-Суздальскую Русь с Византией²¹. Создается свой владимирский палладиум — икона богоматери Боголюбской, которой придается смысл защитницы Владимиро-Суздальского княжества, а с ним и всей русской земли²². Богоматерь Боголюбская была изображена в деисусном типе, восходя иконографически к византийской Агиосоритиссе²³. Такой иконографический извод издавна понимался как «общий тип обетной иконы за ктитора, правителя и владык страны»²⁴. Во Владимире он был противопоставлен византийской Оранте — Влахернитиссе, бывшей палладиумом Константинополя. Это нашло выражение в композиции «Покров» на вратах Суздальского собора, иконографические совершенно не известной византийскому искусству, а также в популярности деисусных композиций.

Независимо от того, была ли на фасадах Георгиевского собора самостоятельная композиция «Покров», «Вознесение» с богоматерью Боголюбской несомненно отражало идею покровительства богоматери Владимирской земле, т. е. идею «Покрова». В связи с этим следует рассматривать и расположение композиции «Вознесение» именно на южном фасаде собора, обращенном к крепостному валу. Показательно, что рельеф византийской богоматери Панагии (над южным входом) оказался здесь в полном соподчинении владимирскому палладиуму. «Вознесение» не с Орантой, а с Боголюбской имело не только патрональный смысл в отношении владимиро-суздальских князей, их городов, в частности Юрьева-Польского, но и широкое национальное значение, так как оно служило подкреплением национально-объединительным тенденциям владимиро-суздальских «самовластцев». То же следует сказать и про изображение Христа, благословляющего обеими руками, находящее объяснение в особом значении владимиро-суздальского культа «Спаса», которое придавалось ему в борьбе с Византией. По-видимому, все это осознавалось и самими мастерами-резчиками Георгиевского собора. Фигура молящейся владимирской Заступницы в «Вознесении» дана необыкновенно поэтично, эмоционально, что редко встречается в композициях подобного рода. «Спас» изображен в очень редком изводе, ему приданы черты особой значительности.

* * *

Большое национальное значение фасадной пластики Георгиевского собора проявилось в том, что ее идейно-художественные достижения пережили самое мрачное столетие татаро-монгольского ига и легли в основу раннемосковского искусства. Отсутствие на памятниках раннемосковского зодчества фасадной фигурной резьбы отнюдь не означает забвения владимиро-суздальской традиции. Функции фасадной пластики были унаследованы живописью и мелкой пластикой. Сложение в московском искусстве развитого иконостаса не может быть понято без фасадной пластики Георгиевского собора. В последней, по-видимому, впервые в деисусном чине появилось изображение апостола Андрея, которому в XV—XVI вв. прида-

²¹ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I. М., 1961, стр. 120 и сл.

²² Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 47 и след.

²³ Н. Кондаков. Указ. соч., т. II. СПб., 1915, стр. 298, рис. 166, 167.

²⁴ Там же, стр. 297—298.

валось большое национальное значение. Сказанное относится и к деисусным изображениям Георгия Каппадокийского и Дмитрия Солунского, изображения которых были акцентированы в фасадной пластике Георгиевского собора.

Очень показательно, что после изображения «Вознесения» на фасаде Георгиевского собора, образ Оранты в данном сюжете в московском искусстве исчезает и заменяется богородицей Gloria, известной по тем же суздальским вратам²⁵. Особая популярность композиции «Вознесение» на панаягах XIV—XV вв.²⁶ частично объясняется тем, что изображаемая на них богородица Gloria понималась как «эмблематическая формула молитвы» за то или иное лицо²⁷, т. е. сближалась с Боголюбской. В новгородском искусстве, наоборот, удерживается византийская Оранта-Влахернитисса. То же самое наблюдается и в изображениях «Покрова». В Новгороде «Покров» изображался с Орантой на фоне Влахернского храма, а в Суздале и в Москве — с богородицей, близкой к типу Gloria, на фоне архитектуры владими́ро-суздальского характера. Во всем этом следует усматривать стремление Москвы опираться на самобытность, на владими́ро-суздальское, а не на византийское наследие. При этом владими́ро-суздальское наследие воспринималось Москвой творчески, сочеталось с большим новаторством, что свидетельствует о глубине разрабатываемых в искусстве идей.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Г. К. ВАГНЕРА²⁸

М. А. Ильин обратил внимание на ряд вопросов, возникающих в связи с изучением рельефов Георгиевского собора (растительный орнамент, градация рельефа в резьбе, синхронность рядов кладки в закомарах, доделка рельефов на месте и т. д.). Наличие на камне с рельефом Христа растительного орнамента заставляет усомниться в происхождении этого рельефа из композиции «Вознесение». Говоря о площади для размещения фасадных композиций, следует учитывать, что западный притвор мог завершаться закомарами на три стороны. В заключение М. А. Ильин отметил, что изучение пластики Георгиевского собора позволяет пересмотреть утвердившееся мнение, что развитый иконостас сложился в московском искусстве в XV в.

Н. Н. Воронин дополнил доклад характеристикой растительной орнаментации собора, которая словно сказочный сад оплетала фигурные композиции. В этом проявилось соединение языческого с христианским. Изображение Христа, благословляющего обеими руками, несомненно, было связано с особым значением культа Спаса в борьбе владими́рских князей за независимость от Византии. Так же несомненно, что «Вознесение» с богородицей типа Боголюбской обуславливалось патрональным характером этого образа, что подтверждается владими́ро-суздальской иконографией «Покрова» и литературой XII в.

В. П. Даркевич высказался против господствовавшего в старой науке преувеличения роли восточных влияний в пластике Георгиевского собора. В пластике больше романских черт и отражений вкусов княжеско-дружинной среды. Главную роль в ней играл не фольклор, а сложные сюжетные композиции, о которых шла речь в докладе. Конкретность и реалистичность пластики Георгиевского собора связаны с конкретностью политической

²⁵ Н. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. СПб., 1896, рис. 103.

²⁶ Б. А. Рыбаков. Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV в. МИА, № 12, 1949, стр. 187 и след.; Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XII—XVII веков в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, стр. 49 и след.

²⁷ Н. Кондаков. Указ. соч., т. II, стр. 364.

²⁸ О докладе Г. К. Вагнера см. также в настоящем сборнике КСИА стр. 122 (Хроника).

программы, которую она выражала. В этом следует видеть корень отличия пластики Георгиевского собора от готического спиритуализма.

Во втором выступлении Н. Н. Воронин выразил несогласие с переоценкой роли княжеско-дружинных вкусов в пластике Георгиевского собора. Это скорее характерно для фасадной скульптуры предыдущего периода (Дмитриевский собор). Резьба Георгиевского собора более широка по своему социальному звучанию.

Б. А. Рыбаков высказал пожелание, чтобы все накопившиеся материалы по реконструкциям композиций были использованы для обобщающей работы по раскрытию «философии Георгиевского собора». В этой работе должно быть обращено особое внимание на интерпретацию богатейшей растительной орнаментации, отразившей в себе языческое почитание сил природы. По мнению Б. А. Рыбакова, замысел декора Георгиевского собора с его делением на три зоны (растительный мир, мир человека и мир божества) отражает древние представления о мироустройстве, выраженные еще в збручском идоле. В Георгиевском соборе нашло свое место органическое слияние языческого с христианским.

В заключительном слове докладчик объяснил, что ряд вопросов общего характера не был затронут в докладе ввиду его вспомогательного характера. Что касается интерпретации самой скульптуры Георгиевского собора, то, несмотря на некоторое отличие ее от пластики Дмитриевского собора, противопоставления здесь не может быть. И та и другая представляют фазы развития единой владими́ро-суздальской художественной культуры, народность которой определяется не степенью близости к крестьянскому искусству, а выражением в ней интересов «мизинных» людей, поддерживавших прогрессивную национальную политику владими́ро-суздальских князей.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

РАБОТА ВЕРХНЕОКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1960—1961 гг.)

Верхнеокская археологическая экспедиция¹ ИА АН СССР, начавшая полевые исследования в 1949 г.², до настоящего времени уделяла основное внимание изучению памятников I тысячелетия н. э.³ Экспедицией были проведены раскопки и разведки поселений и курганов в верховьях Оки, по рекам Угре, Жиздре, Зуше, Нугрь, Цону, Орлику и другим, составлена археологическая карта Верхнеокского бассейна⁴ (Калужская и Орловская области); три поселения — городища у дер. Николо-Ленивец⁵ на р. Угре, у дер. Дешовки на р. Жиздре и селище у дер. Лебедки на р. Цон⁶ раскопаны полностью. В результате работ накоплен значительный археологический материал, позволивший осветить некоторые вопросы истории населения, обитавшего в бассейне Верхней Оки во времена, предшествующие летописным вятичам, и более позднего периода. В последние годы Верхнеокская экспедиция перешла к изучению вятичских поселений и курганов эпохи древней Руси. Работы начаты в наименее исследованном археологически юго-западном районе расселения вятичей (пограничье между современной Орловской и Брянской областями).

Как известно, племенные границы вятичей впервые очерчены Н. П. Барсовым на основании данных летописи о борьбе Изяслава Мстиславича с Ольговичами в 40-х годах XII столетия. По мнению Н. П. Барсова, западной границей расселения этого племени служил лесистый водораздел между притоками Десны — Неруссой, Навлей, Ревной и Болвой и притоком Оки — Жиздрой⁷. С целью уточнения границы расселения вятичей на юго-западе, в 1959 г. нами были начаты работы в бассейне р. Навли (в пределах Орловской области). В верхнем ее течении обследовано пять городищ. Три из них на самой Навле — у дер. Слободки⁸ и у дер. Железной, два других — на ее притоках — р. Водоче и у дер. Лески — на безымянном ручье, впадающем

¹ Первоначально — Верхнеокский отряд Славянской археологической экспедиции.

² Работа проводилась совместно с Калужским и Орловским областными краеведческими музеями.

³ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА № 72, 1959.

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, № 1.

⁶ Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1958, № 3.

⁷ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. 2-е изд. Варшава, 1885, стр. 156, 157.

⁸ У дер. Слободки два городища — большое и малое.

в р. Навлю. Все эти городища одинаковы по форме — почти круглые в плане, с кольцевым валом — и сооружены примерно в одно и то же время — XII—XIII вв.

Для раскопок было выбрано наиболее хорошо сохранившееся городище у дер. Слободки на правом высоком берегу Навли против дер. Сомово. По характеру планировки оно относится к сложному типу памятников и состоит из двух частей: 1) детинца — круглой в плане площадки (диаметром около 80 м), окруженной почти по всему периметру невысоким валом; 2) окольного города, часть которого в виде небольшой площадки подковообразной формы, отграниченной от детинца глубоким рвом, с напольной стороны также окаймлялась валом. Склоны детинца очень крутые, почти отвесные, упираются в глубокий ров. Над уровнем Навли городище возвышается на 16 м.

Исследование началось с раскопок на территории детинца. Культурный слой поселения, который по содержанию и цвету делится на два основных горизонта, был толщиной от 0,3 м в срединной части площади до 2,5—3 м по ее краям.

Нижний (или древний) культурный горизонт плотный черный или темно-бурый, толщиной 0,2—0,4 м содержал лепную керамику и отдельные предметы середины I тысячелетия н. э.; верхний — рыхлый, черный, с большим содержанием древесного тлена, горелого дерева и красной обожженной глины был мощностью от 0,3 до 2,5 м. На отдельных участках верхний слой был отделен от нижнего прослойкой желтого песка.

Многочисленный инвентарь, найденный в верхнем слое — обломки стеклянных браслетов, железные стремена, шпоры, замки, ключи, кресала, наконечники стрел, копий, писало⁹, решетчатые перстни (рис. 3), хрустальные шарообразные бусы, а также гончарная керамика — позволяют достаточно определенно датировать поселение временем от второй половины XII в. до середины XIII в. Несмотря на то, что исследованная площадь составляет около $\frac{1}{3}$ всей территории детинца, перед нами предстала интересная картина жизни древнерусского поселения, погибшего от пожара в момент какой-то катастрофы в середине XIII в. Так как изучение памятника еще не закончено¹⁰, настоящее сообщение является предварительным.

Наиболее значительны и интересны на городище Слободка его оборонительные и жилые сооружения. Поскольку поселение погибло в результате сильного пожара, частично сохранились обгоревшие бревна строений; остатки построек, не находившихся на поверхности земли, дошли до нас в виде истлевших бревен, а иногда обнаруживались только по коричневому слою древесной трухи или по цвету грунта. Не вполне ясным был мощный слой зеленоватого суглинка в юго-западной части раскопа, шедший по самому краю площадки, однако уже во время первых полевых работ (1959 г.) можно было предположить, что перед нами остатки какого-то оборонительного сооружения, может быть вала. Наши исследования 1960—1961 гг. позволили более четко выявить характер этих сооружений. Как упоминалось выше, с восточной, северной и западной сторон городище окружено валом. Не защищенной в настоящее время представляется только южная, обращенная к реке, часть площадки. Здесь нами и были открыты остатки надежных оборонительных сооружений. Дубовая стена состояла из сплошного, связанного ряда трехстенных срубов, поставленных по краю

⁹ Находка эта представляет тем больший интерес, что до настоящего времени древнерусские писала известны только из культурного слоя городов или поселений городского типа. А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 63.

¹⁰ За три полевых сезона 1959—1961 гг. было вскрыто 1400 кв. м. После того, как статья была сдана в печать, автором были продолжены раскопки на городище; в настоящее время вскрытая площадь равна 2000 кв. м. Результаты раскопок 1962 г. будут опубликованы позднее.

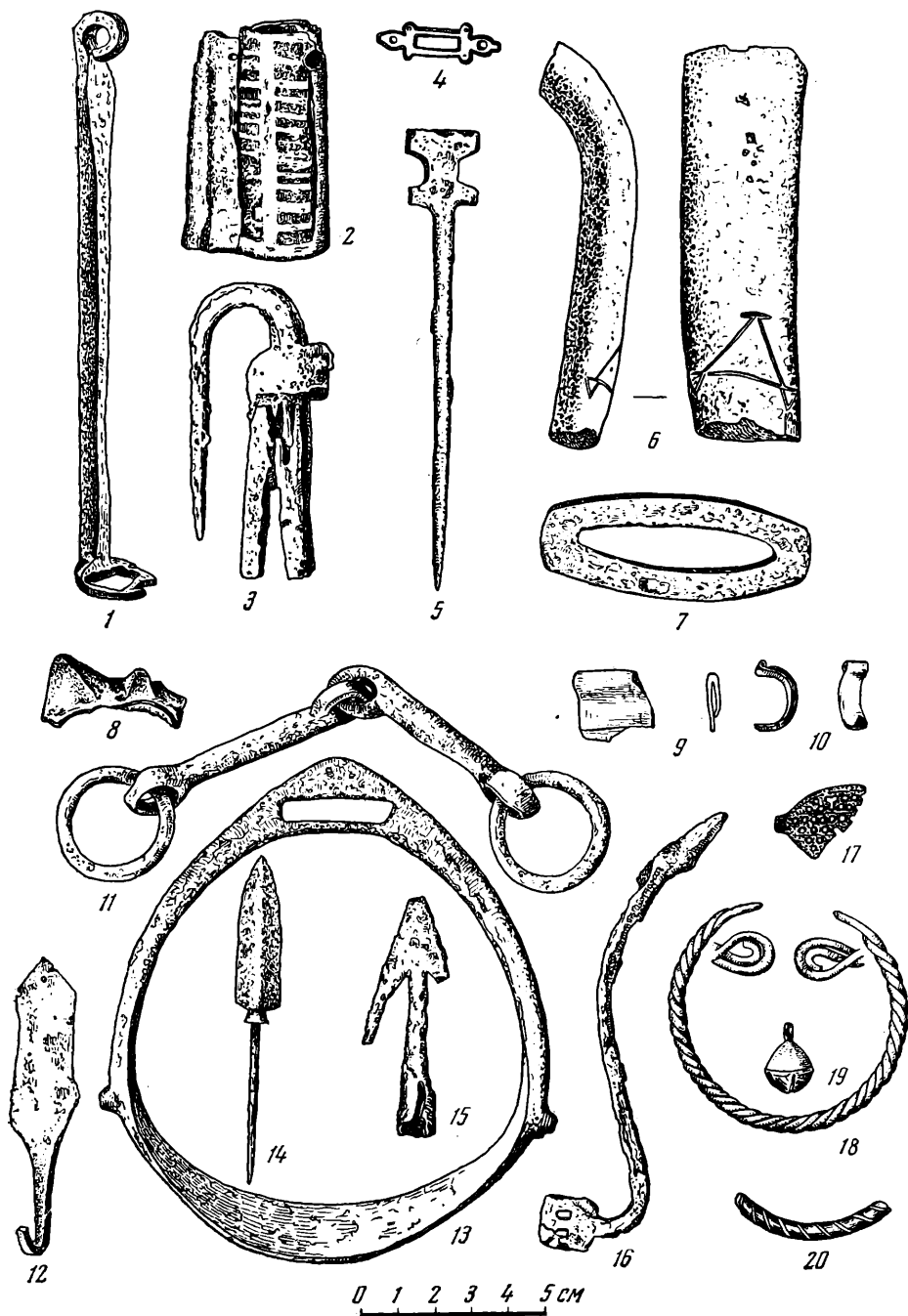

Рис. 3. Предметы, найденные на городище Слободка.

1 — ключ; 2, 3 — части цилиндрического замка; 4 — книжная застёжка; 5 — писало; 6 — ручка амфоры со знаком Д; 7 — кресло; 8 — обкладка булавы; 9 — край стеклянного бокала; 10 — бронзовая позолоченная серьга; 11 — удила; 12 — блесна; 13 — стрема; 14, 15 — стрелы; 16 — часть шпора; 17 — фрагмент решетчатого перстня; 18 — браслет витой; 19 — бубенчик с крестообразной прорезью; 20 — обломок черного стеклянного браслета (1—3, 5, 7, 11—16 — железо, 4 — серебро, 17—19 — бронза)

площадки и заполненных земель. В местах сопряжения с поперечными стенами продольные бревна соединялись между собой «в нахлестку». Ширина отдельных срубов или клетей 2 или около 2 м, длина 4 м. Таким образом, эти деревянные укрепления служили как бы каркасом земляной насыпи, предохранявшим ее от оползания. Наиболее хорошо сохранились остатки стены в юго-западной части городища, где можно было проследить три венца полуистлевшего сруба на высоту около 0,7 м; непрерывная линия стены выявлена на протяжении 24 м (рис. 4). Подобные деревянные конструкции внутри земляной насыпи известны на многих древнерусских городищах XII—XIII вв., в частности, они открыты в валах древнего Вышгорода, нижнего городища в Галиче, Мстиславля и т. д.¹¹ Какова была высота насыпи вала сказать трудно, так как поверхность площадки здесь почти горизонтальна — мощность земляной засыпки срубов, в которой прослежены остатки дерева, составляет около 2 м. По-видимому, деревян-

Рис. 4. Городище Слободка, сводный план сооружений в раскопках 1960—1961 гг.

1 — остатки и номера жилых построек; 2 — насыпь вала; 3 — остатки башен (А и Б); 4 — обожженная глина; 5 — хозяйственные ямы; 6 — остатки оборонительной стены; 7 — постройка с сыроступным горном; 8 — развал печи

ная стена выходила на поверхность насыпи вала, но в верхнем горизонте культурного слоя дерево не сохранилось. Судя по раскопкам насыпи вала, в западной и восточной части площадки такие же деревянные конструкции шли по всему периметру площадки, а там, где насыпь вала достигала значительной высоты, укрепления эти сооружались только в верхней час-

¹¹ П. А. Раппопорт. Русское военное зодчество X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 102; его же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. МИА, № 105, 1961, стр. 104, 106.

ти насыпи и выходили на поверхность¹² (раскоп 4Б, 1961 г.). Тем самым срубные конструкции вала были связаны с наземной частью всей системы оборонительных конструкций. Таким образом, внешнее кольцо обороны городка у дер. Слободки составляла насыпь вала (с деревянными укреплениями внутри), на поверхности которого возвышалась деревянная стена.

Кроме оборонительной стены, были сооружены и башни. На южном краю городища вскрыты, по-видимому, остатки дозорной башни (обгоревшие бревна стен и части сгоревшего пола). Основание башни составлял квадрат со стороной в 5 м, ориентированный с северо-запада на юго-восток, т. е. параллельно линии срубов оборонительной стены. Сооружение было построено на валу и как бы врезалось корпусом в его насыпь (рис. 4—А). На полу постройки найдены обгоревшие зерна ячменя. Предметов быта или украшений — не обнаружено. Вторая башня фланкировала въезд на городище в юго-восточной части детинца. О том, что она существовала, можно судить только на основании остатков довольно толстых обгоревших бревен в том месте, где обнаружен проем в насыпи вала (рис. 4—Б).

К внутреннему склону земляной насыпи с возвышавшимися на ней деревянными стенами и башнями примыкал второй ряд деревянных сооружений, конструкция которых была почти аналогична. Разница состояла только в том, что срубы, стоявшие у насыпи, были не трехстенными (см. выше), а четырехстенными и служили не только укреплением, но и жилищами. Два ряда сплошных параллельных стен, расположенных на расстоянии 4 м, разделялись поперечными стенками на отдельные камеры или клетки, ширина которых была от 2 до 3 м. Крыши этих построек были, по-видимому, односкатными и частично покрыты земляной насыпью¹³. Для укрепления пазы между бревнами стен промазывались глиной — в пределах жилищ обнаружены толстые куски глиняной обмазки. Полы жилых клеток были деревянными. Остатки печей сохранились довольно плохо: обнаружить их удается обычно по толстому слою обожженной глины и обломкам печной обмазки — все печи были глинобитными¹⁴. Очень часто массивы обожженной глины вперемежку со слоем сгоревшего дерева встречаются в виде заполнения предпечных или подпольных ям, куда они обрушивались во время пожара, так как печи ставились обычно над подпольями или поблизости от них на специальном деревянном каркасе. Совершенно аналогичная картина обнаружена В. В. Седовым при раскопках на Бородинском городище на р. Волости (Глинковский район Смоленской области), обитателями которого, по мнению исследователя, были также вятичи¹⁵.

Интересны остатки сгоревшей постройки в западной части детинца, у вала (раскоп 4 А, 1961 г.). От нее сохранились обгоревшие бревна нижнего венца сруба, переводины пола и части сгоревших досок его (рис. 4—5). Сруб был в форме правильного квадрата размером 4 × 4 м, стены ориентированы с северо-запада на юго-восток (параллельно стенам башни № 1). На полу (глубина 0,6—0,7 м) обнаружена груда лежавших в беспорядке костяков; кости скелетов страшно обгорели, некоторые даже

¹² Аналогичная картина выявилась, например, при исследовании конструкции вала Старой Рязани, где дубовые срубы открыты только в верхней части вала (А. Л. Монгайт. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. КСИМК, вып. XVII, 1947, стр. 28) или на городище Старые Безрадищи: у въезда, где валы повышались, срубы также находились только в верхней части насыпи (П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 121).

¹³ В результате раскопок 1962 г. планировку детинца удалось уточнить и дополнить: оказалось, что в северо-западной, северной и северо-восточной частях поселения, т. е. с напольной стороны жилые постройки были полностью скрыты под насыпью вала, высота которого здесь достигала 2,5—3 м.

¹⁴ При раскопках 1962 г. обнаружены остатки хорошо сохранившейся глинобитной печи, поставленной на деревянном основании.

¹⁵ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1960, стр. 98.

обуглились, иногда черепа находились в стороне от скелета. В сооружении собрано всего 16 черепов, но, по-видимому, скелетов здесь было больше, так как найдены еще и отдельные части нескольких разрушенных черепов. Никаких признаков жилья — остатков печи, предметов быта (кроме маленькой железной поясной пряжки и трех гвоздей) — в пределах сруба не обнаружено.

Параллельно этой постройке, несколько западнее, на расстоянии от нее менее 0,5 м обнаружены остатки еще одного сгоревшего сруба, внутри которого сохранился массив красной обожженной глины — развал печи. Возможно, что обе постройки сообщались между собой (рис. 4—8).

Остатки обгоревших жилых клеток (рис. 4—6) сохранились и в юго-восточной части детинца (раскоп 3, 1960 г.). Обгоревшие бревна продольных стенок срубов обнаружены на протяжении 10 м, расстояние между ними — 4,2 м; поперечные стенки делили это пространство на отдельные неравные отсеки шириной в 3,2 и 2,2 м. Остатки глинобитной печи в виде толстого пласта обожженной глины были сосредоточены в меньшей клетке. Возможно, что жилые клетки городища Слободка так же, как и на известном Райковецком городище, состояли из двух частей, функционально различных: «горницы» (больших размеров) без печи и «истопки» (меньших размеров), в которой находилась глинобитная печь¹⁶. Горница и истопка сообщались между собой. В некоторых местах в жилище сохранились остатки обгоревшего пола; доски пола прикреплялись к переводинам с помощью костыльковых железных гвоздей, семь таких гвоздей с загнутыми остриями обнаружено вдоль одного из бревен. На обгоревших досках пола постройки обнаружены скопления зерен ржи и вики, а также некоторые предметы быта и украшений; отметим части трубчатого замка¹⁷ (рис. 3—2), топор, дверной пробой, сковороду, обломки гончарной керамики, бронзовую полую позолоченную серьгу в виде полумесяца (рис. 3—10), обломки стеклянных браслетов. Обугленные остатки дерева постройки были покрыты слоем докрасна обожженного песка (толщина слоя 0,22 м), который, несомненно, использовался для тушения пожара. К северо-западной стене снаружи примыкала большая яма подпрямоугольной формы, размером 2,5 × 2 м и глубиной от уровня современного горизонта — 1,8 м (яма № 6). Заполнение ямы в верхнем ярусе состояло из зеленоватой глины в центре и темного суглинка у бортов, в нижнем — из серого грунта — глины, смешанной с углями. На дне ямы в южной части залегал массив обожженной глины ярко-оранжевого цвета, размером 1 × 1 м и мощностью свыше 0,4 м. В заполнении найдено много отдельных предметов; в верхнем горизонте — дверная цепь с пробоем, замок, два ключа, железное втульчатое долото, днище от зеленополивного горшка, в нижних горизонтах — шиферное пряслице, бронзовый решетчатый однозигзаговый перстень, обломок стеклянного крученого бирюзового браслета, части двух железных шпор с шипами, одна из них украшена крупной зернью¹⁸, обломки стеклянного сосуда. На самом дне ямы найден обломок нижнего жернова диаметром 0,6 м. Фрагменты керамики, собранной здесь, принадлежат тонкостенным профилированным сосудам, относящимся ко второй половине XII—XIII в. Что собой представляла эта яма? Может быть, это подполье наземной постройки, следов которой не сохранилось. Яма почти вплотную примыкала к жилой клетке (сооружение № 2) и, вероятно, была с ней непосредственно связана. По-видимому, это была хозяйственная постройка —

¹⁶ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 32.

¹⁷ По типологии и хронологии вещей, установленных на материалах раскопок Новгорода, замок и ключи относятся к типу «Б» — XII—XIII вв.; Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 80—82.

¹⁸ Подобные шпоры известны в памятниках древней Руси второй половины XII—XIII в. А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. СА, 1960, № 2, стр. 185, 191.

погреб, в который завалилась разрушенная во время пожара глинобитная печь стоявшей рядом жилой клетки.

Керамика, собранная на городище Слободка, довольно однотипна¹⁹ — это горшки, изготовленные на ручном гончарном круге. Сосуды сделаны из хорошо отмученного теста с едва заметной примесью мелкого песка, стенки их гладкие, хорошо обожжены. Преобладающая форма — горшок с короткой шейкой и высокими плечиками; встречаются горшки с выступом на границе плеча и тулова. Подавляющее большинство найденных фрагментов не орнаментировано²⁰. Среди орнаментированных сосудов наиболее часто встречаются покрытые линейным или волнистым орнаментом (почти поровну), затем линейно-волнистым; линии орнамента, как правило, ровные, параллельные, глубокие, т. е. сделаны на быстро вращающемся ручном гончарном круге. Редко встречается ямочный, еще реже — ямочно-линейный орнамент. На днищах горшков иногда попадались клейма. Найдены и обломки небольших двуручных круглобочих амфор с узким маленьким горлом. На ручке одной из амфор на обожженной глине процарапан знак Д (рис. 3—6), что означает цифру 4. Аналогичные амфоры найдены в Киеве М. К. Каргером в одной из землянок, разрушенной монголами в 1240 г.²¹, и на Ковшарском городище среди вещей XIII в.²² Вся найденная на городище Слободка гончарная посуда так же, как и весь собранный инвентарь, укладывается в хронологические рамки от второй половины XII в. до середины XIII в. Несмотря на то, что изучение памятника не закончено (желательно не только вскрыть всю площадь детинца, но и исследовать окольный город), уже сейчас можно сказать, что перед нами остатки одного из древнерусских городов в земле вятичей. Об этом можно судить не только по характеру культурных остатков укрепленной части поселения, но также и на основании разведывательных шурфов на территории посада: обнаруженный здесь культурный слой мощностью до 1 м содержал гончарную посуду, аналогичную городищенской, и обломки стеклянных браслетов.

Пока не завершено исследование города, трудно раскрыть его имя и можно высказать лишь некоторые предположения по этому поводу. В Ипатьевской летописи под 1147 г. наряду с районом Подесенья, Брянском, Воробинином и Мценском упоминается город Домагощ как поселение, которое было занято Святославом, когда он шел от Дедослава до Девягорска²³. А. Н. Насонов, ссылаясь на Надеждина и Неволлина, связывает это название с дер. Маговкой, вокруг которой якобы многие местности называются городищами²⁴. Однако археологическая разведка вокруг дер. Маговки положительного результата не дала — городищ нет. Любопытно, что в «Списке населенных мест Орловской губернии» дер. Маговка не числится, зато есть дер. Слободка, местонахождение которой точно совпадает с тем пунктом, где на карте А. Н. Насонова помечен город Домагощ, остатками его, может быть, и следует считать изучаемое городище.

Выше упоминалось о том, что поселение погибло в момент какой-то катастрофы; был ли это набег татар, половцев или результат феодальных междоусобиц, в связи с которыми и упоминается впервые Домагощ, пока сказать трудно; несомненно только одно, что после этого разгрома, который можно достаточно определенно отнести к середине XIII в., жизнь на поселении больше не возобновлялась.

¹⁹ Обзор керамики городища будет дан в специальной статье Т. В. Равдиной.

²⁰ Так, например, из 3669 фрагментов, найденных во втором пласте раскопа 3/960, орнаментировано 188, из 2506 третьего пласта — 175 и т. д.

²¹ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, табл. XXV. М — Л., 1958.

²² А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского ун-та, т. III, вып. 1, 1926, стр. 185.

²³ ПСРЛ, т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843, стр. 30.

²⁴ Деревня Маговка, в 38 км на юг от Карачева, ранее входила в Карачевский уезд Орловской губернии, теперь в Урицкий район Орловской области. А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 224.

П. А. РАППОПОРТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И АРХИТЕКТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

*(из работ отряда по изучению крепостей,
1959—1961 гг.)*

Отряд по изучению крепостей закончил в 1958 г. обследование памятников древнерусского военного зодчества на территории Северо-Западной Руси и с 1959 г. приступил к обследованию памятников западнорусских земель. В 1959—1961 гг. отряд работал на территории северных и восточных районов древней Волыни, в Турово-Пинской земле и на территории так называемой Черной Руси¹. Всего за три года обследовано 89 пунктов, в 75 из них обнаружены древние городища. На обследованных памятниках исполнены обмеры (глазомерная съемка и нивелировка) и собран подъемный материал. На многих городищах для уточнения датировки заложены пробные шурфы, а в шести случаях проведены прорезки оборонительных валов и рвов.

Основной задачей отряда было изучение древнерусских оборонительных сооружений; однако помимо этого в результате работы получены также некоторые историко-географические, историко-архитектурные и чисто археологические материалы, которые могут представлять самостоятельный интерес вне связи с основной темой исследовательской работы отряда. В настоящей публикации мы останавливаемся именно на этих материалах, непосредственно не связанных с историей русского военно-инженерного искусства.

* * *

К наиболее интересным в археологическом отношении комплексам среди объектов, обследованных в 1959—1961 гг., могут быть отнесены Острожец (в 17 км к юго-востоку от г. Луцка), Листвин (в 15 км к востоку от г. Дубно), Шумск и Переспница.

За восточной окраиной с. Острожец, на ровном пологом склоне расположено городище, окруженное по периметру мощным валом и глубоким рвом. Диаметр площадки городища около 80 м, вся она распаивается, на ней встречается подъемный материал — керамика X—XI вв. и единичные фрагменты керамики XII в. Шурф, заложенный на площадке, показал, что культурный слой достигает толщины около 35 см и почти на всю глубину перепахан. На полях вокруг городища встречаются остатки древних печей.

¹ В работе отряда принимали участие: в 1959 г. лаборанты А. Н. Горшков, Л. Н. Литвинский, А. П. Раппопорт, в 1960 г. лаборанты Л. Б. Дмитриев, Г. И. Капелян, Д. Г. Савинов, в 1961 г. лаборанты Г. П. Гусев, Я. И. Добродий, Г. В. Ермолин.

На расстоянии около 150 м к северо-западу от городища следы поселения проявляются еще более отчетливо. Здесь в срезе стенки дороги, проходящей в неглубокой выемке, видны остатки жилищ и печей. В 1960 г. были расчищены остатки двух таких жилищ — полуземлянок, углубленных в материк на 0,8 м. В углах расположены печи, частично врезанные в материковый грунт (и выступающие за наружный контур жилища), а частично сооруженные из глины. Печи круглые; диаметр их пода 1,3 м. Под, толщиной 4 см, сделан из плотной глины. После разборки подов печей под ними обнаружены куски разбитых горшков X—XI вв. Жилища были более чем наполовину разрушены при прокладке дороги и поэтому форма их плана целиком не восстановлена. В сохранившемся углу одного из них обнаружена ямка от столба диаметром 8 см. Все находки в жилищах относятся к XI и, быть может, частично к X в.

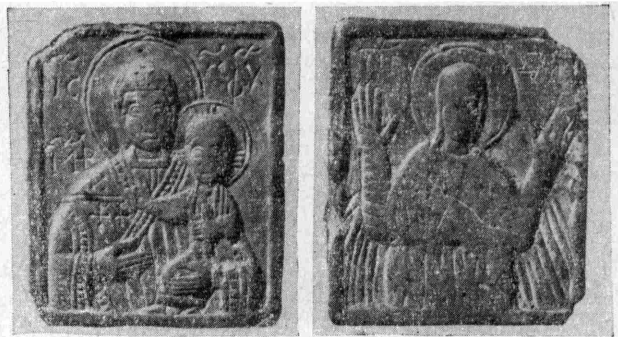

Рис. 5. Каменная иконка. Шумское городище

На городище Листвин в детинце и на площадке окольного города заложены шурфы, которые показали, что культурный слой здесь толщиной от 0,3 до 0,5 м насыщен большим количеством находок X—XI вв. При распашке местные жители часто находят здесь металлургические предметы. Так, в Дубенском музее хранятся плужные ножи (чересла) и другие находки. Вокруг городища сохранилось несколько групп курганов.

В Шумске толщина культурного слоя оказалась значительно большей — в напольной части детинца она достигает 1,35 м, а на площадке окольного города более 1,6 м. Слой, по-видимому, не поврежден поздними перекопками и дает материал от X—XI до XIII в.² На площадке детинца найдена небольшая резная (барельефная) иконка из зеленого камня — змеевика (серпентинита). На одной ее стороне изображение богоматери с младенцем, на другой — богоматерь Оранта (рис. 5). Судя по характеру изображения, иконка относится к XII—XIII вв. Расположенные вблизи курганы почти все распаханы, однако группа из 10 курганов сохранилась в лесу к югу от городища.

Археологический комплекс в Пересопнице состоит из двух городищ — в самом с. Пересопница (близ церкви) и в 2 км севернее у с. Белёв, где маленькое по площади городище расположено на возвышенном мысе над речной поймой и целиком относится к X—XI вв.³ Остатками

² Там же встречается материал трипольской культуры, эпохи бронзы и раннего железа.

³ В. Б. Антонович ошибочно полагал, что именно это городище является остатками летописной Пересопницы. См. В. Б. Антонович. О местоположении летописных городов Шумска и Пересопницы. Труды XI АС, т. 1. М., 1901, стр. 153—154. По исто-

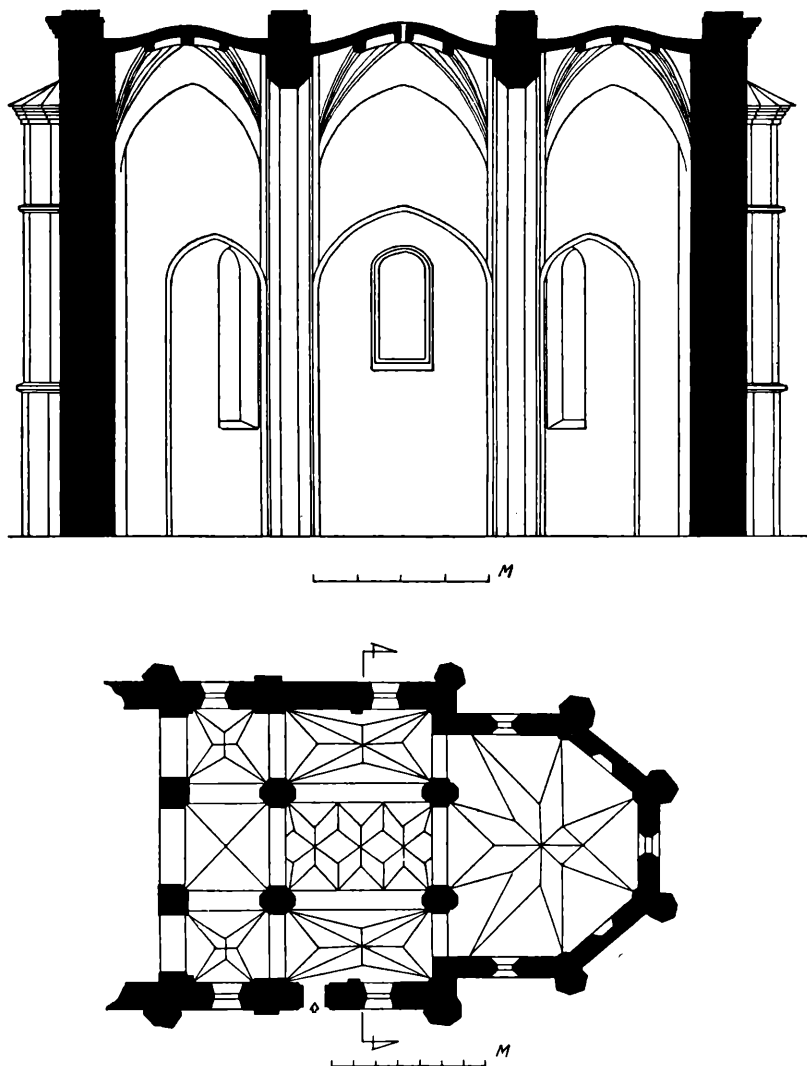

Рис. 6. Борисоглебская церковь в Новогрудке. План и поперечный разрез. Обмер Я. Добродия и Г. Ермолина. На плане схематически нанесен рисунок нервюры свода

древнего города является первое, большое городище, расположенное среди заболоченной низины. Судя по заложенным шурфам, культурный слой здесь достигает толщины несколько менее 1 м и относится в основном к XII—XIII вв. К городищу примыкает обширное неукрепленное поселение; культурные остатки XII—XIII, а частично также и XI в. встречаются в довольно большом количестве на площади, простирающейся более чем на 1 км к северо-западу от городища.

Насыщенный культурный слой толщиной более 1 м, относящийся к XI—XIII вв., отмечен на городищах в с. Шепель (в 18 км к западу от г. Луцка) и у с. Дорогобуж.

рии Пересопниці см. также О. Цинкаловський. Пересопниця. «Наша батьківщина», ч. 1. Львів, 1937, стр. 20. Курганы в районе Пересопниці описаны в работе Е. Н. Мельник. Дневники раскопок в земле Лучан. Труды XI АС, т. 1, стр. 480 и 533.

В г. Новогрудке обследовано здание Борисоглебской церкви трехнефной «зального» типа, т. е. своды всех трех нефов, расположены на одной высоте. Первоначальная постройка была в плане близка к квадрату и имела четыре столпа, из которых восточная пара расположена на линии начала апсиды (рис. 6). Основная часть здания завершена горизонтальным карнизом, апсида несколько понижена. На углах здания и на ребрах апсиды к фасаду примыкают декоративные шестигранные столбы.

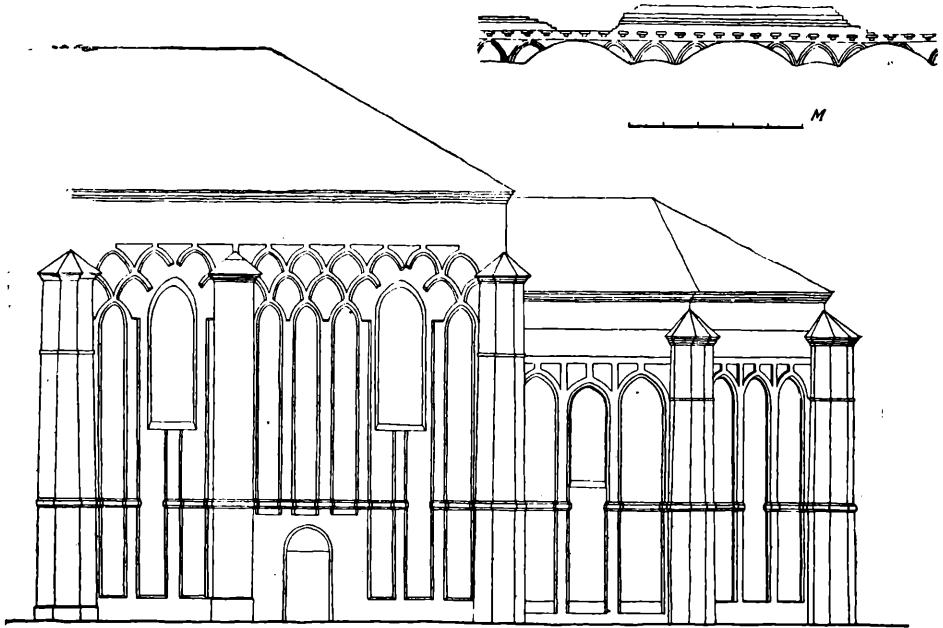

Рис. 7. Борисоглебская церковь в Новогрудке. Южный фасад и сохранившаяся деталь древнего западного фасада. Обмер Я. Добродия и Г. Ермолина

Фасады орнаментированы; по ним проходят вертикальные тяги, завершающиеся тремя рядами глухих стрельчатых арок (рис. 7). Западный фасад был прорублен при расширении церкви и превращен в пару столпов. На чердаке церкви сохранилась верхняя часть этого фасада с верхним рядом арок того же типа, как на боковых фасадах, и нижней частью глухого щипца. Очевидно, первоначальная кровля церкви была двускатной.

Своды церкви тонкие на нервюрах со сложным заведчатым рисунком. Они отделены друг от друга подпружными арками стрельчатой формы.

Вся церковь построена из кирпича. Размер кирпича — $(23-30) \times (12-13) \times (7-8)$ см. В арках и нервюрах кирпич лекальный. Окна церкви явно растесаны; они были, видимо, значительно уже и не перерезали рисунок арок на фасадах. Некоторая мягкость форм и деталей объясняется ремонтами и наметом штукатурки.

Здание Борисоглебской церкви построено в начале XVI в.⁴ В XVII в. при церкви был основан униатский монастырь и, по-видимому, тогда разобрана западная стена и пристроена новая западная часть с двумя башнями. В 1875 г. церковь вновь была реконструирована, причем фасад ее

⁴ У священника церкви Г. А. Волосовича хранится рукопись брошюры Л. Ф. Кляевского (1927 г.) с исторической справкой о Борисоглебской церкви. В этой справке с ссылкой на архивные документы отмечено, что церковь была построена в 1519 г. на средства князя К. Острожского и митрополита Иосифа Солтана.

обработан в «ложнорусском» духе, а также срублены щипцы двускатной кровли⁵.

Борисоглебская церковь в Новогрудке представляет собой один из немногих сохранившихся памятников своеобразной белорусско-литовской поздней готики⁶.

---

⁵ Чертежи церкви, представленные в 1866 г. при проектировании перестройки, см.— ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 167, Минская губ., № 46 и 81. Метрика церкви — Архив Ленинградского отд. Института археологии АН СССР, Р. III., арх. № 3197.

⁶ Имеются несомненные черты сходства между этой церковью и кафедральной церковью в Вильнюсе, сгоревшей в 1530 г. (рисунок ее см. Teodora Narbutta *romniejsze pisma historyczne*. Wilno, 1856. Рисунок — после стр. 108. Впрочем, рисунок этот мало достоверен). Многие элементы Новогрудской церкви можно сопоставить с церквами в Супрасльском монастыре и особенно с Мало-Можайковской церковью (см. например, И. Иодковский. Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси. Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников, т. VI. М., 1915, стр. 249).

В. В. СЕДОВ

ИЗ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1961 г.

1. К ИЗУЧЕНИЮ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
ВЛАДИМИРА

Летом 1961 г. в г. Владимире при прокладке новой магистрали от улицы Володарского до улицы Ленина с путепроводом через Ерофеевский спуск экскаваторами был снят до основания небольшой участок древнего вала, ограждающего с западной стороны так называемый средний или «печерный» город. В нижней части вала ковшами экскаваторов потревожены остатки внутривальных деревянных конструкций, о чем рабочие сообщили сотрудникам Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Вскоре на этом месте и были произведены небольшие раскопочные исследования¹.

Раскоп был заложен у края сохранившейся части вала, где после строительно-земляных работ остались непотревоженными нижние слои насыпи толщиной от 0,3 до 0,75 м, одна из траншей раскопа частично врезывалась в толщу вала (рис. 8). Срез вала, сделанный экскаваторами, был сильно наклонным и рваным, поэтому полного профиля поперечного разреза не получилось. На исследованном участке вал в современном его состоянии достигал высоты 5,5 м; ширина его в основании — около 35 м. Перед валом находится глубокий ров — Ерофеевский спуск.

В результате раскопок и зачисток среза выяснено, что насыпь вала была сооружена в один строительный период, местами из плотной глины красноватого или красновато-желтого цвета, местами из сероватого суглинка с песком. Мелкие включения черного культурного слоя немногочисленны. Основу вала составляли внутренние деревянные конструкции, прекрасно сохранившиеся в нижней части, там, где насыпь состояла из плотной глины, и полностью перегнившие в других местах.

Деревянная конструкция вала состояла из линий связанных между собой дубовых срубов, поставленных прямо на культурном слое. Каждая линия состояла из трехстенных срубов, поперечные стенки которых были врублены «в нахлестку» в продольные стенки срубов, благодаря чему вся деревянная конструкция оказывалась связанной воедино. Сложены срубы из дубовых бревен (врубка «в обло») примерно одинаковых размеров от 5,4 до 5,8 м. Диаметр бревен 20—40 см. Раскопками изучены главным образом два нижних венца срубов. Только в южной траншее, вырезанной в не тронутой экскаваторами части вала, прослежено пять венцов. При этом сохранность бревен третьего и четвертого венцов в отличие от нижних

¹ Археологические работы финансировались Владимиро-Суздальским историко-художественным и архитектурным музеем-заповедником.

очень плохая, а бревна пятого венца прослежены в виде коричневых пятен, образовавшихся от перегнившего дерева. Контраст между сохранностью нижних и верхних венцов внутривальных срубов поразителен. Также различна сохранность дерева на разных участках основания вала. Если в том

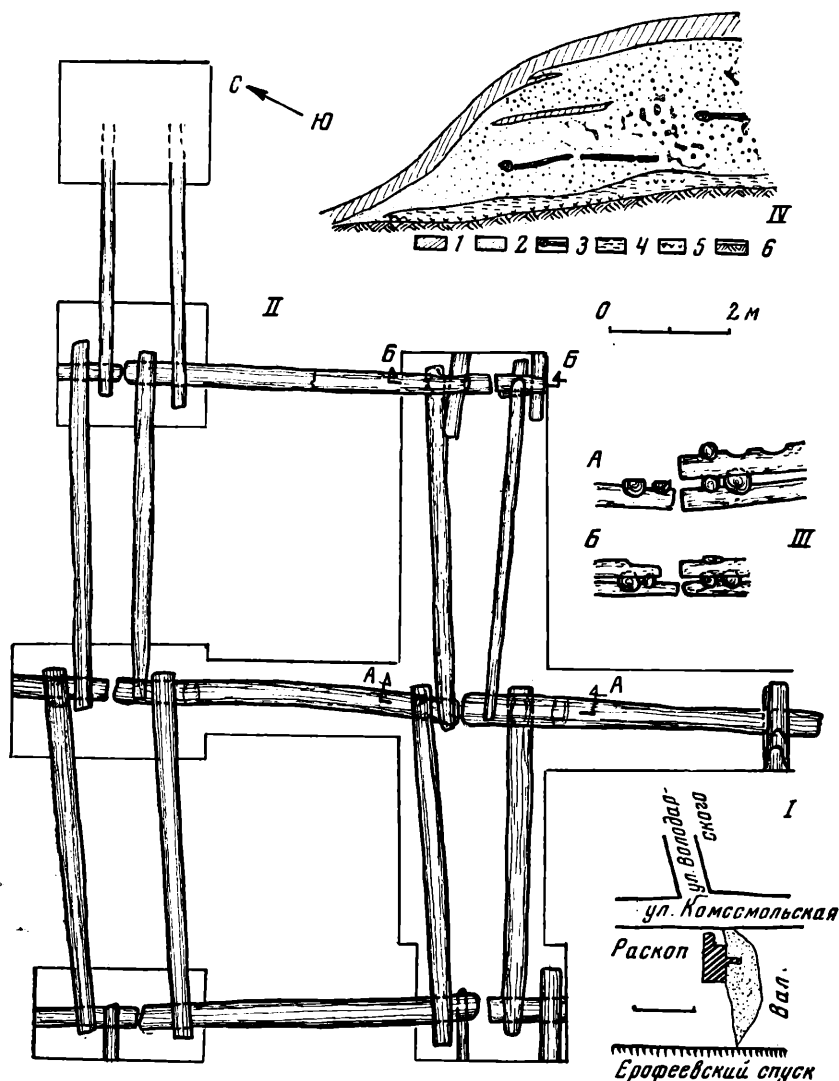

Рис. 8. План и разрез вала среднего города во Владимире.

I — ситуационный план раскопа 1961 г.; *II* — план внутривальных деревянных конструкций, открытых раскопками (очерчены границы траншей и шурфов, доведенные до материка, в остальных местах расчищены только бревна); *III* — разрезы деревянных конструкций вала; *IV* — разрез части вала в парке им. А. С. Пушкина (зачистка 1958 г.).

1 — темно-серый слой; 2 — серовато-желтый суглинок с мелким камнем; 3 — остатки деревянных конструкций; 4 — обожженная глина; 5 — слой угля; 6 — материк

месте, где были произведены раскопки, дубовые бревна сохранились прекрасно (сделаны спилы для дендрологического изучения), то к краям вала дерево сгнило и прослеживается в виде коричневых прослоек и пятен.

Зачистка нижней части показала, что коричневые прослойки и включения, образовавшиеся от перегнивших деревянных конструкций, продолжались по всему основанию вала, не доходя до его современного внешнего

края на 4,5—6 м. Определить, как высоко поднимались внутри вала срубные конструкции, не было возможности.

Внутривальная срубная конструкция описанного типа исследована раскопками впервые, но это, конечно, не означает, что подобная конструкция была единичной в военно-инженерном искусстве домонгольской Руси. Еще слишком мало древнерусских оборонительных сооружений исследовано археологическими раскопками. Ближайшей к исследованной во Владимире можно считать срубную конструкцию, открытую в 1952 г. в валу древнего Вышгорода и относящуюся к тому же времени². В отличие от вышгородской конструкции линии связанных срубов поставлены во Владимире не вдоль вала, а поперек него, что, несомненно, придавало насыпи большую прочность.

После разреза во Владимире так называемого Ивановского вала, защищавшего «печерный» город с восточной стороны, казалось, что земляной вал среднего города древнего Владимира не имел никаких внутренних деревянных конструкций³. Вполне возможно, что восточная часть вала среднего города не одновременна с валом, ограждавшим этот город с западной стороны, и поэтому древнее ядро Ивановского вала не имело никаких внутренних конструкций. Что касается западной стороны вала среднего города, то есть все основания полагать, что срубная конструкция, исследованная раскопками 1961 г., составляла основу земляной насыпи не только на небольшом участке. Внутривальные деревянные конструкции зафиксированы еще при строительстве здания нынешнего Госбанка. Срубная конструкция обнаружена в 1958 г. в парке им. А. С. Пушкина недалеко от Успенского собора в разрезе, образованном весенними и дождевыми водами (рис. 8, IV). В 1959 г. остатки деревянных конструкций в валу среднего города зарегистрированы В. М. Масловым близ Дома пионеров при наблюдениях за строительными работами, связанными с прокладкой проезда по Муромскому спуску и путепровода через него.

В последнее время в результате исследований Н. Н. Воронина по археологии и топографии древнего Владимира установилось представление о среднем городе древнего Владимира, как о городе Владимира Мономаха⁴, в связи с чем вал, защищающий эту часть города, иногда называют Мономаховым валом. Выше отмечено, что исследованный нами участок вала «печерного» города был сооружен на культурном слое. Плотный черноватосерый культурный слой с навозом и с хорошо сохранившейся щепой имел толщину 0,3—0,5 м. В верхней части его четко выделялась тонкая (толщиной до 5 см) строительная прослойка, состоящая исключительно из дубовой щепы и коры. Это — слой строительного мусора, образовавшийся при сооружении внутривальной срубной конструкции.

Уже сам факт наличия культурного слоя под насыпью вала среднего города ставит под сомнение положение о сооружении этого вала (по крайней мере на том участке, который был подвергнут раскопочным исследованиям) в самом начале XII в. при основании города Владимиром Мономахом. Единственным датирующим материалом для определения времени сооружения вала служит керамика, собранная в культурном слое под насыпью и в насыпи вала⁵. Она однородна. Форма сосудов — горшки курганного типа. Глиняное тесто черное или черно-серое без крупных включе-

² П. А. Раппопорт. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 180—184.

³ П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.—Л., 1961, стр. 100, 102 и рис. 80.

⁴ Н. Н. Воронин. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г. СА, № 8, 1946, стр. 153—162; его же. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, № 11, 1949, стр. 204.

⁵ Кроме керамики, в культурном слое под валом найдены зонная бусина из горного хрусталя, обломок витого браслета из черного стекла, железные гвозди, нож, остатки кожаной обуви и обугленное зерно.

ний дресвы, обжиг средний, орнаменты линейный и волнистый. По формам венчиков (рис. 9) керамический материал датируется XI—XII вв. Венчики с загнутым внутрь краем и имеющие с внутренней стороны характерный рубец⁶, которые распространены в древнерусских памятниках второй половины XII и XIII в., здесь единичны. С другой стороны, отсутствуют здесь и венчики сосудов, характерных для курганов и поселений X—XI вв.

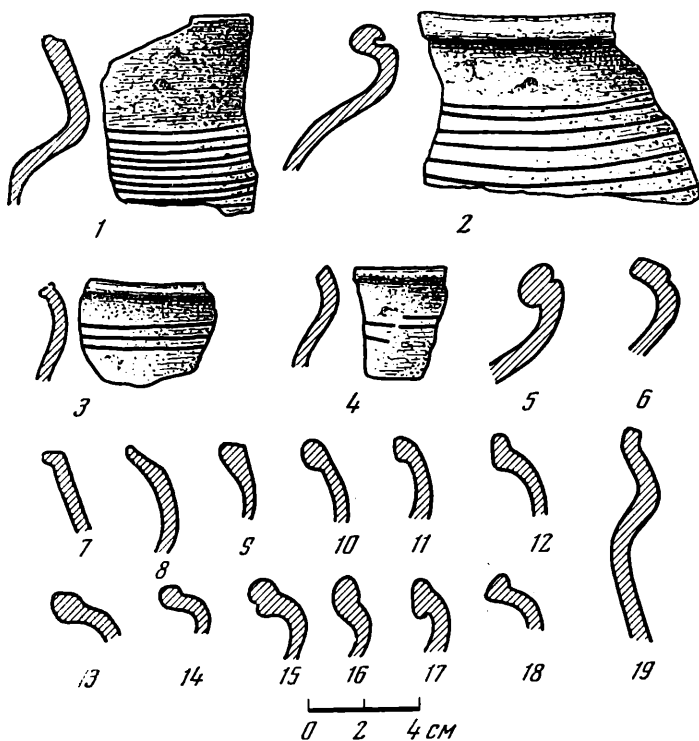

Рис. 9. Венчики сосудов из раскопок во Владимире (1—19)

Все это позволяет датировать культурный слой, образовавшийся до сооружения вала, XII столетием. В целом глиняная посуда, собранная в 1961 г., почти не отличается от коллекции керамики, происходящей из раскопок Ивановского вала⁷ в 1953 г. Исключением являются фрагменты красной керамики с вертикальным лощением, найденные в 1961 г. в культурном слое под насыпью вала и в черных включениях насыпи. Однако эти находки не противоречат предлагаемой датировке культурного слоя XII в., так как подобная керамика, по-видимому, привозная из Волжской Болгарии, в последние годы встречена в бесспорно домонгольских слоях ряда городов Владимирской земли. Красная лощеная керамика найдена при раскопочных исследованиях Гороховца в слое XII—первой трети XIII в.⁸, в слоях XII—начала XIII в. в Ярополче Залесском (с. Пировы Городищи Вязниковского района), при раскопках 1958 г. близ Золотых ворот во Владимире в полуземлянке, датируемой концом XII—началом XIII в.

Таким образом, исследованный раскопками участок вала среднего города, сооруженный на культурном слое, отложившемся в течение XII в., не был первоначальным валом города Владимира Мономаха. Вопрос о том,

⁶ П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 126, 127 и рис. 46, 21—29.

⁷ Исследователь вала П. А. Раппопорт датировал эту керамику XI—XII вв.

⁸ В. В. Седов. Раскопки в Гороховце. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 88.

являются ли оборонительные сооружения среднего города результатом строительной деятельности Андрея Боголюбского или это был оборонительный пояс того детинца, который был заложен во Владимире в 1194 г. Всеволодом Юрьевичем, пока остается открытым.

2. СВИЩЕВСКИЕ КУРГАНЫ

В Верхнем Понеманье, Брестском Побужье и в Сувалкии от IX—XIII вв. остались многочисленные каменные курганы или каменные могилы, не имеющие аналогий ни среди погребальных памятников восточнославянских племен, ни среди западнославянских древностей. Этническая принадлежность этих погребальных памятников до сих пор остается не определенной. Некоторые исследователи прошлого и начала XX столетия, основываясь на исторических, лингвистических и антропологических наблюдениях, полагали, что эти памятники оставлены ятвягами. Однако инвентарь могильников в общих чертах сходен со славянским, что позволило другой части исследователей определять памятники как славянские.

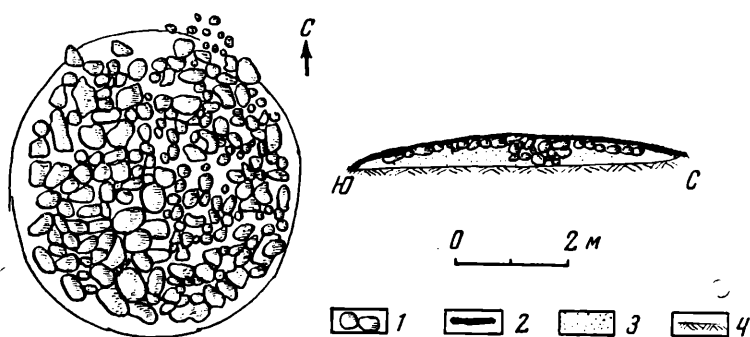

Рис. 10. План и разрез кургана 19 при дер. Свищево.

1 — камни; 2 — дерновый слой; 3 — песок; 4 — материк

В 1961 г. Верхнеднепровский отряд археологической экспедиции Института археологии АН СССР, производя археологическую разведку по южной границе древней балтийской территории, обследовал южную границу распространения каменных курганов в правобережной части бассейна Западного Буга, совпадающую в общих чертах с древней границей расселения балтийских племен, и произвел раскопки курганов в одном из могильников, результатам которых и посвящена настоящая статья.

Исследованный курганный могильник расположен по обе стороны шоссеной дороги Камень — Высокое на северной окраине деревни Свищево Ратайчицкого сельсовета Каменецкого района и состоит из 38 насыпей, из которых 12 были раскопаны Брестским областным краеведческим музеем под руководством И. В. Бируля⁹. Расположены курганы компактной группой, по внешнему виду насыпи отличаются одна от другой только размерами. В основании некоторых из них видна обкладка из крупных валунов, в других её нет.

Раскопки выявили здесь два типа погребальных насыпей. Первую группу составляют курганы с каменным покрытием. Типичен для этой группы курган № 19. Это была плосковатая, плотно задернованная насыпь высотой всего 0,4 м при диаметре основания 5,0—5,5 м. Валунного кольца в основании не было; сразу же под дерновым слоем открылась сплошная

⁹ Курганы, раскопанные И. В. Бирулей, пронумерованы с 1 по 12, курганы, исследованные в 1961 г., получили номера 13—19.

каменная вымостка, покрывавшая всю поверхность курганной насыпи (рис. 10). Она состояла из булыжников различной величины (от 10 до 60 см в поперечнике). Ниже шел светло-серый песчанистый грунт с большой примесью гравия. Но срединная часть кургана была сложена из таких же камней, как и поверхностная вымостка. В плане каменная часть насыпи представляла прямоугольник, вытянутый с запада на восток, его размеры $2,05 \times 1,20$ м. Прямо под этими камнями в светло-сером зольном слое на материке открылись остатки захоронения. Умерший был положен на спину, вытянут и ориентирован головой на восток. Погребение мужское, при нем найдены точильный брусок (у левого бедра) и два глиняных горшка, изготовленных на гончарном круге (один в ногах, другой в 0,5 м южнее первого).

Аналогичны по устройству были курганы № 13, 14, 16 и 18. Северная треть кургана № 13 скрыта при ремонтных работах на шоссе на дороге, тогда же, вероятно, снято и каменное покрытие. Оно сохранилось лишь в южной части насыпи и было сложено из небольших камней 15—20 см в поперечнике. Насыпь состояла из серовато-желтого песка с большим количеством мелкого камня. На материке на зольном слое открыт женский скелет; ориентировка западная. Около черепа найдены перстнеобразное полутораоборотное височное кольцо, стеклянная позолоченная бусина крупных размеров и медная зерненная бусина. В ногах погребенной был поставлен гончарный горшок.

Каменное покрытие кургана № 14 не отличалось от вышеописанных. Женский скелет, обращенный головой на запад, открыт на материке в зольном слое. У левого виска погребенной найдено трехбусинное височное кольцо, у правого — два таких же кольца, три перстнеобразных полутораоборотных и одно перстнеобразное с S-образным концом. У правого плеча найден небольшой железный нож, на правой руке — бронзовый ложновитый перстень.

Задернованная поверхность кургана № 16 обнаруживала явные следы каменного покрытия, сложенного из булыжников до 20—30 см в поперечнике. Насыпь состояла из песка с гравием, в ее основании прослежен зольный слой толщиной от 8 до 40 см. Остатки труположения открыты выше материка на 0,3 м, ориентировка западная. На черепе скелета найдено перстнеобразное височное кольцо с S-образным завитком на конце, в ногах — гончарный горшок.

В отличие от вышеописанных у кургана № 18, кроме каменного покрытия, в основании была еще кольцеобразная обкладка из крупных валунов. На материке в зольном слое расчищен мужской скелет, обращенный головой на восток. Никаких находок при скелете не оказалось.

Во вторую группу входят два последних кургана без каменного покрытия. Основания их были обложены крупными валунами. В остальном устройстве их не отличалось от насыпей первой группы. Насыпь кургана № 15 состояла из серого песка с большим количеством мелкого камня. Особенно много камней встречено в верхней части. На глубине 0,35 м (высота кургана 0,8 м) обозначилась прямоугольная могильная яма размерами $2,5 \times 1,2$ м. Общая глубина ямы 0,7 м, причем нижние 0,25 м вырыты в материке. Заполнение могильной ямы резко отличалось от курганной насыпи и состояло из крупнозернистого песка красноватого цвета и мелкого камня. На дне ямы открыт женский скелет, ориентированный головой на запад. При нем найдены перстнеобразное полутораоборотное височное кольцо и бронзовый плетеный перстень.

Курган № 17 был насыпан из серовато-желтого песка. Срединная часть насыпи состояла из красноватого песка с гравием и образовывала в плане прямоугольное пятно, подобное пятну предыдущего кургана. Под насыпью на материке в слое золы расчищен мужской скелет, ориентированный головой на запад. При нем найдены бронзовая кольцеобразная пряжка, же-

лезная дужка и фрагменты железных обручей от ведра, а также глиняный горшок, изготовленный на гончарном круге.

Время сооружения исследованных курганов определяется вещами и керамикой XI—XII вв.

Свищевские курганы с каменным покрытием по своему устройству повторяют ятвяжские каменные курганы Сувалкии, исследуемые в последние годы польскими археологами и относящиеся к первой половине и к середине I тысячелетия н. э.¹⁰ Это тоже низкие, плоские насыпи с каменными покрытиями. Представляется несомненным, что брестские каменные курганы конца I тысячелетия и первых веков II тысячелетия н. э. ведут свое начало от ятвяжских курганов середины I тысячелетия н. э. Восточная ориентировка мужских погребений свищевских курганов также исключает эти памятники из числа славянских и указывает на принадлежность погребенных к балтийской языковой группе. В пользу такого заключения свидетельствуют и материалы гидронимики. Каменные курганы Сувалкии и Брестского Побужья целиком занимают области, где несомненен слой гидронимики балтийского происхождения, в частности ятвяжской¹¹.

Наличие в свищевских каменных курганах украшений славянских типов не мешает этому выводу. В XI—XII вв. Брестское Побужье уже входило в состав древнерусского государства и присутствие здесь славянского населения несомненно. Памятниками славян являются курганы обычного славянского типа (без каменного покрытия), известные на этой территории¹². Процесс славянизации ятвяжского населения в XI—XII вв., по-видимому, охватил все Брестское Побужье. Собственно ятвяжскими к началу XIII в. остались лишь области, расположенные севернее р. Бобр. Вполне возможно, что часть каменных курганов Брестского Побужья принадлежала населению ятвяжскому по происхождению, но говорившему уже на славянском языке. В связи с этим славянские украшения в каменных курганах Побужья не могут служить препятствием для отнесения памятников к ятвягам.

¹⁰ M. K a s z y Ń s k i. Cmentarzysko z okresy wędrowek Ludów w miejscowości Osowa, pow. Suwałki. WA, t. XXII, 1955, s. 364, 365. Е. Антонович. К археологическому изучению древнего населения Прибалтики. ИАН ЭССР, серия общ. наук, 1957, № 2, стр. 175—176.

¹¹ K. V ū g a. Jotvingu žemės upių vardu galunė-da. Tauta ir žodis, kn. 1. Kaunas, 1923, s. 100.

¹² А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2. СПб., 1899, стр. 295 и 296.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО ТУРОВА
(1961 г.)¹

Древнерусский город Туров впервые упоминается в летописи под 980 г., где говорится, что Рогволод пришел из-за моря и утвердился в Полоцке, а Тур — в Турове; от него пошли туровцы. Дальнейшие летописные упоминания свидетельствуют о том, что Туров был крупным княжеским центром, из-за которого неоднократно происходили столкновения между русскими князьями².

Туровское городище расположено на холме вблизи р. Припяти, при слиянии ее рукава — Струмени и притока — Язды, ныне пересохшей. Валы городища не сохранились; поверхность сильно изрыта. Древним рвом городище делится на две части, меньшая (около 7500 кв. м), северо-западная, предположительно считается более древней³; площадь большей части — около 15 000 кв. м.

В 1927 г. белорусские археологи А. Э. Коваленя и С. С. Шутов произвели разведочные раскопки в Турове, вскрыли культурный слой на глубину 2,5 м, но не достигли материка. Находки свидетельствовали о наличии здесь древнерусского слоя⁴.

В 1961 г. в центре северо-западной части городища был заложен раскоп 12 × 20 м. Толщина культурных напластований достигала здесь 2,5 м. Стратиграфически выделяются четыре слоя. Первый (непосредственно под дерном, толщина 0,5—1 м) — сыпучий светло-серый грунт, сильно изрытый современными ямами. Второй, не везде резко отделяющийся от верхнего, характеризуется более темным цветом и комковатой структурой. Этот слой находится на глубине 0,9—1,4 м. Третий слой — плотный гумированный грунт, содержащий прослойки навоза, угля, черной земли, залегает на глубине 1,4—1,8 м. К нижнему, четвертому слою отнесены предметериковая прослойка и расположенный над ней светло-серый грунт с включениями угольков.

Датировка горизонтов культурного слоя приблизительно может быть произведена на основе массовых находок — керамики (местной и привозной — амфор), стеклянных браслетов, шиферных пряслиц — и по отдельным датирующим вещам.

¹ Работы производились отрядом Института археологии АН СССР на средства Туровского краеведческого музея.

² ПСРЛ, т. II, стр. 249, 259, 268 др.

³ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 305.

⁴ А. Э. Коваленя, С. С. Шутау. Матерьялы з дагісторні Тураушчыны. Запіскі адзелу гуманітарных навук. Працы археолёгічнай камісіі, т. II. Менск, 1930, стр. 373.

Нижний, четвертый слой содержит небольшое количество обломков глиняных сосудов, которые можно датировать концом X—XII в. Особенно много обломков рифленых амфор, временем наибольшего распространения которых принято считать XII в.⁵ На одном из обломков процарапана буква N. Стекланные браслеты (39 экз.) сосредоточены в основном в 10 пласте, так же как и пряслица (17 экз.), многие из которых помечены крестиками. В этом горизонте встречено наибольшее количество стекланных бус (25 экз.), почти все они датируются X—XI и XII вв. (например, крупная черная глазчатая бусина; желтые, синие, полосатые, лимонovidные; красная зонная; сердоликовая шарообразная и другие). Здесь найдены три наборных односторонних гребня (один целый и два обломка, рис. 11—4), скрепленных бронзовыми гвоздиками. Из трех стекланных перстней в этом слое оказались два — зеленый и синий, плосковыпуклые; в Новгороде они датируются концом XI — началом XII в.⁶ Раннюю дату дает бронзовый грушевидный бубенчик с крестообразной прорезью; встречен ложновитой бронзовый браслет с сужающимися концами, какие известны с середины XI в.⁷

В материке оказалось огромное количество ям, большая часть которых была вырыта с уровня самых нижних слоев; в них найдено большинство днищ глиняных сосудов с гончарными клеймами. Расчищена яма правильной прямоугольной формы (2,2 × 1,6 м, глубина в материке 0,55 м). По углам были столбики, между которыми прослеживались следы досок. Это сооружение по своим малым размерам не могло служить жилищем; вероятно это подпол наземного жилища. В этом же слое выявлены две линии частокола, образующие прямой угол; частокол был вырыт в материк на глубину 0,15 м.

Третий слой отличает большое количество перекопов (много звериных нор) и вследствие этого большая хронологическая пестрота находок. Керамика относится к XIII в.; состав других находок в целом подтверждает эту датировку. Стекланных браслетов (176 экз.) в этом слое наибольшее количество, что характерно для первой половины XIII в.; амфорных стенок меньше, чем в более древних напластованиях (77 экз.). Здесь сосредоточена половина всех найденных шиферных пряслиц (40 экз.). Из девяти бус пять датируются XII—XIII вв., остальные более ранним временем. Интересна свинцовая булава с остатками деревянной рукояти; такие булавки известны, например, в Москве, в Колодежном, в Райках и датируются XIII в.⁸ Найдена бронзовая иконка со стершимся изображением; подобная датирована В. И. Ханенко XIII в.⁹

В третьем слое сосредоточены все сохранившиеся деревянные сооружения: шесть срубов, из которых три попали целиком в границы раскопа. Все они очень плохой сохранности; ориентированы углами по странам света. Рублены «в обло». Площадь их в среднем 16—20 кв. м. В двух из них прослежен дощатый пол; внутри одного из срубов у стены была площадка размером 0,8 × 0,8 м, выложенная двумя слоями кирпичей (27 × 18 × 4,5 см), целых и в обломках (остатки печей отмечены еще в одном срубе); между слоями вымостки залит раствор. Это, вероятно, был под печи. Из таких же кирпичей сложено основание крыльца с внешней стороны юго-восточной стены этого сруба. Под некоторыми срубами подпольные ямы, уходящие в материк.

⁵ А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунских связей (XI—XIII вв.). Византийский временник, т. XIV, 1958, стр. 123.

⁶ Ю. Л. Шапова. Стеклоделие древнего Новгорода. МИА, № 117, 1962.

⁷ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 237, 249.

⁸ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 137, прим. 35 и 36.

⁹ В. И. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1900, табл. IX. 110.

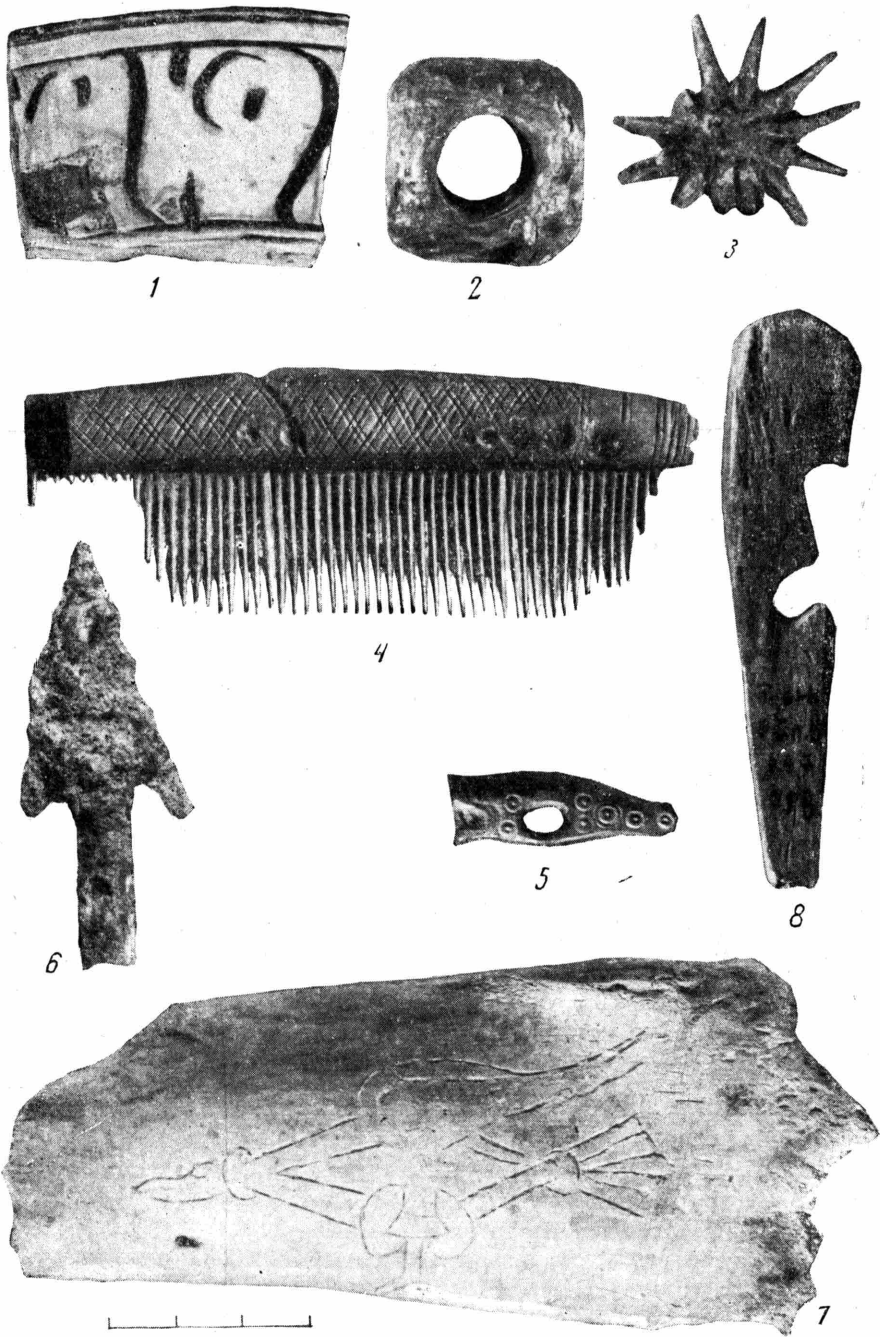

Рис. 11. Вещи из раскопок в Турове.

1 — обломок среднеазиатской поливной тарелки; 2 — свинцовая булава; 3 — бронзовое колесико от шпору;
 4 — костяной гребень; 5 — костяная голова дракона; 6 — железная стрела; 7 — обломок кости
 с изображением сказочной птицы; 8 — костяная деталь сложного лука

Второй слой довольно сильно нарушен. Большинство найденных в нем фрагментов керамики относится к XIII — началу XVI в., однако попадаются и более ранние. Почти все вещи, найденные в этом слое, сосредоточены в нижней части его. Здесь найдено всего 7 обломков амфор, 26 стеклянных браслетов, 5 бусин; обломок перстня голубого непрозрачного стекла; такие перстни известны как европейский импорт и датируются XIV—XV вв.¹⁰ Интересно колесико от шпору XIV—XV вв. (рис. 11—3)¹¹. Строительные остатки не прослежены, что может быть обусловлено неблагоприятными почвенными условиями.

Для туровского культурного слоя характерна очень плохая сохранность находок. Все изделия из железа и цветных металлов покрылись толстой коркой коррозии. Состав почвы оказался неблагоприятным и для части органических остатков: среди находок отсутствуют деревянные поделки, изделия из кожи.

Перечисленными вещами далеко не исчерпывается весь материал. Находки в Турове дают яркую картину быта, ремесленного производства и торговых связей древнерусского города. Изделия из кости, большей частью щедро орнаментированные, представленные упомянутыми гребнями, деталями сложного лука (рис. 11—8), рукоятями ножей и т. д. Очень интересны обломок кости с процарапанным стилизованным изображением птицы (рис. 11—7) и костяная голова дракона (рис. 11—5) со сквозным отверстием, покрытая циркульным орнаментом. Похожий предмет, но изготовленный из серебра, опубликован Н. П. Кондаковым¹². В Турове, несомненно, существовало косторезное ремесло, так как найдено много опиленных рогов лося и костяных заготовок. Из металлических изделий можно отметить бронзовую иконку, обломок креста энколпиона, многочисленные пряжки из цветных металлов, а также железные гвозди, ножи, ключи и т. д. В нижних пластах встретилося много обломков янтаря и заготовки янтарных бусин и перстня.

Особенно многочисленны находки стеклянных изделий — бус, обломков браслетов, сосудов, оконных стекол. Оконные стекла типичного для древнерусских городов облика — круглые, плоские с двойным ободком по краю; цвет желтый, синий, зеленый. Оконные стекла встречены в третьем и четвертом слоях. Спектральный анализ показал, что стекло это русское¹³. Посуда из желтого прозрачного стекла по составу и по форме также может быть отнесена к русским изделиям. Многие сходные сосуды найдены в стеклодельных мастерских Киева. Специально нужно отметить богато орнаментированные бесцветные и синие стекла, расписанные золотой и другими красками. По стилистическим особенностям и химическому составу они могут быть определены как импорт — византийский и частично сирийский.

В нижнем слое найдены два фрагмента среднеазиатской поливной посуды, один из которых может быть датирован XI—XII вв. (рис. 11—1).

В культурном слое была целая серия находок, свидетельствующих о наличии неподалеку каменного здания. Встречено много кирпича-плинфы, размером 16 × 26 × 3,5 см, 20 × 26 × 4,5(5) см, датируемого второй половиной XII — началом XIII в. Найдены также куски кровельного листового свинца и единичные обломки желтых и зеленых поливных плиток. На отделенной рвом юго-восточной части городища по указаниям местных жителей нами совместно с П. А. Раппопортом было исследовано место залегания кирпичной кладки. Здесь обнаружен внутренний угол здания, сложенного из кирпича указанных размеров.

¹⁰ Ю. Л. Шапова. Указ. соч.

¹¹ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 191, рис. 21, 5.

¹² Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, рис. XIII, 13.

¹³ Анализы оконных стекол и посуды произведены в лаборатории спектрального анализа при кафедре археологии МГУ Ю. Л. Шаповой и А. Н. Репиным, за что сердечно им глубокую благодарность.

М. В. СЕДОВА

РАСКОПКИ ЯРОПОЛЧА ЗАЛЕССКОГО
(1961 г.)

В результате археологических исследований последних лет в восточных районах Владимирской Руси был открыт древнерусский город Ярополч Залесский¹. Это большое полукруглое городище (230 × 100—125 м), расположенное на высоком крутом берегу р. Клязьмы в 5 км ниже г. Вязники, с напольной стороны защищено хорошо сохранившимся валом и рвом. Археологическая экспедиция Владимиро-Суздальского музея-заповедника и Вязниковского краеведческого музея совместно с Институтом археологии АН СССР приступила к систематическому изучению этого памятника. 1961 г. был третьим полевым сезоном: вскрыто около 800 кв. м площади городища, причем раскопы располагались и в северной и в южной его частях, непосредственно примыкая к ранее изученной территории.

Как и в предыдущие годы, обнаружены постройки двух типов: в нижних слоях — остатки полуземляночных жилищ, в верхних — наземных срубных. Культурный слой толщиной около 0,4 м в результате постоянного распахивания площадки оказался сильно потревоженным. Поэтому остатки наземных жилищ, кроме развалов глинобитных печей и печей-каменок, почти не прослеживаются. Исключение составляют остатки сгоревшего наземного жилища в северной части городища, где толщина культурного слоя повышается до 0,5—0,6 м. Это — срубная постройка, сложенная «в обло» из бревен толщиной около 20 см. Ее пол был настлан из толстых досок, плотно пригнанных одна к другой. Прочие детали устройства жилища и места входа определить не удалось, так как оно было сильно повреждено пожаром. Общие размеры также не могут быть определены, так как *in situ* открыто только две стены. Интересен состав находок, обнаруженных в самом жилище и около него. Среди них первое место принадлежит свинцовой печати (рис. 12—1, 2). На лицевой стороне печати помещена надпись «Дньъслово» в три строки, окруженная точечным ободком, а на оборотной — поясное изображение св. Ирины в царском венце и с мученическим крестом у груди. В. Л. Янин, посвятивший подобным печатям специальное исследование, датирует эту находку концом XI — началом XII в. и относит ко времени княжения Святополка Изяславича (1093—1113 гг.)². Около жилища и в заполнении хозяйственной ямы, открытой близ него, обнаружены обрывки серебряного сканного женского украшения — рясен

¹ В. В. Седов. Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 73.

² В. Л. Янин. Печати с надписью «Дньъслово». СА, 1962, № 2.

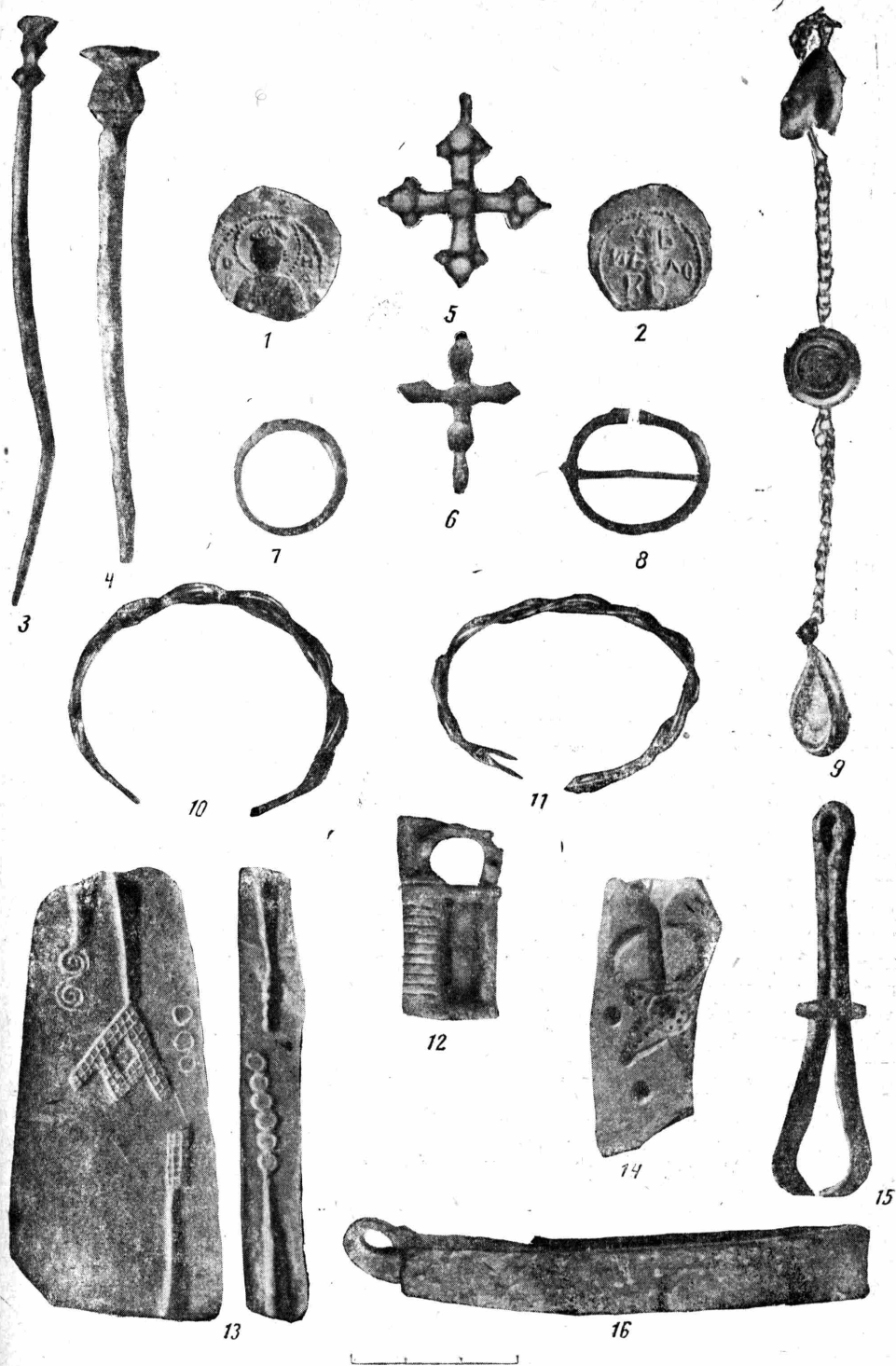

Рис. 12. Находки из раскопок Ярополча Залесского.

1, 2 — свинцовая печать (лицевая и оборотная стороны); 3, 4 — бронзовые и железное писала; 5, 6 — кресты-тельники; 7 — перстень, рубчатый; 8 — подковообразная фибула; 9 — обрывок серебряного кольца; 10, 11 — браслеты витые; 12 — замок бронзовый; 13, 14 — литейные формы; 15 — пинцет ювелира; 16 — бритва складная

(рис. 12—9), хорошо известных покладам конца XII — начала XIII в. из Старой Рязани, Смелы и Мартыновки (бывш. Киевской губ.)³, из Мирополя (бывш. Житомирской губ.) и с. Кресты (бывш. Тульской губ.)⁴. Кроме того, здесь же найдены два писала (рис. 12—3, 4), датируемые XII—XIII вв.⁵, две складные бритвы, датируемые новгородскими аналогиями первой половиной XIII в.⁶ (рис. 12—16). Собрано значительное число обломков амфор, ключи, замок, овальное кресало, наконечники стрел XII—XIII вв., шиферные пряслица, большое количество стеклянных браслетов. Весь материал хронологически укладывается в XII — начало XIII в., а наличие таких уникальных вещей, как свинцовая печать и рясна, указывает на принадлежность постройки богатому владельцу, возможно, княжескому наместнику или иному должностному лицу.

В 1961 г. исследованы остатки четырех полуземляночных жилищ, относящихся к начальному периоду существования укрепленного поселения. Полуземлянки размером 4,5—5 × 3—4 м углублены в материк на 0,4—1,0 м. Стены состояли из четырех угловых столбов и горизонтальных плах. Печи располагались напротив входа слева или справа. В одном случае был развал глинобитной печи, в двух других — развал печей-каменок. Инвентарь вскрытых полуземлянок очень беден. Это обломки стеклянных браслетов, скобы, гвозди, пробои, ножи, ключ, замок цилиндрический, два овальных кресала, пряжка поясная, бусина пастовая инкрустированная XI—XII вв. Судя по керамике, по типу бусины, по формам замка и ключа, все полуземлянки датируются XII в. Они были разобраны и на их месте выстроены наземные срубные жилища, от которых ничего, кроме развалов глинобитных печей и печей-каменок, не сохранилось. В 1961 г. вскрыто около десятка таких печей.

Вне сооружений в культурном слое северной части городища обнаружены очень интересные находки, связанные с ювелирным ремеслом. Это — три литейные формочки для отливки колтов (рис. 12—14), привесок и бляшек (рис. 12—13) и конусовидных грузиков, три пинцета ювелира (рис. 12—15) и долотце.

На всей вскрытой площади найдено большое количество предметов вооружения и снаряжения всадника, украшений.

В северо-западной части городища открыто христианское кладбище, существовавшее, видимо, довольно продолжительное время, так как могильные ямы в некоторых случаях перекрывают одна другую. Вскрыто 33 погребения, ориентированные все с запада на восток. Вещей почти нет. Лишь в погребении № 24 обнаружен перстень бронзовый, рубчатый (рис. 12—7), а в погребении № 33—13 перстнеобразных височных колец.

³ А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. XXVI, 5, 11; рис. 7—8.

⁴ Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, табл. 57, 2; 60, 1—2.

⁵ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, № 2, 1960, рис. 3.

⁶ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, рис. 45, 1—2.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

РАСКОПКИ В НОВОГРУДКЕ
(1960—1961 гг.)

Археологические работы в Новогрудке Гродненской области БССР ведутся Славяно-Литовским отрядом Прибалтийской экспедиции с 1956 г. Раскопки проводятся преимущественно на территории окольного города. До 1959 г. здесь вскрыта площадь около 1000 кв. м. В 1960—1961 гг. близ северного края площадки исследовано около 174 кв. м при мощности культурного слоя до 4 м.

В ранних слоях окольного города (конца X—XI вв.) встречены остатки плохо сохранившихся наземных жилищ и большое количество хозяйственных ям разнообразной формы, заполненных костями животных. Характерны для этого слоя выделанные на круге горшки с рифлением по всему тулову. Можно упомянуть также серп, ножи с утолщенной спинкой, односторонний костяной гребень, бронзовые пуговицы, кусочки оплавленной бронзы и др.; довольно много встречено железных криц.

Материалы эти подтверждают высказанное ранее предположение о том, что в конце X и в XI в. на территории окольного города существовало обычное древнерусское поселение¹.

От периода XII—середины XIII в. сохранились два горизонта наземных дерево-глинобитных жилищ. Это были массивы необожженной глины, в которых открыто несколько глинобитных печей и найдены также куски оконного стекла. Среди этих строительных остатков обнаружено много находок XII—XIII вв.

Особо интересны строительные остатки в раскопе, заложенном в северной части площадки окольного города. Здесь обнаружены три жилых постройки, возведенные одна над другой. Верхняя постройка, лежавшая на глубине от 1,5 до 2 м, почти не сохранилась. Можно лишь отметить, что она была из глины с примесью кирпича и белого пористого камня. Судя по находкам — керамике, стеклянным браслетам, обломкам амфор и др. — жилище погибло не позднее середины XIII в.

На глубине от 2 до 2,4 м находилась средняя жилая постройка. Это был сгоревший срубный дом, площадью 8,8 × 6,6 м. Сохранился (да и то не полностью) лишь нижний венец сруба, но с западной стороны лежали еще четыре бревна от венцов этого дома. Сруб был ориентирован по странам света. В западной части встречены остатки деревянного горелого пола из тесин шириной 20 см. На горелом дереве найдено большое количество обожженной глиняной обмазки. Остатки перегородки дают основание

¹ Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новгорода. СА, 1961, № 2.

предположить, что дом был разделен на две неравные части. В меньшей стояла печь; от нее сохранились обломки кирпичей (18,5 см ширины и 4,5 см толщины), обожженные камни, угли и зола. Вблизи углов дома лежали куски оконного стекла.

В доме встречено очень много находок: обычная и поливная керамика, обломки амфор, ножи, наконечники стрел, ключи, замки, огромное число стеклянных браслетов и украшения из бронзы и даже золота. Золотые вещи

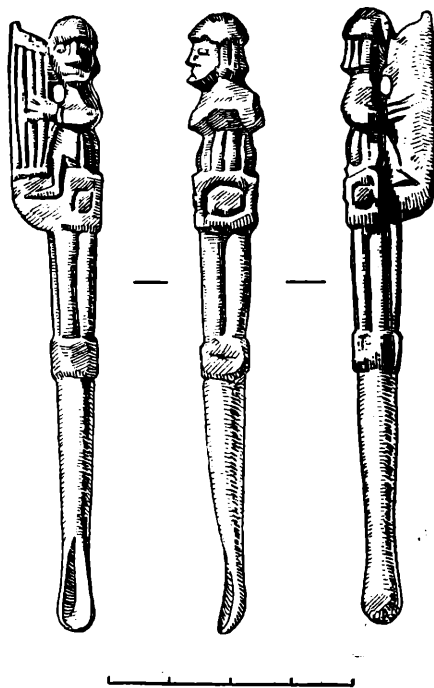

Рис. 13. Костяная ухвертка

лежали на полу близ западной стены дома. Это были округлые и грушевидные бусы, цепочка и часть медальона с перегородчатой эмалью. Упомянем также обломки иранской фаянсовой посуды с люстровой росписью и удивительные стеклянные сосуды. В 1960 г. в культурном слое этого жилища был найден толстостенный бокал с резным орнаментом, изображающим льва, грифона и пальметку. На территории нашей страны такой сосуд встречен впервые. Аналогичные бокалы хранятся в собраниях музеев Германии, Польши, Англии и некоторых других стран и известны в литературе под наименованием «Hedwigsgläser»². Во время работ 1961 г. в этом же доме найдены обломки бутылки и чаши из белого матового тонкого стекла, расписанные красной и золотой красками. Орнамент сосудов преимущественно геометрический, а по тулову бутылки, кроме того, золотом были нанесены три геральдические птицы³.

Наряду с этими роскошными вещами в срубном доме обнаружен набор ремесленника-ювелира. В северо-западной части дома вблизи печи лежали: щипцы, два напильника, долотце, молоточек и некоторые другие предметы.

² С. I. Lamm. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem nahen Osten*. Berlin, 1930, стр. 171, 175, табл. 63; R-H. Pinder-Wilson. *A Hedwig glass for the British Museum*. *The British Museum Quarterly*, 1960, vol. XXII, n. 1/2, стр. 43, табл. XVII.

³ О стеклянных сосудах, найденных в околном городе в 1958—1959 гг. см. Р. М. Жанполадян. Два стеклянные сосуда из Новогрудка. *Византийский Временник*, т. XIX, 1961, стр. 166—171.

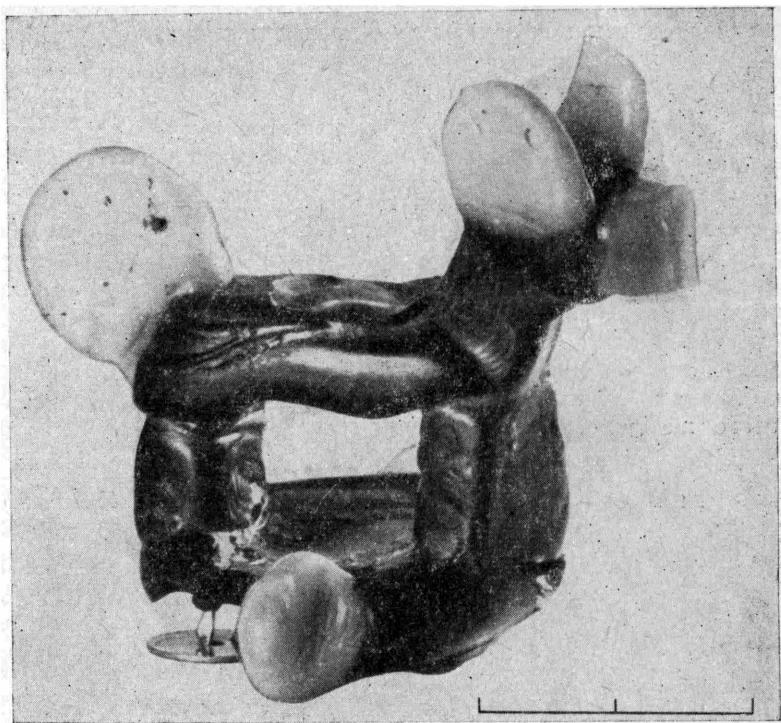

Рис. 14. Стекла́нная фигурка собачки

Кроме того, в других частях дома найдены еще один ювелирный молоток, наковаленка и несколько тиглей с капельками бронзы в них. Находки из срубного дома типичны для второй половины XII в. Под срубной постройкой лежал слой чистого песка, толщиной 20 см. По снятии этого песка открылся развал третьего сверху наземного глинобитного дома.

В глине найдено довольно много обломков как обычных, так и лекальных кирпичей.

Квадратный в плане дом был площадью в 76 кв. м. Его восточная, западная и южная стены совпадали с соответствующими стенами срубного дома. И также вблизи углов здесь найдены куски оконного стекла. В северо-восточном углу обнаружен развал глинобитной печи и остатки кирпичного пода, от которого сохранилось довольно много целых кирпичей (27 × 21 × 4,5 см). На слое необожженной глины лежали остатки горелого деревянного пола. Замечательной особенностью этого дома было то, что под развалом стен и на полу его найдены многочисленные куски штукатурки с полихромной фресковой росписью красной, белой, зеленой и другими красками. Весьма характерен геометрический и стилизованный растительный орнаменты, но встречаются и фрагменты изображения человека.

В углах дома лежали раздавленные амфоры: большие сосуды с округлым туловом, покрытым бороздками и рифлением, и с поднятыми над горлом ручками. На некоторых амфорах процарапан знак в виде пятиугольной звезды. На полу дома и в культурном слое, относящемся к нему, найдено несколько уникальных вещей. Таков золотой перстень с камнем, по-видимому, гранатом. Ободок перстня граненый, на каждой грани выгравирована латинская буква. Здесь найдена также резная костяная ухвертка, верхняя часть ее изображает сидящего музыканта, играющего на струнном инструменте (рис. 13). Упомянем также фигурку собачки, изготовленную из черного и белого стекла и являющуюся, вероятно, частью крышки какого-то сосу-

да (рис. 14). В этом же доме найдены обломок иранского фаянсового блюда с люстровой росписью и обломки импортных стеклянных сосудов.

Находки из глинобитного дома, а также размеры кирпича от пода печи дают возможность отнести постройку к первой половине XII в.

Материалы, добытые в 1960—1961 гг., подтверждают выводы, сделанные нами на основании данных исследований прошлых лет, когда были обнаружены аналогичные большие дома, возведенные один над другим⁴. Эти выводы кратко сводятся к следующему: в XII в. и вплоть до середины XIII в. в окольном городе Новогрудка на раскопанном нами участке жило богатое население, очевидно, социальные верхи древнерусского города. Об этом свидетельствуют большие жилища со стеклянными окнами, находки, среди которых очень много предметов роскоши и импортных вещей. Стены одного из таких домов были даже покрыты росписью.

Что касается ювелирных инструментов, найденных внутри богатого срубного дома, то можно предположить, что мастерская находилась в пределах этого же дома.

---

⁴ Ф. Д. Гуревич. О жилищах окольного города Новогрудка. КСИА АН СССР, вып. 87, 1962.

А. Ф. ДУБЫНИН, Д. А. СОБОЛЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ЗАРЯДЬЕ, МОСКВА
(1957—1961 гг.)

Московская экспедиция Института археологии АН СССР в 1957—1961 гг. продолжала археологические исследования на территории Великого посада Москвы в районе Зарядья¹. Наиболее интересными были раскопки на участке № 5, исследования которого начаты еще в 1953 г.² Раскоп 1957 г. (135 кв. м) находился на южной стороне этого участка³, где мощность культурного слоя 5,2—5,3 м.

С глубины 4,6—4,8 м от поверхности по всей площади раскопа прослеживается древнейший слой темно-бурого цвета, большинство находок которого относится к домонгольскому периоду. Коллекция стеклянных браслетов в 1957 г. пополнилась еще на 201 фрагмент. В размещении их по слоям наблюдались примерно те же закономерности, что и ранее — «...в Москве в более поздний период бытования стеклянных браслетов были распространены только гладкие; они удерживались в быту дольше, чем крученые»⁴. На глубине 4,6—5,2 м также обнаружены фрагменты тиглей, литейная форма (рис. 15—7), точильные бруски, ножи, бронзовый перстень, фрагмент серьги, костяной наборный двусторонний гребень, часть железной остроги. Подобные остроги для ловли больших рыб в Новгороде находят в слоях XIII—XV вв. Керамика обычна для древнерусского города XII—XIII вв. вообще и для данного периода Зарядья в частности.

Кроме небольшой ямы со щепой, камнями и навозом, в слое не обнаружено следов каких-либо сооружений. Вместе с тем косвенные данные (деталь двери⁵, несколько фрагментов замков, ключ (рис. 15—8), настил, небрежно сложенный из бывших в употреблении бревен разного диаметра), обнаруженные на этом участке, позволяют предполагать существование поблизости комплекса построек. Возможно, он был расположен где-то на юго-востоке от участка № 5, поскольку в этом направлении находилось скопление фрагментов тиглей и у южной границы участка найдена литейная форма. Если это так, то участок № 5 представляет собой часть территории московской усадьбы с жилым комплексом и, может быть, с меднолитейной

¹ Начальник экспедиции А. Ф. Дубынин; вели раскопы: Н. А. Красновская, Р. Л. Розенфельдт, К. А. Смирнов, Д. А. Соболева.

² А. Ф. Дубынин. Работа Московской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955.

³ Участок № 5 раскопок в Зарядье находился между уже не существующими теперь переулками — Ершовым и Елецким.

⁴ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 120.

⁵ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 90.

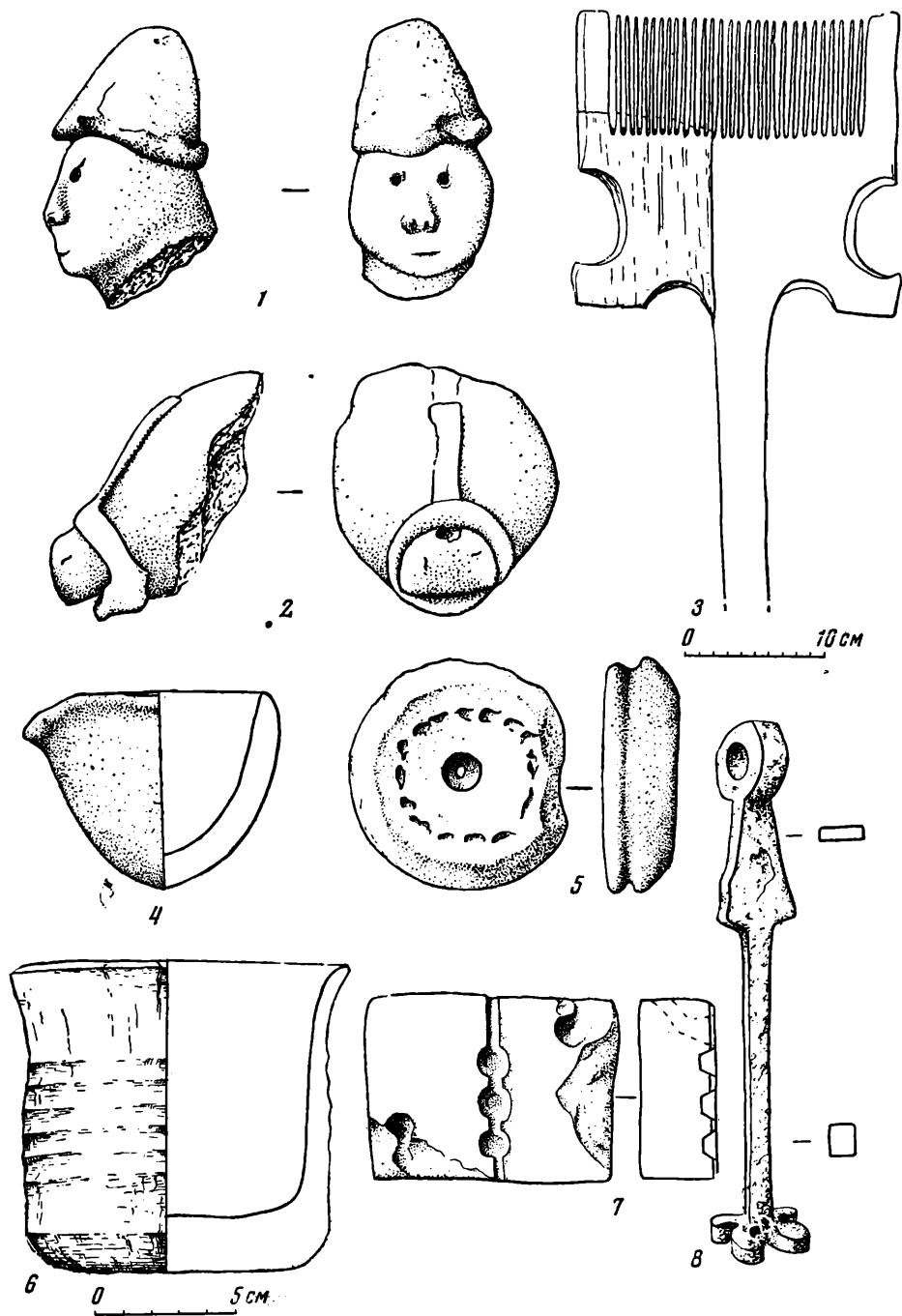

Рис. 15. Вещи из Зарядья (Москва).

1, 2 — обломки глиняных игрушек; 3 — гребень; 4 — тигель; 5 — блок; 6 — сосуд деревянный; 7 — литейная форма; 8 — ключ железный

мастерской. Судя по типам фрагментов стеклянных браслетов и их размещению в слое, по керамике и другим находкам и по общей стратиграфии, нижний пласт участка датируется XII—XIII вв.

В последующее время (XIV—XV вв.) эта территория служила для самых разнообразных хозяйственных целей.

Прежде всего появляются часто друг друга сменяющие настилы дворов. Есть среди них уложенные небрежно, чтобы как-то прикрыть топкую грязь. Подобный настил был одним из первых сооружений в восточной части раскопа, а в северной обнаружены остатки довольно узкого (1,8 м) настила длиной 3,2 м, идущего с севера на юг. Сложен он на лагах, аккуратно, из тонких жердей. Вдоль его западной границы лежала жердь с четырьмя плотно вдоль нее поставленными колышками. По-видимому, это узкая вымостка, ушедшая в северную стенку раскопа, тянувшаяся там вдоль дома, предположение о существовании которого именно в этом месте было высказано нами выше.

Настил, прослеженный в западной части раскопа, шел с северо-запада на юго-восток и был сложен из старых бревен, досок, еловых веток. Некоторые бревна сохранили следы огня. Очевидно, это остатки какого-то сгоревшего сооружения — след одного из многочисленных пожаров Зарядья. Рядом с южной границей раскопа обнаружены подкладки под восточную и южную стенки небольшого хозяйственного сооружения типа сарая.

С упомянутыми настилами и хозяйственной постройкой (глубина 4,0—4,6 м) связано довольно большое количество находок, которые своим составом подтверждают предположение о хозяйственном использовании этой территории и о непосредственной близости ее к жилому комплексу. Это два фрагмента тиглей, заготовка небольшой литейной формы, скребница, часть серпа, нож для обработки дерева, несколько хозяйственных ножей, деталь шарнирных ножниц, мушкетный шомпол, характерный для XV в., счетные поливные косточки (часто встречаются в слоях XV—XVI вв.), точильный брусок, бронзовые булавки, серебряный перстень, 22 фрагмента красноглиняных игрушек, среди которых три обломка игрушек, покрытых белым ангобом и черной росписью, что характерно для XV в., одна погремушка с пятнами ангоба.

К более позднему времени, очевидно к XVI в., относится начало энергичной застройки усадьбы. По материалам 1954—1955 гг. известно, что в это время на севере участка появляются небольшие, сменявшие одна другую хозяйственные постройки. Позже, на севере возникает большой комплекс, от которого сохранились остатки дома, по-видимому, кожевника, с прирубом и двор с плетнем⁶. Впервые на исследуемой территории появляется плетень, обозначающий северную границу усадьбы. В раскопе 1955 г. обнаружены остатки дубильного чана.

Что же изменяется в застройке площади раскопа 1957 г. в этот период?

К моменту появления в северной половине участка хозяйственных сооружений на юге сосредоточивается жилой комплекс. Сначала это, очевидно, две однородные, погибшие от пожара постройки. Одна из них была избой с прирубом, рубленой «в обло», с настилом пола из досок. Параллельно стене сруба снаружи лежала жердь — опора завалинки. На месте сгоревшей избы непосредственно после бедствия поставлен с использованием остатков другой сруб, в основных чертах повторяющий сгоревший.

И, наконец, последним в данный период был массивный сруб с подпольем, основная часть которого уходила в северо-восточном направлении за границу раскопа. Вскрыто около 18 кв. м постройки. Пол подвала был выложен из кирпича, если не весь, то во всяком случае та часть, где стояли лари и бочки (обнаружены остатки бочек, скопление зерна). Примерно

⁶ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 123.

в это же время рядом, с юго-восточной стороны постройки, возводят плетень. По-видимому, эта была южная граница усадьбы. Возможно, к тому же строительному периоду относится обнаруженное у самой южной границы раскопа сильно разрушенное сооружение, похожее на остатки дубильного чана, вскрытого в 1955 г.⁷ Это глиняная прослойка шириной около 1,2 м, частично обожженная. На восточной ее границе положены три кирпича, размещенные дугой. Здесь же множество обломков кирпичей.

С перечисленными сооружениями связаны следующие находки: фрагмент тигра (рис. 15—4), часть льнотрепального ножа, небольшая железная пила, стамеска с полукруглым лезвием, часть жернова, миниатюрный проушной топорик, мутовка, детский поршень (обувь), сделанный из голенища сапога, удила железные трехсоставные, косточки от счетов, засапожный нож, фрагменты красноглиняных игрушек, покрытых белым ангобом (рис. 15—1, 2).

Стратиграфия участка № 5, керамика, отдельные находки — все это позволяет отнести перечисленные сооружения к XVI в.

Кроме жилых и производственных комплексов, на территории раскопа 1957 г. были вскрыты остатки водосборных канав. Устройство их довольно типично для Зарядья: дно выложено корой или сучьями, сама канава огорожена плетнем. Иногда заметны следы укрепления старых водостоков. Самый ранний из них в северо-западной части раскопа, очевидно, относится к первой половине XVI в. Основное направление канав в этот период — с запада на восток. В конце XVI — начале XVII в., судя по водостоку № 13, на дне которого был обнаружен Нюрнбергский счетный жетон мастера Ганса Краувинкела (работал между 1580 и 1611 гг.), направление стока меняется (северо-восток — юго-запад). Возникший в XVII в. водосток № 9 еще раз меняет направление на север — юг. Таким образом, эта часть участка с середины XVI в. была занята системой водосборных канав. На юго-востоке от него на смену жилому комплексу XVI в. появляется комплекс, очевидно, производственного назначения. Это дубовый сруб, от которого сохранились три венца и расположенный рядом и непосредственно связанный со срубом колодец. Бревна колодца и сруба скреплены способом «в шип». У сруба частично сохранился пол. Вход был с запада. Интересно, что под нижним бревном рядом с северо-восточным углом лежал череп лошади. От колодца сохранилось 10 венцов. Он не доходил до материка, поэтому назвать его водоразборным нельзя. С западной стороны к колодцу примыкала закрепленная колышками в горизонтальном положении доска, к которой, в свою очередь, с юга примыкала круглая доска с большим количеством отверстий диаметром до 1 см. Непосредственно с круглой доской связаны вытянувшиеся к югу два продолжающих один другой желоба. Первый из них сделан из липы и первоначально, по-видимому, был покрыт доской. К югу желоба идут с большим наклоном. Таким же способом (желобом или канавкой) были связаны между собой дубовый сруб и колодец, в западной стенке сруба обнаружено отверстие (8 × 4 см) и в стенке колодца в сторону сруба прорублено подобное же отверстие, но больших размеров.

Производственное назначение комплекса не вызывает сомнения. Если при этом учесть существование на севере усадьбы несколько раньше «дома кожевника», огромного количества обрезков кожи в слое и даже специальной ямы, заполненной обрезками (раскоп 1955 г.), то можно предположить, что это комплекс кожевничного производства. Из находок, связанных с ним, наиболее интересны кусачки, кусок оплавленного серебра, множество фрагментов изразцов, «красных» и полихромных.

⁷ Х. И. Крис. О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва). КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 104.

К более позднему времени, чем указанные следы ремесленного производства, относится постройка площадью в 16 кв. м в северо-западной части раскопа (рис. 16—1). Здесь сохранился пол из круглых, слегка подтесанных с верхней стороны бревен диаметром 12—15 см. В северо-восточном углу помещения — остатки печи. Вход прослеживался с западной стороны. От этого, возможно жилого помещения к забору, обнаруженному в раскопке 1955 г., шел настил из бревен, плах и деревянных предметов во вторичном использовании (например тележная ось). Среди остатков сооружения были найдены лампадка чернолощеная, пробка свинцовая от штофа, пробой железный, коровья челюсть со следами сверления, ручка ножа, несколько обломков полихромных рельефных поливных изразцов начала XVIII в. и румпа красноглиняного изразца.

Интересен обнаруженный на том же участке колодец (рис. 16—2). По стратиграфическим данным он относится к XIX в.; сохранилось 27 венцов, общая его высота — 5 м. Стенки сруба вертикальны до глубины 1,5 м. Далее колодец начинает расширяться и нижняя его часть имеет форму пирамиды.

С глубины 2 м внутри сруба появляется второй. Он идет вертикально лишь с небольшими искривлениями. Самыми поздними сооружениями были фундаменты зданий XIX в. и группы свай под фундамент какого-то несохранившегося дома.

Таким образом, прирезка в 1957 г. раскопа к основной территории участка № 5 позволила проследить историю застройки значительной части одной из московских усадеб на протяжении нескольких веков. Как и в предыдущие годы, обнаружен слой домонгольского периода. Границы усадьбы того времени не попали в черту раскопа, что, возможно, говорит о ее величине, заметно сократившейся к XVI—XVII вв. Жилой комплекс находился где-то юго-восточнее. В XIV—XV вв. изменений в размерах усадьбы в пределах раскопа не обнаружено, зато множество самых разнообразных по виду настилов и хозяйственная постройка говорят о том, что хозяйственная роль этой части усадьбы возросла. XVI в. был веком энергичной застройки Зарядья. Последовательно обнаруживаются сначала северная граница усадьбы, потом южная. Лицо усадьбы меняют два, почти одновременно возникающие на севере и на юге кожевенных комплекса. Наряду с обработкой кожи одновременно существовала и узкая специализация — сапожное ремесло. В слоях XVII в. — новый кожевенный комплекс.

Итак, основное занятие жителей усадьбы XVI—XVII вв. — обработка кожи. Но помимо этого ремесла, следы которого прослеживаются в меньших размерах уже в XV в., через все века, начиная с XII—XIII и до XVII в. включительно, проходят совсем малочисленные, но неизменно присутствующие остатки какого-то меднолитейного комплекса, не попавшего в границы раскопа.

Таким образом, вскрытый участок № 5 значительно пополнил сведения о московском посаде XII—XVII вв. вообще, о застройке и занятиях населения Зарядья, в частности.

В 1958 г. основным объектом изучения была частично сохранившаяся до нашего времени Козмодемьянская башня Китайгородской стены, построенной в 1535 г. До XVII в. эта башня была проездной. От нее начиналась одна из древнейших улиц Московского посада — Великая улица, которая шла из Кремля на восток, вдоль реки Москвы. Остатки деревянных бревенчатых мостовых улицы и некоторых построек, стоящих вдоль нее, обнаружены экспедицией ИИМК АН СССР и Музея истории и реконструкции г. Москвы в 1949—1951 гг. С XVII в. в связи с повышением общего уровня поверхности земли в этой части Зарядья и утратой прежнего значения Великой улицы, когда основное движение уже шло по Варварской и Ильинской улицам, проезд через Козмодемьянскую башню был закрыт, а нижний ее этаж превращен в склад для хранения пушечных ядер.

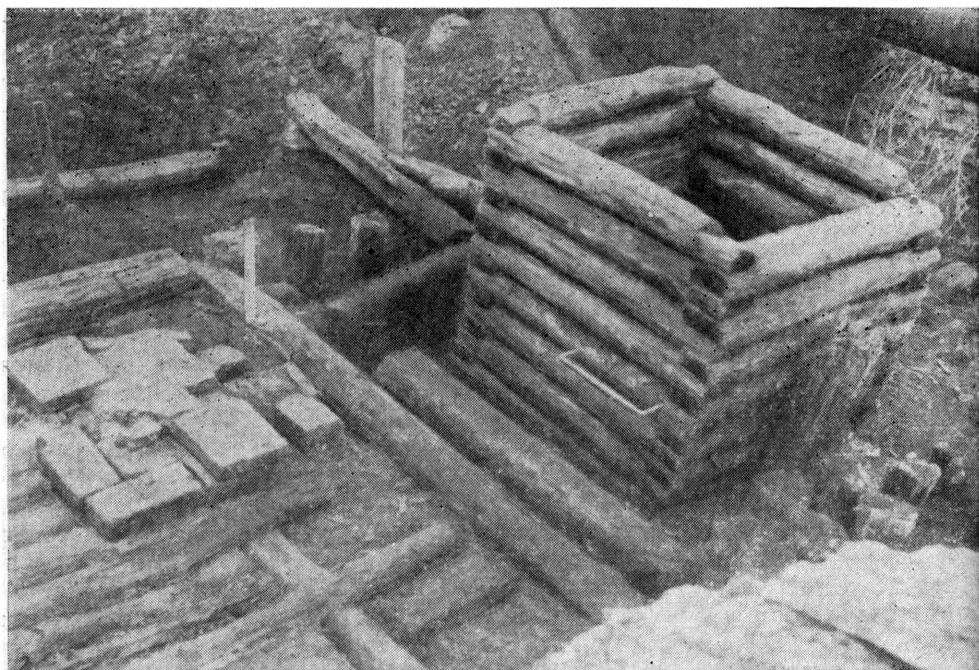
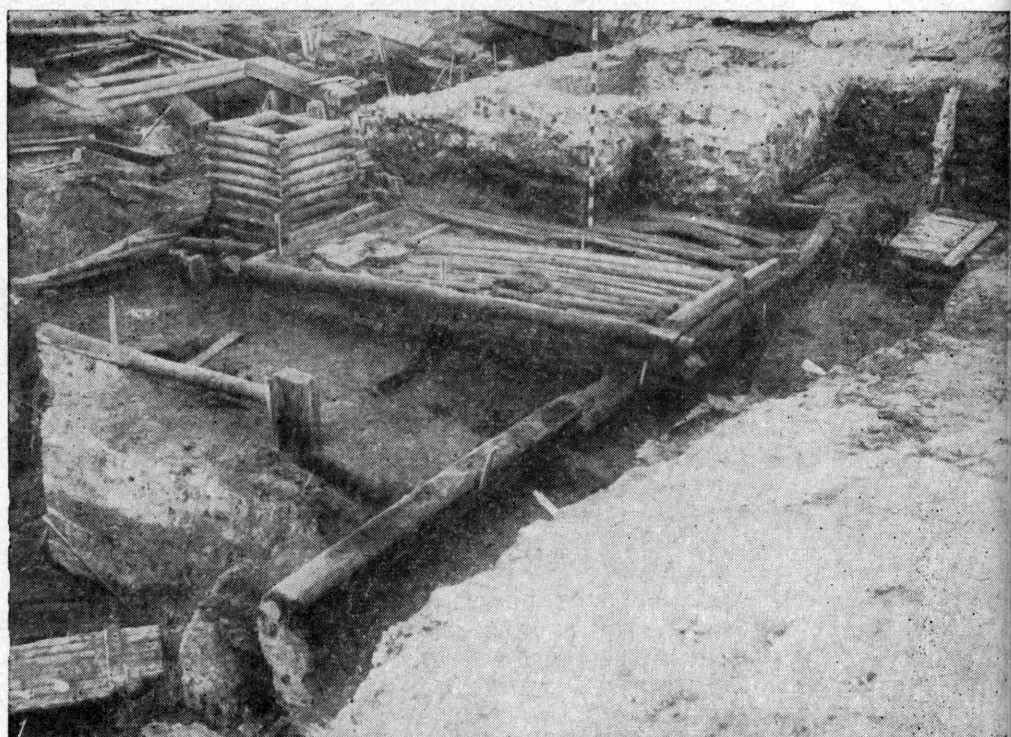

Рис. 16. Москва, Зарядье, сооружения XVII в.
1 — остатки сруба жилого дома; 2 — колодец и угол сруба дома

Осенью 1958 г. было очищено от завала мусора помещение нижнего этажа башни в 75 кв. м. и на его каменном полу обнаружено до 90 больших белокаменных пушечных ядер диаметром до 40 см.

В 1960 г. велись наблюдения за выемкой грунта под западный фундамент строящейся по новому проекту гостиницы. Направление траншеи — с севера на юг. Она проходила на территории кварталов между Зарядьевским, Ершовым, Максимовским и Елецким переулками, в 60 м западнее участка № 5. Ширина траншеи 80 м, длина — 200 м.

Мощность культурного слоя колебалась от 5,0 до 5,5 м. Верхний слой строительного мусора, остатков фундаментов и подвалов зданий XVIII—XIX вв. занимал не менее 2,5 м профиля. Ниже — слой густого черного цвета, с остатками сооружений, давший основную массу находок; мощность его приблизительно 2,2 м.

Следы сооружений выявить было довольно трудно, так как это в основном или частоколы, или одиночные бревна. Только на глубине 4,4—4,8 м обнаружены остатки трех разновременных срубов. Судя по сохранившейся длине стен (3—5 м) и по диаметру бревен (не менее 22 см), это были сравнительно большие постройки. Одна из них погибла от пожара. Рядом со срубом — небольшой водоразборный колодец.

Найденные в слое вещи датируются XV—XVIII вв. В их числе темно-бурая керамика XV в., красная керамика XVI — начала XVII в., ранняя чернолощенная и чернолощенная керамика XVIII в. Многочисленную группу в коллекции 1960 г. составляют фрагменты рельефных полихромных изразцов второй половины XVII — начала XVIII в. и фрагменты так называемых красных рельефных изразцов XVII в., среди которых лицевой изразец с изображением грифона в растительном орнаменте. Из поздних вещей в слое найдена белоглиняная, покрытая зеленой поливой чернильница XVII в. и зеленая поливная трубка XVIII в.

Как при раскопках в любой части Зарядья, слой и здесь был густо насыщен обрезками кожи, обрывками обуви и т. д.

В самом нижнем слое, местами темно-бурого цвета, постепенно переходящего в сероватый предматериковый, находок обнаружить не удалось, кроме нескольких фрагментов ранней городской керамики.

В 1961 г. экспедицией проведены небольшие исследования в юго-восточной части Зарядья. Севернее (на 30 м) церкви Зачатия св. Анны заложен шурф, первоначальный размер которого 8 × 5 м. Целью исследования становилось определение времени заселения части Зарядья севернее Острого угла и участка № 8, на территории которого первые жилые комплексы появились примерно в XIII—XIV вв., и юго-восточнее участка № 9, заселение территории которого относится к XIV—XV вв.

Первая же попытка вскрытия грунта в границах намеченного прямоугольника заставила начать с применения экскаватора. Большое количество поздних фундаментов и глубинных перекопов XX в. в этом месте не только лишили ценности верхние 1,5 м слоя, но и значительно сократили площадь шурфа (с предполагаемых 40 кв. м до 18 кв. м).

Мощность культурного слоя с заметным наклоном к югу — 3,2 м (в пределах шурфа наклон был равен 30 см).

Нижний слой почти без находок (найдено два фрагмента красноглиняных лошадок, покрытых белым ангобом) и содержит множество включений древесного угля.

Керамика малочисленна, но довольно характерна. Это, прежде всего, фрагменты красноглиняных кувшинов-кружек с темно-бурой глиной (XV в.), ангобированная керамика (один фрагмент редко встречающегося белоглиняного кувшина-кружки) позволяет датировать самый нижний пласт второй половины XV в.

Из сооружений прослежена только одна водосборная канава, пересекающая шурф с запада на восток. Будучи впервые сооружена на материке,

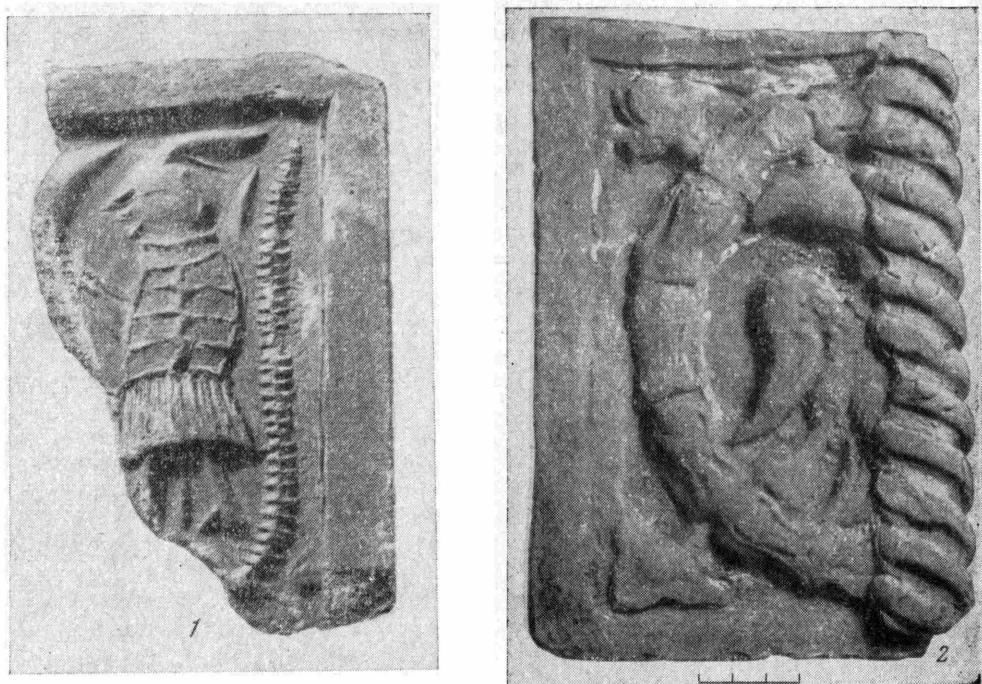

Рис. 17. Изразцы из Зарядья (Москва)

т. е. в момент заселения данной территории, канава подновлялась и сохранялась на том же месте в течение XVI и XVII вв.

Наличие водостока, а позже, в слое XVI в., появление в северном профиле шурфа какой-то хозяйственной постройки — все это позволяет данную территорию считать частью усадьбы, существовавшей с конца XV в.

В слое XVI в. обнаружены следы вымостки в направлении с севера на юг. Возможно, она вела к жилому комплексу. Кроме водостока, вымостки и хозяйственной постройки, на площади шурфа в слое XVII в. обнаружено самое позднее сооружение — яма, интересная своим заполнением. Среди обломков щепы и кирпича здесь найдено 76 фрагментов так называемых красных изразцов (рис. 17). По-видимому, это следы какой-то перестройки, в ходе которой была разобрана изразцовая печь. Судя по стратиграфии шурфа и по изразцам перестройка относится к середине или к третьей четверти XVII в. Среди изразцов — лицевые, поясовые, угловые и множество перемычек. Орнамент довольно разнообразен: растительный, двуглавые орлы в геральдических позах, барсы под пальмой и т. д. Интересны три фрагмента угловых изразцов с орнаментом в виде двуглавых орлов. Считается, что характер подобного орнамента не позволял изготовлять половинные изразцы. По-видимому, такого правила не существовало. Те же угловые изразцы бывают и комбинированными — в один соединена угловая часть и вертикальная жгутовая перемычка.

Среди остальных находок из шурфа назовем фрагменты ангобированных игрушек, в числе которых обломок тулова лошади, украшенный замысловатым рисунком черной краской, несколько ножей, каменное ядро, точильный камень, нож с костяной рукоятью, покрытой циркульным орнаментом, чернолощенная черепица, наконечник железной стрелы, застрявшей в плетне.

Для выводов о социальном положении и занятиях владельцев усадьбы шурф дает очень мало данных. Но о слоях второй половины XVI—XVII в. можно все же повторить вывод, сделанный после исследований северо-западнее на участке № 9. К этому времени относится заселение территории зажиточными людьми⁸.

Судя по одному из чертежей XVII в.⁹, шурф был расположен на территории усадьбы подъячего казанского двора Ивана Еремеева.

Итак, материалы шурфа дают основание считать временем заселения данного участка Зарядья конец XV в.

Если при этом учесть, что территория расположенного северо-западнее участка № 9 заселена с XIV в., а участка № 8, находящегося рядом с церковью Зачатия св. Анны, с XIII—XIV вв., то «Острый угол» не без основания может считаться одним из самых древних участков Москвы.

---

⁸ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье. КСИИМК, вып. 65, 1956.

⁹ Ламанский. Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия. СПб., 1861, VIII—IX.

Л. А. ГОЛУБЕВА

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО БЕЛООЗЕРА
(1959—1960 гг.)

Основные работы Белозерской экспедиции в 1959—1960 гг. были посвящены исследованию древнейшего поселения на Белоозере, предшествующего городу XI—XIV вв. С этой целью раскопки были сосредоточены на западном берегу Васильевского ручья, у впадения его в р. Шексну¹. В предшествующие годы² выяснено, что раннее поселение располагалось на первой речной террасе в 45—100 м от р. Шексны и тяготело не к ней, а к Васильевскому ручью, ближайшая же к реке береговая полоса застраивалась в XII—XIV вв. Траншеи I и II 1958 г. и I и II 1959 г. (рис. 18) показали, что значительная площадь вдоль северного края первой речной террасы была слабо заселена и в раннее и в более позднее время. Культурный слой здесь не превышал 0,2—0,4 м, был беден находками и слабо окрашен. Следы оборонительных сооружений или долговременных жилищ отсутствовали. Только в прирезке к траншее I в материке обнаружены западины, связанные с очагами. Западины глубиной до 0,1 м, без четких границ; в их заполнении встречены колотые кости животных, лепная посуда, бусы-лимонки, наконечники стрел гнездовского типа. Интересен кинжал обоюдоострый с рукоятью, раскованной надвое. Концы рукояти загнуты в петли в виде восьмерки (рис. 19—1). Такой же кинжал (без навершия) найден в Новгороде в слое X в.³

Мощность культурного слоя увеличивалась к югу по мере приближения к наиболее высокой части береговой полосы, где достигла 1,8 м. В 1950—1952 гг. здесь были заложены раскопы XIII—XV. В 1959—1960 гг. работы развернулись к северу и востоку. У обрыва к ручью — холм, на котором до 30-х годов XX в. стояла часовня св. Василия. Я. М. Лазаревский, обследовавший в 1860 г. «старый город» Белоозера, называл этот холм «курганом», поэтому заложенный здесь раскоп получил наименование раскоп XXVIII 1960 г. (рис. 18) «курган» (о нем ниже).

¹ В экспедиции 1959 г. принимали участие, Л. А. Голубева (начальник экспедиции), научные сотрудники А. А. Милов, Е. В. Шолохова; в экспедиции 1960 г. — Л. А. Голубева, Т. В. Равдина, А. А. Милов.

² Л. А. Голубева. Древнее Белоозеро. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 38—40; ее же. Белозерская экспедиция 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 35—41; ее же. Белозерская экспедиция. КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 77—85; ее же. Славянские памятники на Белом озере. Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, стр. 25—46.

³ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II. МИА, № 65, 1959, рис. 4, 2.

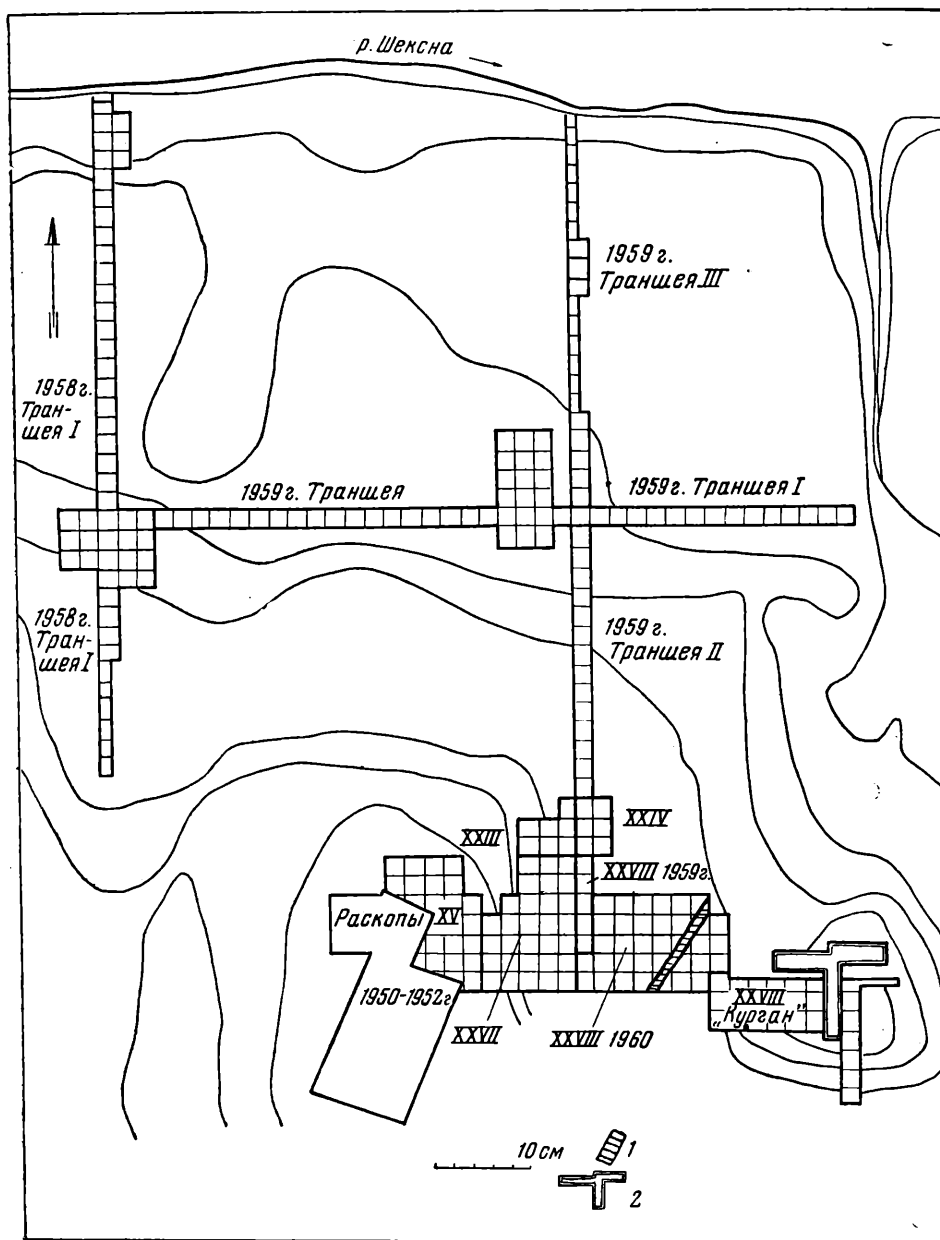

Рис. 18. План раскопов 1959—1960 гг. на Белоозере.
1 — канава; 2 — силовая траншея

В западной и северной части участка (раскопы XV, XXIII) пласты 1—3 в значительной мере были перекопаны, в связи с постройками существовавшей здесь в первой половине XIX в. усадьбы купца Меркутина. Вероятно, в это же время для нужд усадьбы была прорыта канава, обшитая досками, прорезавшая весь культурный слой до материка на раскопе XXVIII 1960 г. Она шла с уклоном к ручью.

В перекопанных пластах наряду с бытовыми предметами XIX в. встречались шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов и перстней из зеленого и желтого стекла, бусы желтые зонные и позолоченные, двусторонние костяные гребни. Среди шиферных пряслиц много с нарезками в виде

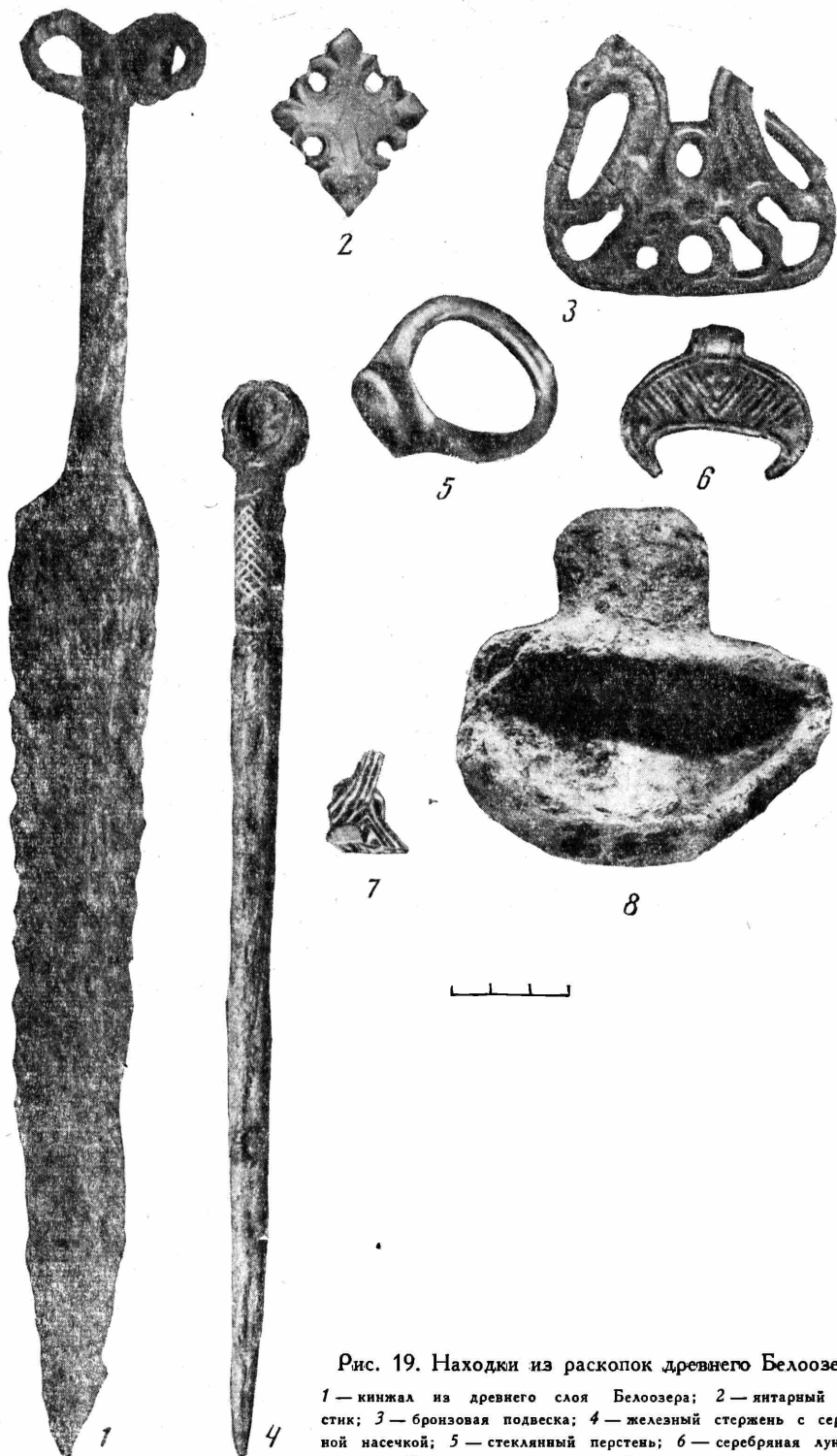

Рис. 19. Находки из раскопок древнего Белоозера.

1 — кинжал из древнего слоя Белоозера; 2 — янтарный крестик; 3 — бронзовая подвеска; 4 — железный стержень с серебряной насечкой; 5 — стеклянный перстень; 6 — серебряная лунница; 7 — стеклянная подвеска; 8 — глиняная льялка

крестов, прямоугольников с точками, буквенных знаков. На одном пряслице читаются две буквы ИД на другом НАМАЛЕ. Там же найдена бронзовая литая подвеска, изображающая в схематичной форме головы двух, повернутых в разные стороны, коней и человека между ними. Такие подвески, подражающие широкоизвестным коньковым подвескам X в., неоднократно встречены с монетами второй половины XI в. В конце XI — первой половине XII в. они были распространены от Приладожья до Прикамья в тех местностях, где в предшествующее время преобладало угро-финское население. На Белоозере это вторая находка такой привески; ее следует рассматривать как отголосок культуры веси в славянской среде (рис. 19—3).

Среди керамики преобладает круговая; встречаются обломки амфор. Следующий горизонт культурного слоя — черная земля со скоплениями сырой и обожженной глины, камней и угля (пласты 4—5). В раскопе XXVII этот горизонт связан с остатками горна, в раскопе XV — кузницы. Развал горна, прослеженный с уровня 3 пласта, представлял собой массив сырой желтой глины, толщиной до 0,25 м и более, заключенный в каркас из бревен. Плохо сохранившийся сруб, ориентированный по длинной оси с северо-востока на юго-запад был размером около 4×2 м. Глину покрывала россыпь камней и угля, с северо-западной стороны наблюдалось скопление шлака и криц. Под пластом глины лежали камни, крупные по внешнему ряду, мелкие — в центре. Промежуток между ними заполнен желтой глиной. Размеры этого развала камней, вытянутого по линии северо-восток — юго-запад — $4 \times 2,5$ м. Камни лежали на глиняной подсыпке. Ниже обнаружен фундамент из крупных валунов (до 0,5 м), лежащих по два-три в ряд, образуя кольцо диаметром 3,4 м, внутри которого была вымостка из мелких камней. Между ней и внешним кольцом камней — темно-серая глина с примесью крупнозернистого песка. Глиняный под горна сильно обожжен и прогнут в центре почти на 0,3 м. Прослойки угля с золой и обожженной глины — следы неоднократного ремонта пода. При разборке горна из его центральной части вынута крица. Все сооружение осело к северу почти на 0,3 м, что можно объяснить тем, что фундамент был сложен не на материке, а на культурном слое. Центр верхнего кольца камней с остатками сруба смещен к северо-западу против центра кольца камней фундамента на 1,2 м. Может быть, перед нами развал двух сооружений. В засыпке камней фундамента найдены, шиферные пряслица, часть бронзового коромысла от весов, зеленый стеклянный перстень и др. Эти вещи попали сюда из земли, заполнявшей нижний венец сруба (№ 1/5), восточная часть которого разрушена при сооружении горна. Длина дома была более 6 м. В границах сруба найдено 30 шиферных пряслиц, 7 костяных гребней (двусторонние и односторонние) и заготовка из кости, полуобработанные куски янтаря и законченные вещи — перстни и стилизованные крестики (рис. 19 — 2). Это жилище ремесленника, резчика по кости и янтарю отличалось обилием бытовых предметов и привозных изделий. Здесь найдена часть сосуда из кобальтового стекла (определенного Ю. Л. Шаповой как изделие стран Средиземноморского бассейна), обломок посуды с бледно-зеленой поливой, глиняное яичко-писанка с узором в виде скобок, выполненных белой глазурью на темно-зеленом фоне, обломки амфор. Перечисленный инвентарь позволяет датировать жилище резчика (5 пласт) концом XI — началом XII в. В этом слое свыше 1/5 всей керамики составляла лепная посуда.

Кузница располагалась в 6 м к западу от горна. Хотя ее нижний венец лежал на уровне 5 пласта, развал обгоревших бревен, сырой и обожженной глины, которые можно связать с обрушившимися при пожаре кровлей и стенками постройки, прослеживался начиная с 3 пласта. Это позволяет думать, что горн и кузница одновременны и может быть составляли один производственный комплекс. Кузница (западная ее половина была выявлена еще раскопками 1951 г.), ориентированная с севера на юг, сохранилась на уровне нижнего венца. Это сруб, рубленный «в обло», размерами по внут-

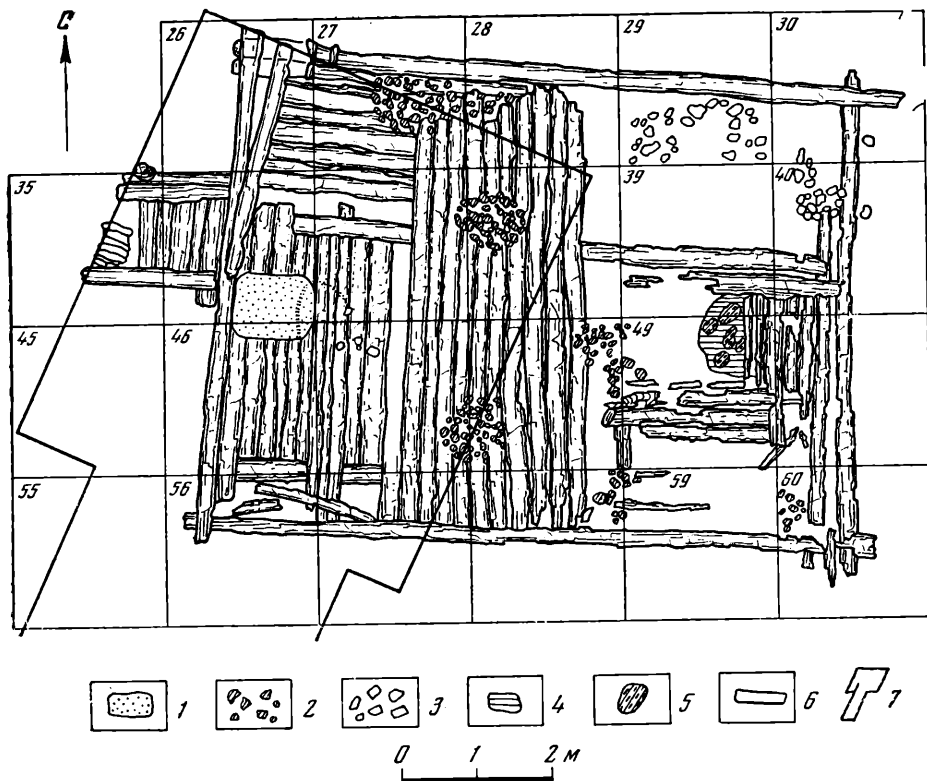

Рис. 20. Нижний венец кузницы.

1 — песок; 2 — крицы; 3 — камни; 4 — желтая глина; 5 — обожженная глина; 6 — бревна; 7 — граница раскопов 1950—1951 гг.

реннему периметру $8,1 \times 5,7$ м (рис. 20). В западной его половине — настил пола из круглых бревен, положенных на переводины. В восточной половине пол сохранился хуже. Перед входом в кузницу — настил из пяти горизонтально лежавших бревнышек длиной 1,2 м, вставленных в пазы двух перпендикулярных им бревен⁴. У входа, направо, кучка чистого речного песка. Встречались местами на полу остатки очагов: угли, зола и обожженные камни. Грудами в семи местах лежали шлаки и крицы (всего свыше 400 экз.). Средний размер крицы: $0,1 \times 0,18 \times 0,03$ м, вес — 300—400 г. Здесь же встречались крицы, прилипшие к стенкам и днищам горшков. В границах кузницы найден бронзовый бубенчик, двусторонний и односторонний гребни. Под бревнами пола — глиняная разбитая льячка в форме птички. Находки вне кузницы на уровне 5 пласта аналогичны находкам 4 пласта, но численно их меньше.

Следующий горизонт культурного слоя насыщен перегнившим деревом (6 пласт). Здесь сохранились нижние венцы двух жилых построек, расположенных в 4—6 м одна от другой и ориентированных одинаково — с северо-востока на юго-запад. Границей между ними служил частокол, забитый в материке. Среди находок отметим целый перстень из желтого стекла с печаткой (рис. 19—5); односторонние и двусторонние костяные гребни, железный стержень с отверстием для кольца, покрытый полудой и украшенный серебряной насечкой (рис. 19—4). Он принадлежит к типу булавок с подвесными кольцами, известных в Новгороде в XI—XIII вв.

⁴ Совершенно так же рубились на Белоозере «всходы» в конюшни (раскопки 1957 и 1961 гг.), только в этих случаях верхний конец настила укреплялся на бревне или особым приспособлении.

Следующий горизонт — земля интенсивно черного цвета с углем и примесью песка. Возможно, это следы пожара. Они прослеживались не на всей раскопанной площади, а лишь местами на уровне 5, 6 и отчасти 7 пластов. В раскопе XXVIII 1960 г. в этом горизонте — развал печи-каменки постройки № 1.

По составу находок этот горизонт культурного слоя отличен от предыдущих. Здесь отсутствуют стеклянные браслеты, перстни, бусы из прозрачного светло-желтого стекла. Шиферных пряслиц найдено всего шесть. Значительно количество изделий из кости (гарпун, кочедык, двушипный наконечник стрелы, обломок ложки, односторонний гребень). Среди бус преобладают лимонки. Для датировки важны находки литой из серебра, ложнозерненной ширококорой лунницы (рис. 19—б) и бронзового грушевидного бубенчика с крестовидной прорезью. Лепная посуда составляет более $\frac{4}{5}$ всей керамики.

Остатки постройки № 1 раскопа XXVIII 1960 г. лежали в самом нижнем горизонте культурного слоя — земле со щепой. Размеры ее сруба $4,8 \times 3,3$ м. Печь-каменка располагалась в северо-западном углу. С северной стороны дома была сделана завалина, с востока — сени, прирубленные к выступающему на 1 м концу южного бревна сруба. В границах сруба найдено два шиферных пряслица и восемь бус. Вместе с найденными близ дома другими восемью бусами они типологически разделяются на лимонки (10 экз.), бисер (2 экз.), кольцевидные синие (2 экз.), хрустальные (2 экз.).

Очень интересен обломок литой ажурной бронзовой оковки огнива. Уцелела только верхняя ее часть с петлей. Можно, однако, установить, что она полностью совпадает по размерам и очертанию прорези с рукоятью огнива из Норвегии⁵, изображающей довольно условно двух коней с всадниками, повернутых головами в разные стороны. Дата таких огнив в Норвегии, Швеции, Финляндии — вторая половина X в. Такие же и еще более стилизованные оковки встречаются в Прикамьи и в земле мери⁶. Очень близки к ним огниво из Веселовского могильника X в. на Ветлуге⁷ и обломок огнива из Гнездовского могильника⁸.

В том же горизонте культурного слоя Белоозера найдены своеобразные односторонние гребни с прочерченными линиями на боковых лопастях и тщательно отшлифованными зубцами. Такие гребни встречены вместе с описанными выше огнивами в погребениях X в. в Швеции. У северной стены раскопа XXVIII 1960 г., в том же слое со щепой обнаружены два диска (и обломки еще четырех), сделанные из хорошо отмученной глины. Диаметр — 12—13 см, толщина до 4 см; по центру — круглое отверстие. Одни из них орнаментированы ямочными вдавлениями, другие гладкие. Такие же диски найдены в нижнем ярусе горизонта «Д» Старой Ладogi, датированной IX—X вв. Находка еще одного подобного диска известна из Шестовицких курганов X в. под Черниговым. Наиболее вероятно предположение, что они служили грузилами вертикального ткацкого станка. В Швеции, Норвегии, Финляндии такие диски известны в большом количестве и датируются X — началом XI в.

Выявленный на Белоозере в 1959—1960 гг. нижний горизонт культурного слоя отличается от верхних не только составом инвентаря, но и ориентацией построек. В то время как все жилые постройки верхних горизонтов ставились параллельно берегу р. Шексны на северо-восток — юго-запад,

⁵ Jan Petersen. Vikingertidens Redskaher. Oslo, 1951, рис. 236.

⁶ Пирово селище Владимирской области, в слое X—XI в. См. В. В. Седов. Древнерусские поселения близ г. Вязники. КСИА АН СССР, вып. 85, 1961, рис. 37, 7.

⁷ А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поволжья. Горький, 1960, рис. 21, 13.

⁸ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб., 1902, табл. VII, 15.

сруб № 1 в раскопе XXVIII 1960 г. ориентирован по странам света и параллельно берегу Васильевского ручья. Совершенно также ориентирован сруб, расположенный в 4 м к северу от постройки № 1 (сруб № 3 раскопа XXIII 1959 г.). Он залегал также в слое со щепой, но глубже на 0,2 м. Это изба-пятистенка, восточная стена которой достигала в длину 10,75 м, а северная (не полностью сохранившаяся) — 5,4 м. Находки в слое со щепой насчитываются единицами, но привлекают внимание своей необычностью. Такова подвеска из фиолетового стекла с белыми полосками и желтыми глазками; сверху приварена дужка из стекла того же цвета (рис. 19—7). Очень интересна ложка с отверстием для подвешивания. На оборотной стороне — резной узор из косых линий и изображение пляшущего человечка. Наиболее важна находка литейной формы — первая находка такого рода на Белоозере. Форма резана из белого камня, односторонняя, с литником, один конец обломан. В ней одновременно отливались круглый медальон и очковидная подвеска, которая имитирует проволочную спирально загнутую очковидную подвеску с петлей. На нижнем конце подвески едва заметен небольшой крестик (раскоп XV 1959 г., № 478). Очковидные подвески характерны для угро-финских народов с глубокой древности. В X—XI вв. такие подвески с шумящими привесками в виде гусиных лапок или бубенчиков широко распространены от Приладжья до Прикамья. Такие же, но без шумящих украшений и с крестиком внизу бытовали в начале XI в. у населения, жившего на р. Сырогоже близ Вельсегонска⁹, и в начале XII в. — у веси по реке Суде¹⁰.

Раскопки 1959—1960 гг. дали большой материал для истории древнейшего поселения на Белоозере. Следует отметить, что в слое со щепой керамика была только лепная. Весь инвентарь нижнего горизонта позволяет с уверенностью отнести возникновение древнего поселения на Белоозере, связанного с первой речной террасой, к X в. Чтобы получить исчерпывающее представление о восточной окраине этого поселения, в 1960 г. был заложен раскоп на «кургане» (см. рис. 18). Выяснено, что курган насыпан в несколько приемов над древним культурным слоем X в. В этом слое обнаружена северная часть большого очага. Площадка в центре очага размером 1,0 × 0,8 м была с твердым прокаленным подом с чередующимися прослойками угля и золы. Среди камней очага подняты три бусины-лимонки, глиняное пряслице и обломки лепной посуды. Костей животных здесь не было. С западной стороны очага — три ямы, заполненные галечником, и основания двух массивных столбов, ориентированных так же, как ямы. Предание связывало курган с местом языческого мольбища, где впоследствии была построена первая на Белоозере церковь. Заманчиво было бы предположить, что открытые раскопками ямы и столбы имеют отношение к культовому сооружению, связанному с очагом. К сожалению, для этого мало данных. При определении времени сооружения насыпи следует учесть, что культурный слой XI в., обнаруженный в раскопе XXVIII 1960 г. здесь отсутствовал. Возможно он был срыт при планировке площадки, но можно также предположить, что выравнивание ее и засыпка очага и ям произведены впервые в начале XI в. Древнейшая насыпь состояла из чистого материкового песка с крупной галькой. Мощность ее до 0,8 м. Ее перекрывала черная земля с вкраплениями печины и угля, взятая из культурного слоя поселения. На насыпи сохранились незначительные остатки сгоревшей постройки, о назначении которой трудно что-либо сказать, кроме того, что с ней не связано бытовых находок и она была ориентирована по странам света. Над слоем пожара сооружена песчано-глинистая насыпь высотой до 1 м, выше — черная задернованная земля. Вскрытые в раскопе выше

⁹ Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком, Вельсегонском и Демянском уездах в 1902 г. ИАК, вып. 6, 1904, стр. 17 и табл. III, 7.

¹⁰ А. А. Спицын. Курганы Белозерского уезда. ЗОРСА, вып. 1 и 2. н. с. СПб. 1896, стр. 162.

30 погребений были опущены в основном в песчано-глинистую насыпь и лишь некоторые — в галечную засыпь. Погребения с западной ориентировкой, без вещей; на нескольких костяках сохранились следы облачений. Они связаны с кладбищем при часовне; вероятная их дата — XVIII—XIX вв.

Так как центральная часть кургана более всего испорчена силосными ямами, вырытыми на глубину свыше 1,5 м, трудно ожидать, что удастся установить, когда появилась здесь первая церковная постройка и сколько предшественников было у деревянной часовни, снесенной в 30-х годах XX в.

По краю первой речной террасы в 250 м к западу от раскопа XV и в 56 м к югу от Шексны разбит еще один раскоп — XXIX (10 × 10 м). На этом участке старого города раскопки еще не производились. Культурный слой залегал на глубину 0,8 м. Первый горизонт культурного слоя (гумированная земля) по находкам бус, стеклянных браслетов и перстней, а также по грушевидной амфоре, склеенной целиком из обломков, найденных на уровне 1 и 2 пластов, можно датировать серединой XI в. На уровне 1 пласта преобладала круговая керамика, на уровне 2 она составляла только $\frac{1}{3}$.

Второй горизонт — темная земля, насыщенная углем, носит явные следы пожара. От сгоревшей постройки сохранились столбы, врытые в материк. Здесь найдены: обломок синего расписного браслета византийского происхождения, два шиферных пряслица, костяной гребень типа найденных в нижнем горизонте раскопа XXVIII 1960 г. Виды бус: лимонки (17 экз.), пронизки цилиндрические (2 экз.), бисер (4 экз.), кольцевидные синие (3 экз.), восьмигранные (1 экз.). Из металлических изделий важна шумящая подвеска треугольной формы типа подвесок Ветлужского могильника¹¹ и часть бронзовой оковки огнива в виде стилизованных голов животных, обращенных друг к другу; открытые пасти их образуют силуэт ромба. Огнива этого типа представлены в памятниках X — начала XI в. в юго-восточном Приладожье¹². Известны они и в Прикамьи, в Финляндии и Швеции. В этом же горизонте найдена глиняная льячка (рис. 19 — 8), шлаки и крицы. На уровне 3 пласта лепная посуда составляла $\frac{5}{6}$ всей керамики, на уровне 4 пласта найдено только четыре обломка круговой посуды и 303 обломка лепной. Встречено много фрагментов неолитической керамики.

Подводя итоги, мы можем сказать, что и на этом участке древнего поселения нижний горизонт культурного слоя можно датировать X в. По составу находок он очень близок памятникам юго-восточного Приладожья. Неславянский характер древнейшего поселения на Белоозере особенно ярко выражен в его лепной посуде. По составу теста, форме и орнаменту она чрезвычайно близка лепной посуде из приладожских и прионежских курганов X — начала XI в. Можно сказать с уверенностью, что по всему Белоозерскому краю от северного берега Белого озера и до берегов р. Суда такая посуда сохранялась местным населением вплоть до начала XII в. По особенностям орнаментации твердым штампом (гребенчатый, рамочный, звездчатый, овальный и др.) она находит широкие аналогии в посуде ветлужских, вятских и чепецких памятников X в. Продолжительность бытования лепной посуды на Белом озере (в течение всего XI в.) и наличие переходных форм к посуде круговой заставляет предположить, что местное население смешалось со славянами, оказало на них известное влияние.

Раннее поселение на Белоозере было сосредоточено на западном берегу Васильевского ручья. Раскопы XXX и XXXI 1959 г., заложенные на расстоянии 240 м к востоку от ручья, не обнаружили признаков древнего культурного слоя. Этот участок «старого города» был приселен с конца XII по XIV в. На вскрытой раскопками площади в 164 кв. м исследованы остатки шести срубов с небогатым инвентарем, в котором самое большое место занимали орудия рыболовства.

¹¹ А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Указ. соч., рис. 40.

¹² Н. Е. Бранденбург. Курганы юго-восточного Приладожья. СПб., 1895, табл. III, 23; В. И. Равдоникас. Памятники возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. ИГАИМК, вып. 94, 1934, табл. XII, рис. 5.

М. В. МАЛЕВСКАЯ

РАСКОПКИ НА МАЛОМ ТОРОПЕЦКОМ ГОРОДИЩЕ
(1960 г.)

В 1960 г. Торопецкий отряд производил раскопки на Малом Торопецком городище в г. Торопце Калининской области, начавшиеся в 1957—1958 гг. под руководством Я. В. Станкевич и прерванные в 1959 г. в связи с ее скоропостижной смертью¹.

Малое Торопецкое городище расположено на моренном холме овальной формы (95 × 60 м) на берегу оз. Соломено, вблизи р. Торопы, впадающей в Западную Двину. По краю холма насыпан мощный кольцевой вал, гребень которого возвышается над уровнем озера на 14,5 м. С северной стороны хорошо прослеживается въезд в город.

В 1957—1958 гг. Я. В. Станкевич заложила в западной части городища, близ вала, раскоп площадью 512 кв. м (рис. 21). Так как результаты этих работ почти не опубликованы, остановимся коротко на них². Я. В. Станкевич отмечала, что в местах всхолмления на задернованной поверхности площадки городища почти непосредственно под дерном или на глубине 0,4—0,6 м обнаружены развалы сгоревших построек, свидетельствующих о большом пожаре, охватившем город. Лишь изредка выше уровня горелого дерева выступали остатки почти сгнивших бревен и досок, отражающие следы жизни на городище после пожарища³. В горизонте, относящемся ко времени пожара, Я. В. Станкевич обнаружила десять построек, из них семь жилых и три хозяйственных, непосредственно связанных с первыми. Жилые постройки — срубы были площадью 3,5—4,0 × 3,0—3,5 м⁴, хозяйственные срубы несколько меньших размеров. Полы в жилищах были сделаны из бревен, в хозяйственных постройках настланы из досок. От пе-

¹ Я. В. Станкевич успела опубликовать лишь результаты предварительного обследования городища в 1949 г. (Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.; Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. МИА, № 76, 1960, стр. 139—145; 312—314) и краткую информацию о раскопках на Малом Торопецком городище в 1957 г. (Я. В. Станкевич. Западновинский отряд Верхнеднепровской экспедиции. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 99—100). Результаты раскопок 1958 г. в печати отражения не наши. В 1956 г. Малое городище было обследовано отрядом по изучению крепостей; см. П. А. Раппопорт. Оборонительные сооружения Торопца. КСИА АН СССР, вып. 86, 1961, стр. 11—20.

² Я. В. Станкевич. Отчет о работе Западновинского отряда Верхнеднепровской экспедиции в 1957 г. Архив ИА АН СССР.

³ Остатки полусгнившего дерева в раскопках 1957—1958 гг. были столь незначительны, что в самостоятельный горизонт не выделены. Первым строительным горизонтом назван слой пожарища.

⁴ Размеры срубов во всех случаях даны по внутреннему периметру.

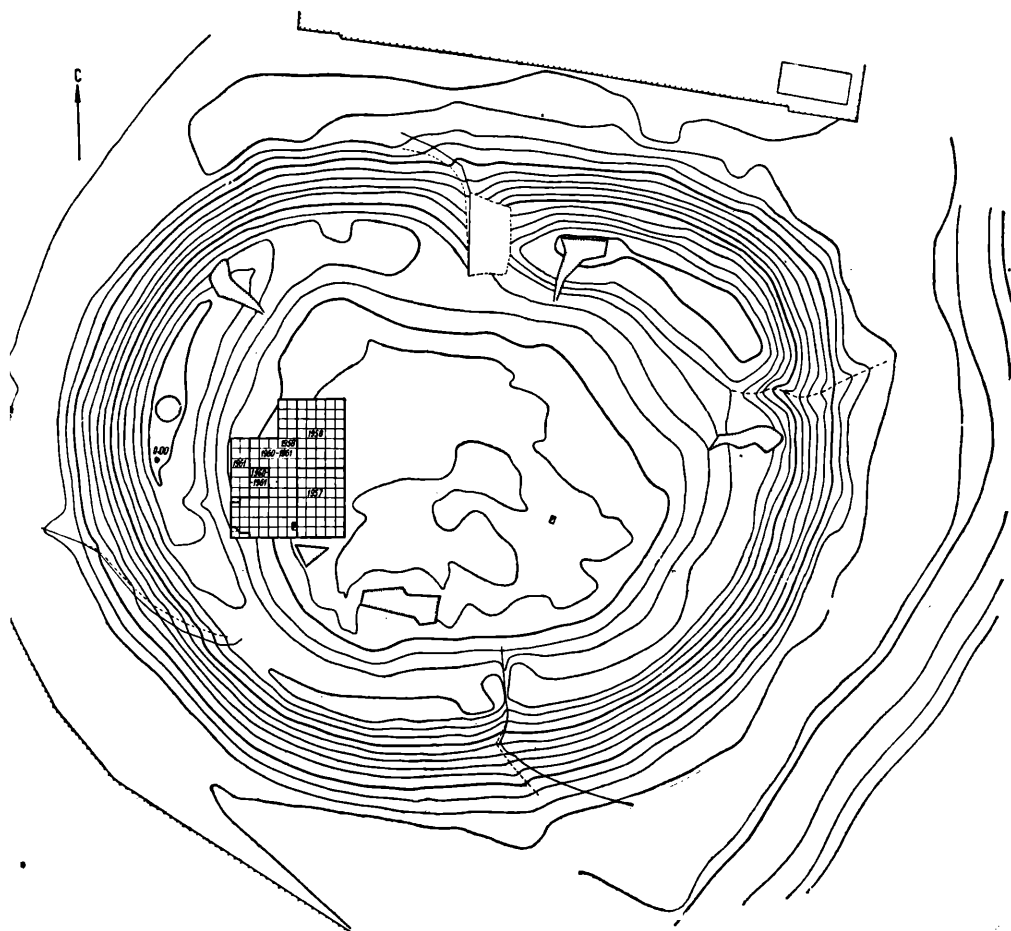

Рис. 21. План Малого Торопецкого городища с границами раскопа 1957—1958, 1960—1961 гг.

чей сохранился лишь развал камня и кусков обожженной глины. Так как все постройки погибли в пожаре, в культурном слое и в границах жилищ найдено огромное количество обгорелого зерна, муки, хлеба, кудели, тканей, ошлакованной керамики, а также многочисленный бытовой и хозяйственный инвентарь, характерный для древнерусского города. Я. В. Станкевич датировала этот слой XIII—XIV вв. Под горизонтом пожарища в восточной части раскопа Я. В. Станкевич открыла следующий строительный горизонт, представленный постройками и вымостками из дерева довольно хорошей сохранности. В западной части раскопа этот горизонт раскрыт не был.

В 1960 г. Торопецкий отряд продолжил раскопки Малого Торопецкого городища⁵. Работа производилась в западной части раскопа Я. В. Станкевич, исследованной ею на меньшую глубину, чем соседний участок. Для выравнивания западной границы раскопа сделаны прирезки.

Горизонт 1. Работы 1960 г. подтвердили наличие жизни на городище после пожара, что позволило выделить немногочисленные остатки полусгнивших сооружений последнего периода в первый строительный

⁵ Состав отряда: Г. Ф. Корзухина — начальник отряда, М. В. Малевская, К. Д. Лаушкин (ИЭ АН СССР), Е. И. Веребрюсова (Калининский областной музей), Т. К. Ратнер и Е. Маркова, а также студенты Калининского педагогического института под руководством зав. кафедрой всеобщей истории В. С. Тарасенко.

горизонт. Постройки в это время были расставлены очень редко, мостовых и настилов не обнаружено. Несмотря на то что сохранность дерева, лежащего почти непосредственно под дерном, очень плохая, можно все же сказать, что постройки представляли срубы размерами 3,0—3,5 × 2,6—3,0 м. Культурный слой этого периода очень беден находками. Помимо фрагментов сделанных на круге горшков из глины с примесью песка или дресвы, обнаружено незначительное количество железных предметов, в том числе прямоугольные пластины от доспехов, часть удила, острога и ключ типа XIV—XV вв. Первый строительный горизонт, видимо, следует датировать XIV в.

Горизонт 2. Во втором строительном горизонте — слое пожарища — на площади раскопа 1958 г. и в прирезках 1960 и 1961 гг. были исследованы открытые ранее жилища № 4, 5, 7 и 11 и вновь открыты еще четыре постройки: № 6, 12 и 23, а также настилы и мостовые (рис. 22). Большая часть сооружений лежит на глубине 0,8—1,2 м от дневной поверхности (6,60—7,00 м от репера на гребне вала) и имеет уклон с запада на восток (от вала к центру городища) и иногда с севера на юг.

Жилые постройки — срубы с углами, рублеными «в обло»; пол настлан из бревен, уложенных на лаги. По бревенчатому накату, видимо, настилались доски, о чем свидетельствуют очень незначительные остатки их в постройках № 11 и 12. Печи были расположены в углу или у одной из стен дома, где сохранился развал камня (бульжника) и обожженной глины, площадью приблизительно 1,0 × 1,3 м. Участок пола под печь промазывался глиной, куски которой с отпечатками бревен найдены во всех жилых постройках. Непосредственно под бревенчатым накатом пола в целом ряде случаев обнаружен слой необожженной глины, толщиной 30—35 см, служивший, видимо, водоизоляционной подушкой. Выше уровня пола, над развалом верхних частей постройки, состоящим из обгорелых бревен, досок и золы, смешанной с землей, прослеживается обычно слой необожженной и частично обгоревшей глины, — остатки обмазки потолка. Помимо жилых сооружений обнаружена хозяйственная постройка № 6а, примыкающая с юга к жилищу № 6. Она характеризуется меньшими размерами (28 × 3,3 м), отсутствием печи и наличием остатков дощатого пола. Эта постройка не обгорела, так как, видимо, была разобрана еще до пожара.

Несмотря на незначительную площадь раскопа, в нем хорошо прослеживается основной принцип планировки. Открытые у вала ряды сооружений повторяют его направление⁶. На всем участке раскопа вдоль вала идет очень широкий (от 6 до 7 м шириной) бревенчатый накат, уложенный на четыре лаги. Он хорошо сохранился к югу от жилищ № 11 и 12 и едва заметен в южной части раскопа. Под верхним ярусом этой вымостки обнаружено два других⁷, то есть в период существования построек второго горизонта вымостка настилась трижды. К востоку от вымостки находятся жилые и хозяйственные сооружения. Расположение их также повторяет направление вала (постройки № 11, 6 и 6а). Между этим рядом сооружений и следующим к востоку от него (открытым Я. В. Станкевич в 1957 и 1958 гг.) проходит небольшая улица, опять соответствующая кривизне вала. Она состоит из двух ярусов настила. Ширина улицы, определяемая расстоянием между домами, колеблется от 1 до 2 м. Обнаружены также остатки настила улицы, идущей в радиальном направлении⁸.

⁶ На планах пунктиром показано направление вала, а не его подошва.

⁷ Бревна второго яруса вымостки лежали в направлении с севера на юг, третьего, как и первого, — в направлении с востока на запад. Следует отметить, что все вымостки и настилы обнаружены на более низком уровне, чем дома и, как правило, не несут следов пожара.

⁸ Возможно, что часть настила улицы, продолжение которой уходит в восточную стенку раскопа, также радиального направления была открыта в 1961 г. в нижележащем горизонте в юго-восточном углу раскопа.

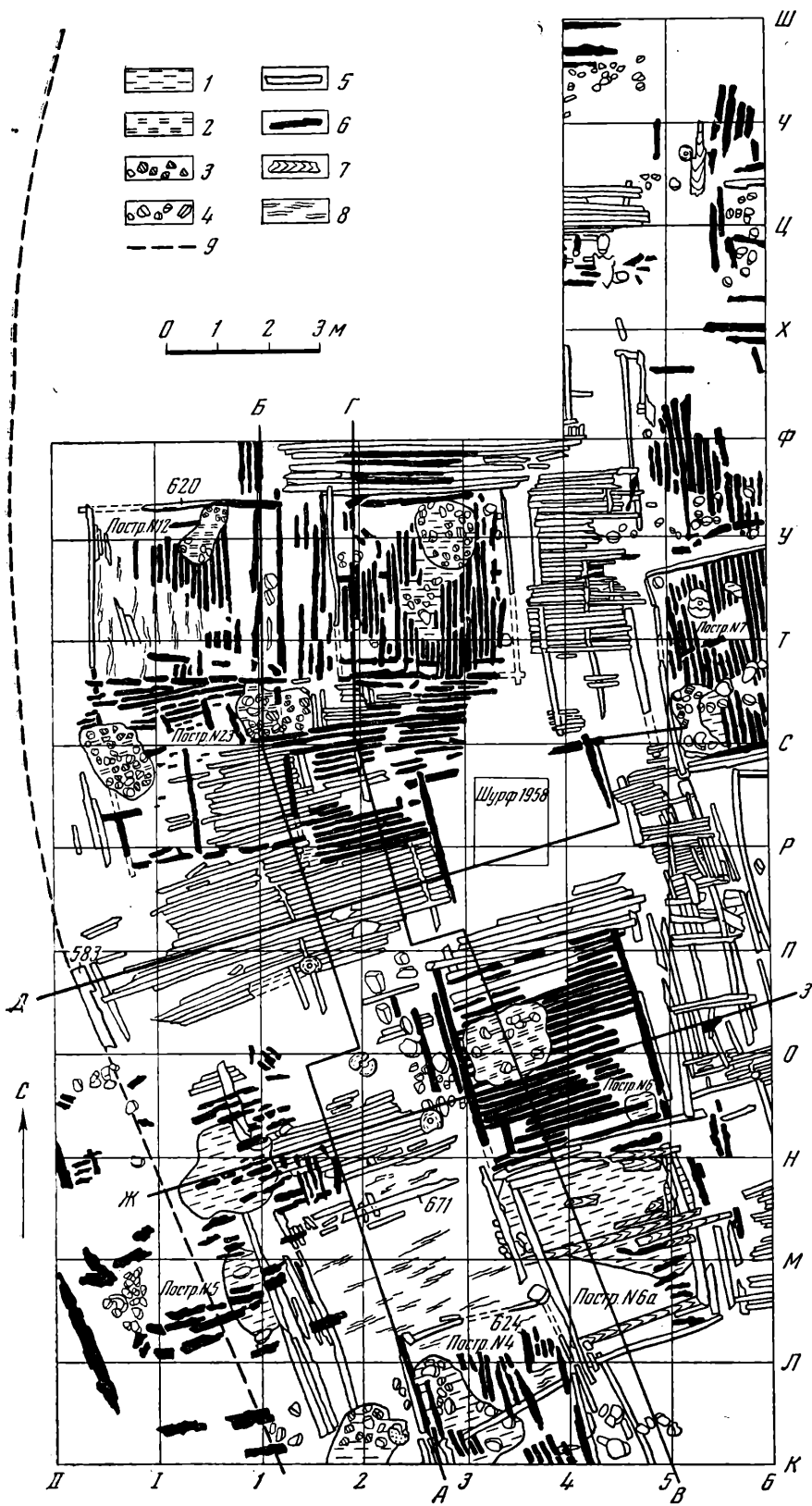

Рис. 22. План сооружений второго строительного горизонта.

1 — необожженная глина; 2 — обожженная глина; 3 — куски глиняной обкладки; 4 — камни; 5 — дерево; 6 — горелое дерево; 7 — доска; 8 — сгнившее дерево; 9 — направление вала

Интересно отметить очередность застройки, которую удалось проследить на исследованном участке. Вымостка вдоль вала была сооружена, когда постройки № 6, 6а и 11 уже существовали и определили собой ее восточную границу. Затем вымостку стали застраивать. Ее остатки хорошо прослеживаются под возведенными на ней постройками № 4, 23 и 12. Постройка № 23 интересна тем, что в ней были обнаружены кальцинированные кости, обгорелая одежда и украшения женщины, погибшей в пожаре. Украшения, к числу которых относятся серебряные медальон, две подвески в виде лилей и две трехбусинные серьги, находят себе аналогии среди киевских ювелирных изделий. Выше уровня построек № 4, 5, 12 и 23, сооруженных на вымостке, прослеживаются остатки обгорелого дерева, лежащие наклонно и принадлежащие, вероятно, оборонительным сооружениям, обрушившимся во время пожара на склон вала.

Культурный слой второго горизонта, как и всегда слой пожарища, богат находками. Найдено много целых и обломков жерновов, обгорелого зерна, фрагмент косы и пара массивных сошников. Обращает на себя внимание огромное количество криц и тигелек, свидетельствующие о плавке цветных металлов. К числу находок, связанных с производством и обработкой ткани, относятся шиферные пряслица, кудель, клубок обгорелых ниток и куски обгорелой ткани⁹. Многочисленные фрагменты керамики принадлежат главным образом сделанным на круге горшкам из глины с примесью песка или дресвы; встречены также маленькие мисочки различных форм, ковши с кольцевидными ручками, фрагмент глиняной латки с полкой ручкой для вставки деревянной рукоятки, обломки больших толстостенных сосудов для хранения запасов, фрагмент кувшина с рифленой поверхностью и другие. Интересна находка части бронзового перекрестья меча. Бытовой инвентарь самый обычный: ножи, замки, ключи, ножницы, оселки, костяные проколки, рукоятки ножей и другие. Из украшений найдены стеклянные браслеты и бусы, бронзовые и серебряные перстни, бронзовая накладка в виде розетки с выемками для эмали и маленькая литая свинцовая лунница с сомкнутыми рожками и ложной зернью. В слое пожарища найдены также миниатюрный крестик-тельник, бронзовая литая односторонняя иконка и три бронзовых энколпиона конца XII — первой половины XIII в. Находка энколпионов и некоторые другие данные позволяют датировать второй строительный горизонт второй половиной XIII в.

Горизонт 3. Почти непосредственно под сооружениями второго горизонта лежат постройки третьего горизонта. Общая планировка та же с той лишь разницей, что отсутствует широкая вымостка вдоль вала (рис. 23). Сохранность дерева довольно хорошая, ни одно сооружение не носит следов пожара. Под каждой постройкой второго горизонта обнаружена ее предшественница, большей частью тех же размеров и назначения. Исключение представляет постройка № 15, открытая под жилищем № 11. Она меньше по размерам (2,7 × 2,8 м) и, вероятно, хозяйственного назначения, так как печь отсутствует, а пол настлан из досок по трем лагам, не врубленным в венцы сруба, что характерно для хозяйственных построек.

Интересно сооружение № 14, от которого сохранились два венца и третий обгорелый. Оно, вероятно, продолжало существовать в период создания сооружений второго горизонта, но было разобрано еще до пожара. Поэтому верхний венец, выступавший из-под земли, местами обгорел (рис. 23). По постройке № 14 хорошо прослеживаются некоторые конструктивные особенности, свойственные всем сооружениям этого горизонта. Углы сруба рублены «в обло», чаши сделаны в нижних бревнах, как и продольные желоба на некоторых из них. Между бревнами встречаются следы мха. Лаги закреплены между первым и вторым венцами сруба глухой врубкой. На

⁹ В 1958 г. была найдена часть ткацкого станка — бердо.

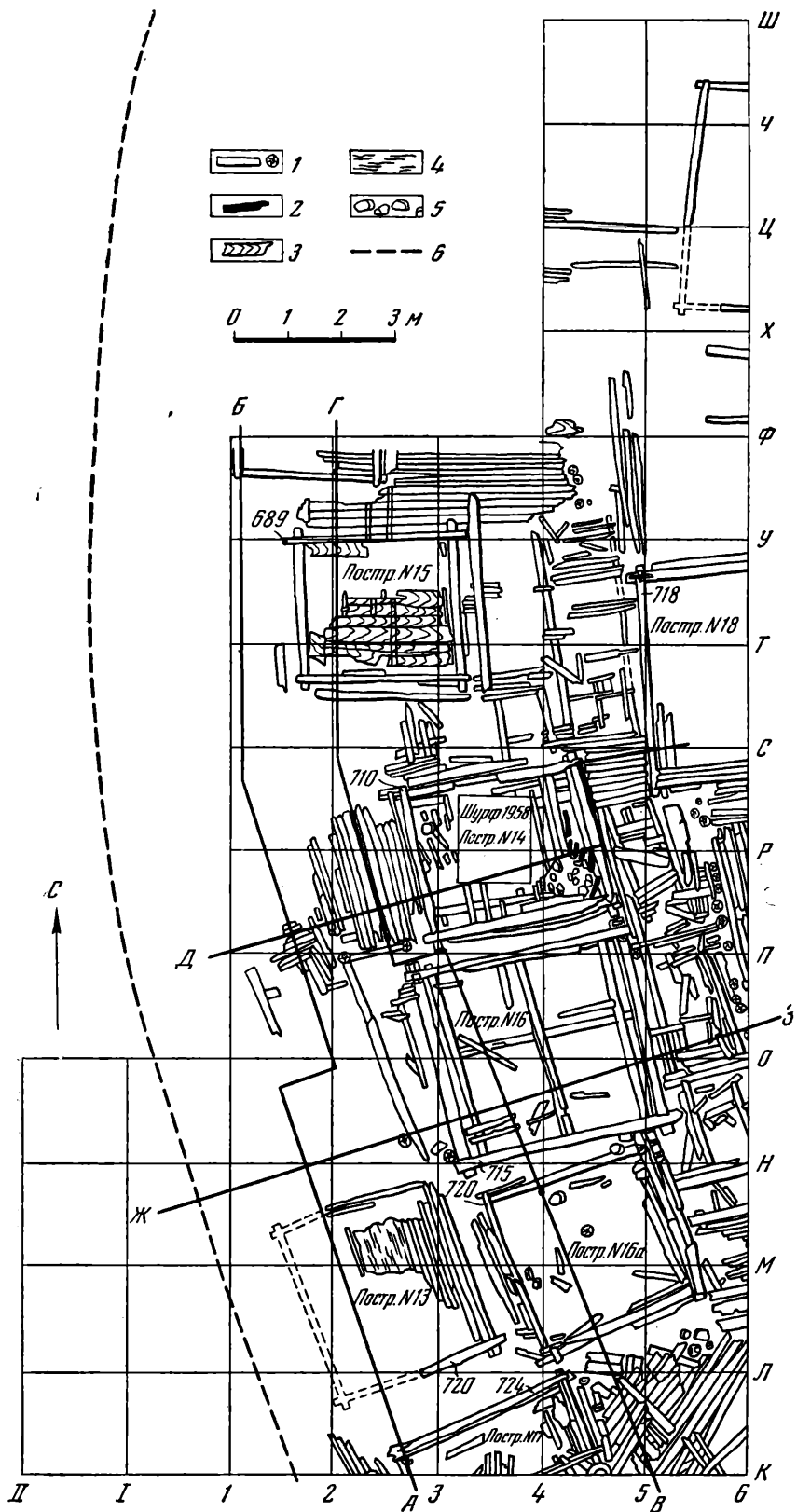

Рис. 23. План сооружений третьего строительного горизонта.

1 — дерево; 2 — горелое дерево; 3 — доска; 4 — сгнившее дерево; 5 — камни; 6 — направление вала

них лежит бревенчатый накат пола, приподнятый над землей. В юго-восточном углу — развал печи из камня. Есть основания предполагать, что эта постройка принадлежит ремесленнику. С двух сторон от печи найдено большое количество кусков бронзы и мелких бронзовых пластинок — обрезков. Среди камней печи обнаружены обломки горшка со следами железа на внутренней поверхности. Куски железа или сильно окислившиеся железные предметы и крица найдены также у западной стенки сруба.

Интересна конструктивная особенность постройки № 16: три лага врублены не только в бревна северной и южной стен, но и в бревно, специально положенное посредине помещения параллельно этим стенам. Постройка № 16 и расположенная к югу от нее № 16а были точно таких же размеров и ориентации, как вышележащие сооружения и, вероятно, такого же назначения (жилая и хозяйственная).

С востока к постройкам № 14, 15, 16 и 16а, как и во втором горизонте, прилегает улица, также повторяющая направление вала. Она состоит из трех ярусов настилов и большого количества чинок на разных участках, особенно в южном конце раскопа. Вдоль восточной стороны улицы обнаружен часток, отделяющий ее от сооружений, расположенных восточнее.

Третий горизонт беден находками. Бытовой инвентарь такой же, как и во втором горизонте; новыми в комплексе были части кожаной обуви и обрезки кожи. Найдены два деревянных изделия: днище бочки и кормовое весло. Из украшений обнаружены стеклянные браслеты, бронзовые и серебряные перстни, бронзовые браслеты. Интересны две круглые подвески из низкопробного серебра, подражающие в отливке серебряным медальонам, широко распространенным вкладах конца XII — начала XIII в. На одной из них «процветший» крест, на другой — розетка. Среди прочих находок особого внимания заслуживает вислая свинцовая печать, обнаруженная на настиле у северо-западного угла постройки № 15. На одной ее стороне изображен св. Афанасий, на другой — св. Федор Стратилат в виде воина в рост с копьем и щитом. Судя по аналогиям, она принадлежит князю Ярославу Ярославичу, брату Александра Невского и датируется 40—60-м годами XIII в.¹⁰ Печать подтверждает датировку второго горизонта второй половиной XIII в. и позволяет отнести третий горизонт к первой его половине.

В 1961 г. на этом же участке открыты еще два строительных горизонта — четвертый и пятый, относящиеся, по-видимому, к XII в. В северной части раскопа на глубине 1,6 м от поверхности (7,00—7,45 м от репера) обнаружен материк. В южной части материк лежит глубже, и под пятым строительным горизонтом выступают остатки более древних сооружений, исследование которых будет продолжено.

¹⁰ О печати см. статью: Г. Ф. Корзухина. О некоторых находках в древнем Торопце. КСИА АН СССР, вып. 87, 1962.

А. В. НИКИТИН

РАСКОПКИ В ВЕЛИКОМ УСТЮГЕ

Археологические исследования северных районов древней Руси находятся в стадии разведок и предварительного ознакомления с материалами. Письменные источники также не могут служить отправным пунктом в изучении, так как относятся в своем большинстве к XVIII—XIX вв. и сами требуют большой источниковедческой работы, прежде чем могут быть использованы как исторический материал¹. Поэтому археологическое изучение северных районов имеет первостепенное значение. Оно может дать в руки историков важный вещественный археологический материал, который послужит опорой и в критике поздних письменных источников.

Археологически Устюг совсем не изучен, хотя этот отдаленный форпост русской колонизации, а в XVI—XVII вв. важный торговый пункт, имел много своеобразных черт. Начало заселения территории Великого Устюга относится к первой половине XIII в. В связи с этим и вопрос о первоначальном положении его на первый взгляд не подвергается сомнению, так как на территории современного города и на берегу р. Сухоны расположены городища обычного типа. Но здесь есть существенные затруднения. Во-первых, большинство письменных свидетельств XVIII в. (летопись Великоустюжска, хронологические таблицы Я. Я. Фриза) говорят о первоначальном месте Великого Устюга в 4 км вниз по течению Сухоны, на так называемом Глединском городище, а сведения о современной крепости в Устюге появляются только в 1438 г. Во-вторых, Успенский собор, Михайло-Архангельский и Иоанна-Предтеченские монастыри находятся в 1—2 км от современного городища, так что территория города домонгольской поры по масштабам почти должна была равняться Устюгу современному. В таком случае следует признать не только существование, но и быстрый рост большого города, совершенно не замеченного домонгольским летописанием. Сейчас нельзя найти даже приблизительных объяснений такого быстрого роста. Ни экономическими, ни стратегическими, ни политическими преимуществами Устюг не отличался. И все же это было бы шатким аргументом для отрицания начала существования города на современном месте, если бы не отсутствие домонгольского слоя в раскопках 1959—1960 гг. Можно наметить три гипотетических решения о первоначальном месте города.

1. Устюг вырос из городища, существовавшего на месте современного города, сведения о котором не попали ни в документы, ни в устную традицию, ни в поздние летописи.

¹ В. Татищев. История Российская, кн. 1. М.—Л., 1962, стр. 251, 240; А. А. Титов. Летопись Великоустюжская. М., 1888; его же. Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. М., 1902; Я. Я. Фриз. Хронологическая таблица для областного города Устюга Великого. Северный архив, 1822, № 11.

2. Процесс создания города начался с параллельного развития городища-крепости и поселений вокруг церквей и монастырей, которые вскоре слились в единое целое.

3. Начало города следует связывать с Глединским городищем.

Любое из этих решений не могло обойтись без обращения к археологическому материалу.

Городище расположено на левом берегу Сухоны на невысоком холме, совершенно отделенном от окружающей местности, с запада Сухоной, а с остальных сторон ручьем и сильно заболоченной низиной (рис. 24). Городище с запада сильно размывается разливом Сухоны, поэтому примерно половина культурного слоя сверху обнажена, а нижняя часть слоя скрыта под бетонным панцирем².

Обнаженный разливами профиль городища на протяжении 110 м был зачищен в 1959 г. Перпендикулярно южной оконечности этого профиля заложена траншея № 1. Два разреза дали предварительную картину культурных напластований. В том же году в северо-восточной части городища заложена траншея № 2 длиной 10 м, а к югу от нее в 1960 г. — траншея № 3 длиной 8 м. При зачистке весь профиль по берегу р. Сухоны был разбит с севера на юг на участки по 10 м каждый — всего было 11 таких участков³. Культурный слой берега сильно нарушен перекопами, а в сохранившихся частях далеко не всегда ясны переходные прослойки. Напластования лишены хорошо датированных вещей, в силу чего характеристика может носить только предварительный характер. В первых 20 м были заметны следы оборонительных сооружений — небольшой ров с надолбами, судя по однородной керамике, существовавший недолго. Видны края городища, где были остатки стоявших вплотную одно к другому бревен. Возможно, что это следы крепления берега. На расстоянии 30—70 м вдоль берега не было видно каких-либо ярко выраженных сооружений. Культурный слой характеризовался на этом участке аморфностью, увеличивавшейся из-за большого количества перекопов и могильных ям. На расстоянии от 70 до 80 м встречались следы погребов с остатками обкладки и поды глинобитных печей, некоторые из них неоднократно подмазывались. На участке от 80 до 90 м встречены ямы с деревянными обкладками и бревнами. На участке от 90 до 100 м хотя и были перекопы, но больше, чем на других участках сохранились ненарушенные слои. На участке от 100 до 110 м также со следами нарушений (перекопы, могильные ямы) встречены следы печей. В результате обследования берега можно прийти к выводу, что ввиду большого количества перекопов только первые 40 м представляют интерес для археолога. Датированных предметов в слоях не встречено. Бросается в глаза полное отсутствие домонгольских вещей на всех участках и, в частности, стеклянных браслетов. Мощност культурного слоя, достигающего 2 м, большое количество ям, погребов и печей дают право думать, что на городище в течение XVII—XVIII вв. шла интенсивная жизнь.

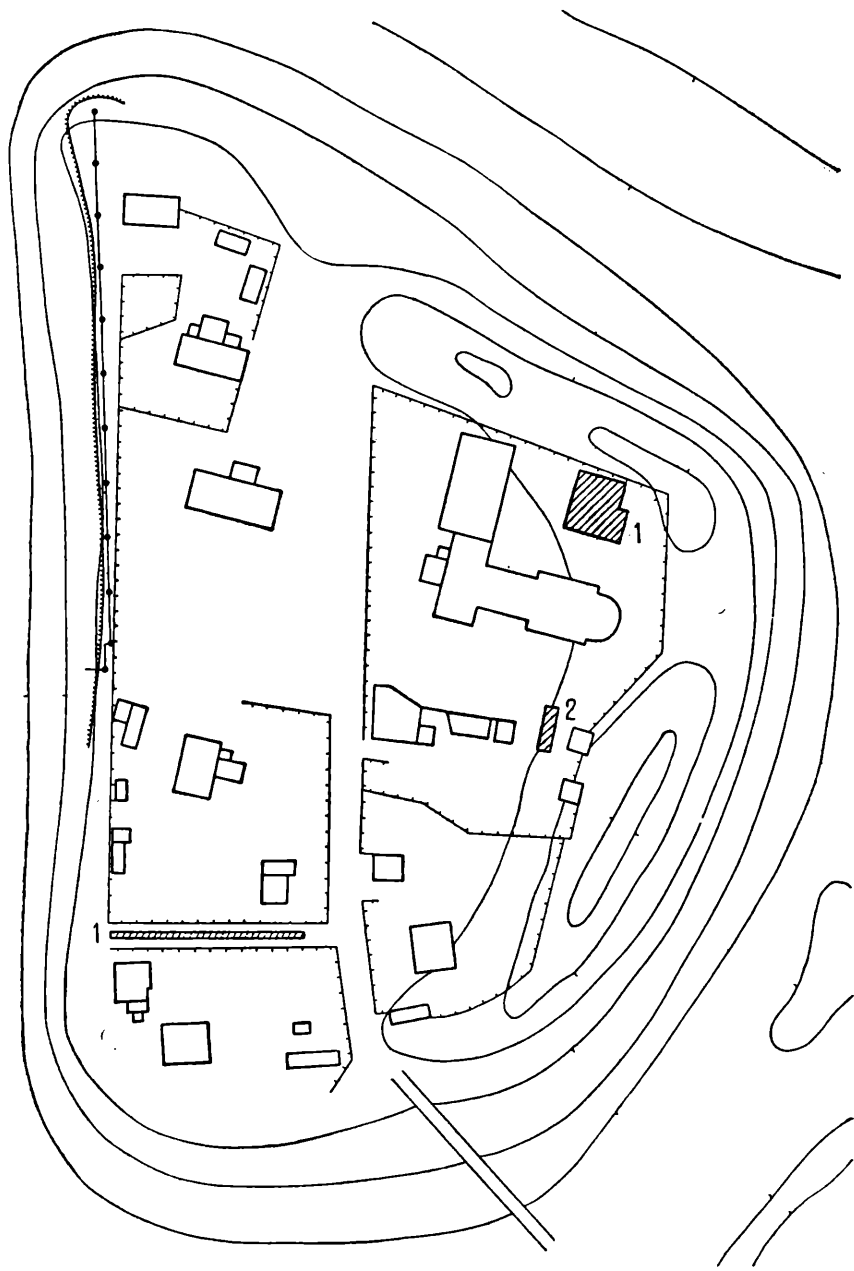
Траншея № 1 (длина 40 м, ширина 1 м) была заложена перпендикулярно берегу. На глубине 0,4—0,6 м встречались хорошо сохранившиеся остатки дерева, что свидетельствовало о наличии непо потревоженного культурного слоя. До глубины 1,6 м шел мощный культурный слой черной земли с обильным количеством щепы. Среди находок попадались чернолощенная керамика, обувь, типичная для поздних слоев Устюга, фрагменты сосудов со слабо профилированным венчиком.

В нижней части культурного слоя встречалась толстостенная посуда печного обжига, с примесью песка, с четким профилем сильно отогнутого венчика. Границы между слоями неопределенны из-за обилия органиче-

² Мощност культурного слоя в профиле берега позволяет предполагать, что значительная часть городища смыта разливами.

³ В течение всех работ в них самое активное участие принимала А. В. Гусаркина, за что автор выражает ей самую глубокую признательность.

0 50 м

- a —
- ▨ - б
- ~ - в

Рис. 24. План городища в Великом Устюге.
 а — линия замера берега в 1959 г.; б — траншеи и раскопы; в — зачистка

ских остатков. Предматериковый слой характерен отсутствием щепы. Он датируется XVI и, возможно, частично XV в., так как в нем попадалась черная лощеная керамика. Как и на берегу, в траншее не найдено ни одного стеклянного браслета или других вещей домонгольского времени.

Траншея № 1 также свидетельствует о наличии мощных поздних слоев, но здесь они без перекопов. Хорошая сохранность дерева создает уверенность, что здесь можно обнаружить целые комплексы сооружений⁴.

Разведочные раскопки 1959 г. показали, что, вопреки традиции, около церкви отсутствовали погребения. Поэтому основной раскоп (№ 1) был заложен на месте траншеи № 2 в северо-восточной части городища, к северу от церкви Варлаама Хутынского. Этот участок прилегает к подошве вала и давал возможность исследования напластований под ним. До глубины 0,6 м шел аморфный слой XIX—XX вв. Остатков построек и сооружений не встречалось. С глубины 0,8 м обнаружили следы столбов, шедших вдоль подошвы вала с интервалами от 0,1 до 0,5 м. Некоторые из них обгорели, другие сохранили остатки коры. На глубине 1,2 м в квадратах 13—16 обнаружился второй ряд столбов почти параллельный первому. В квадратах 19—20 встретились кусочки дерева, толщиной 3—4 см, лежавшие горизонтально вдоль рядов кольев. Все это дает право предполагать, что перед нами остатки одного или двух рядов креплений подошвы вала, которую старались усилить связью из отдельных рядов бревен. На глубине 1,0—1,2 м (квадраты 21 и 25) удалось проследить остатки глинобитной печи со сводом. Параллельно печи (в квадрате 22) шли следы столбов и ямок от них. Кроме того, на глубине 1 м сохранились остатки половиц в виде темных угольных пятен. Все это дает основание предполагать, что нами вскрыта часть жилой постройки столбовой конструкции не совсем обычной для Севера. Стратиграфически постройка датируется в пределах XVII в., так как в нижележащих пластах найдена чернолощенная керамика. Жилые постройки этого же времени обнаружены и на других участках.

Лежащие ниже слои не дали ничего примечательного, если не считать шумящей привески в виде барашка (рис. 25—10), найденной на глубине 2,38 м в перекопанном слое, в котором встречены кремневый неолитический наконечник стрелы и зуб мамонта. В заполнении погребца со следами плохо сохранившейся обкладки (квадраты 6, 7, 10, 11) найдены наконечник копья и древолазный шип (рис. 25—19). Массовый материал состоял из керамики и кусков глиняной обмазки с отпечатками дерева.

В квадратах 22, 25—27 на уровне 2,0—2,3 м обнаружен беспорядочный развал обожженной глины и угольков. После расчистки выявилось основание круглой глинобитной площадки, заваленной обломками толстого глиняного свода с отпечатками дерева; с внутренней стороны некоторых обломков были видны остатки железа и шлака. Рядом лежали куски криц. Можно предполагать, что перед нами остатки домницы, поставленной на материке, возможно, по обычаю в углублении. Домница была разрушена после варки железа. Остатков сопел не нашли.

Итак, сооружения в нижнем горизонте — дом (квадраты 20, 24, 28, 30, 32), погребные ямы (квадраты 12, 16, 29), круглая яма (квадраты 13, 14, 17, 18). Синхронность мусорных ям и жилищ трудно установить из-за перекопов, тогда как жилище и погреб могут составлять один хозяйственный комплекс, залегающий в одном горизонте и на расстоянии 2 м одно от другого. Керамика в обоих сооружениях однотипна.

Работы на раскопе № 1 позволяют сделать следующие выводы:

1. Домонгольский слой и связанные с ним находки полностью отсутствуют на всей площади раскопа. Если принять во внимание, что его нет

⁴ Во время раскопок остатки дерева не разрушались в расчете на будущих исследователей.

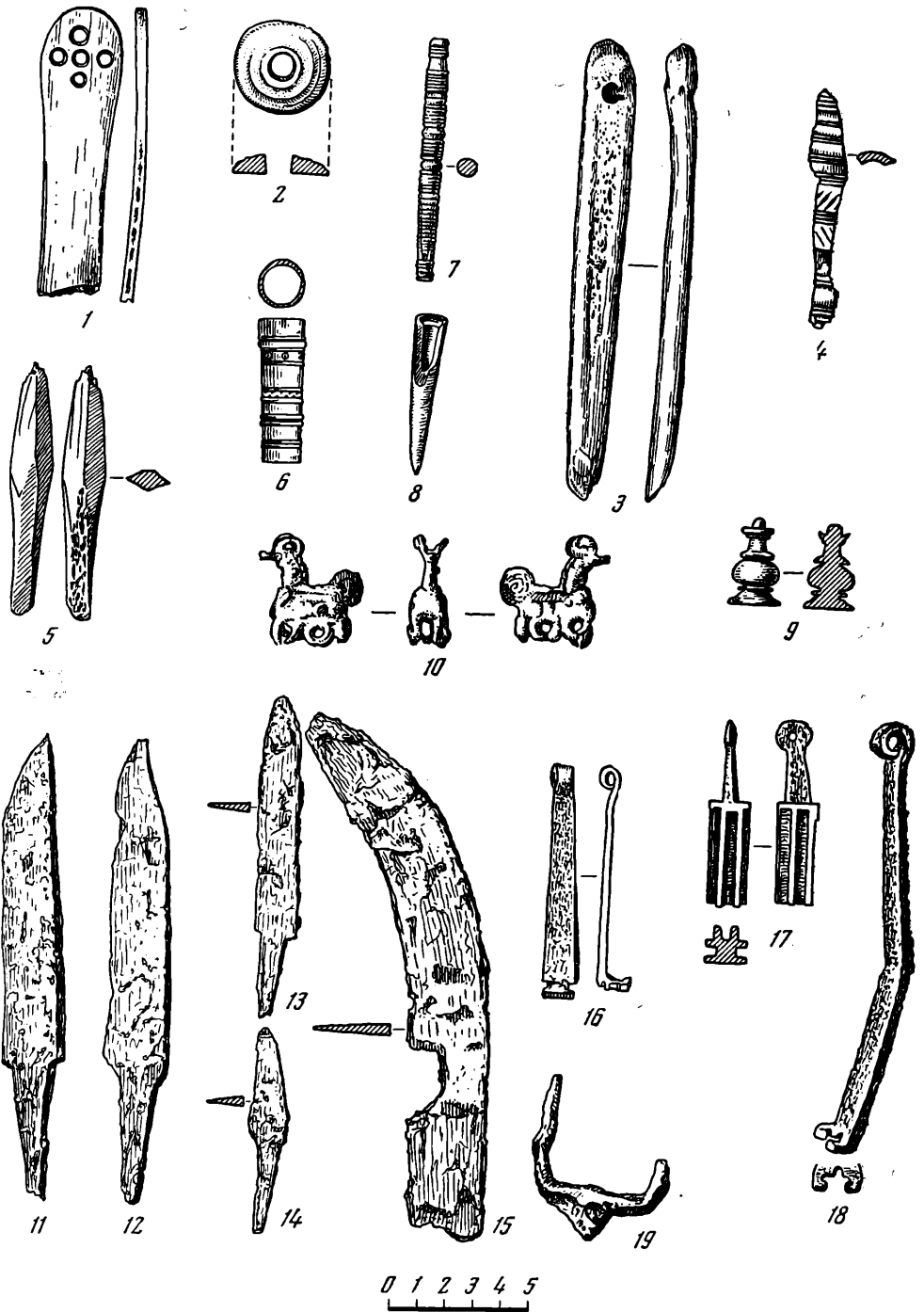

Рис. 25. Вещи из раскопок в Великом Устюге

Изделия из кости: 1 — заготовка; 2 — пуговка; 3 — обработанная кость; 4 — орнаментированный обломок кости; 5 — стрела; 6—8 — игольники; 9 — шахматная фигура. Изделие из бронзы: 10 — шумящая привеска. Изделия из железа: 11—14 — ножи; 15 — коса-горбуша; 16—18 — ключи; 19 — древолазный шип

и на других участках, то первое упоминание городища в источниках под 1438 г. вполне закономерно.

2. Вещевой материал — за редким исключением, славянский (русский). Хотя письменные источники и особенно фольклор сохранили выразительные штрихи столкновений и связей с финно-угорскими племенами на севере Руси, однако Устюг не может быть включен в число памятников смешанного типа.

3. Жилища найдены в скромных остатках, но можно говорить о традиционном типе постройки площадью около 20 кв. м, с глинобитной печью на деревянном каркасе в углу, поставленной на уровне пола. Интересной деталью для Устюга является употребление глиняной обмазки при сооружении построек и печей, о чем свидетельствуют многочисленные находки глины с отпечатками дерева, встреченные чаще всего в жилищах и около них. Обращает на себя внимание своеобразная конструкция в виде бревен, поставленных близко одно к другому, но не вплотную; между ними прослойка твердой земли и глины. Это мог быть комплекс, препятствовавший оседанию вала. Возможно, что в толще вала в дальнейшем будут обнаружены аналогичные крепления.

Траншея № 3 (8 × 2 м) была заложена для разведок культурного слоя в юго-восточной части городища. Она находилась в 12 м от южной стены и в 2 м от юго-восточного угла церкви Варлаама. До глубины 0,8 м шел насыпной слой, в котором попадался большемерный кирпич, поливные многокрасочные изразцы с растительным орнаментом на белом фоне; найден один обломок красного изразца с растительным орнаментом. Глубже шел нетронутый слой, включавший развал печи-каменки с подом из большемерного кирпича и остатки жилой постройки со следами пола и печи-каменки. Если насыпной слой датировать XVIII в., то остатки жилища и печь следует отнести ко времени не ранее XVI—XVII вв. (в этом слое находили чернолощенную керамику). На глубине 1,2—1,4 м шел слой с битым кирпичом и мелкими обломками керамики. По структуре он относился к описанному выше слою с остатками построек. Глубже шла черная земля без находок, только на глубине 1,7 м были хорошо видны ряды кольев — остатка тына. В профиле траншеи заметны два ясно различимых слоя — верхний насыпной и нижний, образовавшийся в результате жизни на городище.

Судя по результатам разведочных работ, можно сделать вывод, что городище, по крайней мере в этой части, было заселено в XVII в. и ни в коем случае не раньше XVI в. Этот участок интересен только для изучения поздних сооружений, сохранность которых будет несомненно хорошей.

Двухлетние работы на Устюжском городище позволяют сделать некоторые общие заключения. Наиболее достоверным является позднее возникновение Устюжского городища. Хотя на территории современного Устюга расположены монастырь и Успенский собор, основание и сооружения которых относятся к домонгольскому времени, но первоначальный Устюг письменные источники единодушно помещают на Глединском городище при устье р. Юг, тогда как сейчас он расположен в 3—4 км выше устья. Письменные источники (в основном XVIII—XIX вв.) требуют осторожного подхода, но археологические раскопки, как видим, подтверждают их достоверность. Представляется мало вероятным, что в дальнейшем на территории современного Устюга будут обнаружены домонгольские слои⁵. Следует думать, что авторы летописи брали сведения о начале Устюга из какого-то более древнего и надежного источника. Раскопки в Вологде привели к подобному же выводу относительно достоверности сведений из Жития св. Герасима.

⁵ В 1962 г. при прокладке по Советскому проспекту траншеи длиной около 500 м также не было найдено ни одной домонгольской вещи, хотя во многих местах траншея достигла материка.

В дальнейшем следует сделать попытки отыскать Глединское городище, которое в 1771 г. наблюдал академик Лепехин⁶. Домонгольские памятники архитектуры, существовавшие на территории современного Устюга, возможно, следует рассматривать как самостоятельные военно-экономические пункты, поскольку трудно объяснить, что такой большой по площади город, как современный Устюг не оставил никаких следов в домонгольском летописании. Только дальнейшие исследования могут разрешить вопрос о происхождении Устюга. Сейчас можно говорить лишь об отсутствии домонгольского поселения на городище.

В связи с этим с археологической точки зрения важно отметить, что в XV в. на севере продолжают создаваться оборонительные сооружения по домонгольским образцам. А это заставляет внести поправку в хронологию подобных городищ Севера. Видимо, в окружении финно-угорских племен такие укрепления были еще целесообразны. Да и в центральной Руси в XVII в. в аналогичных условиях наблюдается то же явление, когда в Засечную черту XVII в. подобные городища вошли как составная оборонительная часть укреплений.

---

⁶Н. А. Полиевктов. Сведения о городках и городищах, находящихся в Вологодской губ. Труды VII АС, т. III. М., 1892, стр. 7.

В. А. КУЗНЕЦОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕРХОВЬЯХ
КУБАНИ
(1960—1961 гг.)

В 1959 г. Центральные научно-реставрационные мастерские Москвы начали реставрационные работы на замечательном историко-архитектурном памятнике X в. — северном Зеленчукском храме. В ходе шурфовок и зондажей около храма руководителем реставрационных работ В. И. Бородиным обнаружены древние погребения. В. И. Бородин обратился в Институт археологии АН СССР с просьбой об организации охранных раскопок. Раскопки около северного Зеленчукского храма (современный пос. Нижний Архыз, Зеленчукского района Карачаево-Черкесской автономной области) были начаты в мае 1960 г. Зеленчукским отрядом¹ Северо-Кавказской экспедиции (начальник Е. И. Крупнов).

Основной раскоп (72 кв. м.) заложен у восточной части храма; квадраты окружали храм с северной и южной сторон, доходя до восточных стен северного и южного притворов. Для стратиграфических наблюдений были оставлены две контрольные бровки (с северной и южной стороны). Далее в процессе раскопок была вскрыта площадь вокруг остальной части храма; ширина ее 2 м.

Исследовано 53 погребения древнего могильника², основная часть которого располагалась у восточной части храма. Большая группа находилась у северной стены нартекса; еще одна группа погребений (детских) была сосредоточена у южной стены западного притвора. Кроме того, две могилы обнаружены внутри храма — погребение № 42 было в южной конхе храма, а № 47 открыто в юго-западном углу нартекса.

Все захоронения совершены в каменных ящиках, сложенных из плит местного песчаника. Некоторые ящики (№ 16, 18, 42) сделаны из особенно тщательно обработанных и подогнанных плит. Погребальный обряд устойчив — все погребенные лежали вытянуто на спине, с вытянутыми конечностями, головой ориентированы на восток. Это явные христианские черты. Наряду с ними отмечены ярко выраженные языческие дохристианские черты — обязательное наличие небольшого количества древесного угля, куски

¹ Состав отряда: В. А. Кузнецов — начальник отряда, Е. И. Мерзлякова и М. В. Любченко — лаборанты, В. А. Дерябин — фотограф.

² Первое упоминание могильника см.: «Древнехристианские храмы и св. Александр-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелии Кавказского хребта Кубанской области. М., 1894, стр. 9; В. М. Сысоев. Поездка на реки Зеленчук Кубань и Теберду летом 1895 года. МАК, вып. VII. М., 1898, стр. 117—118.

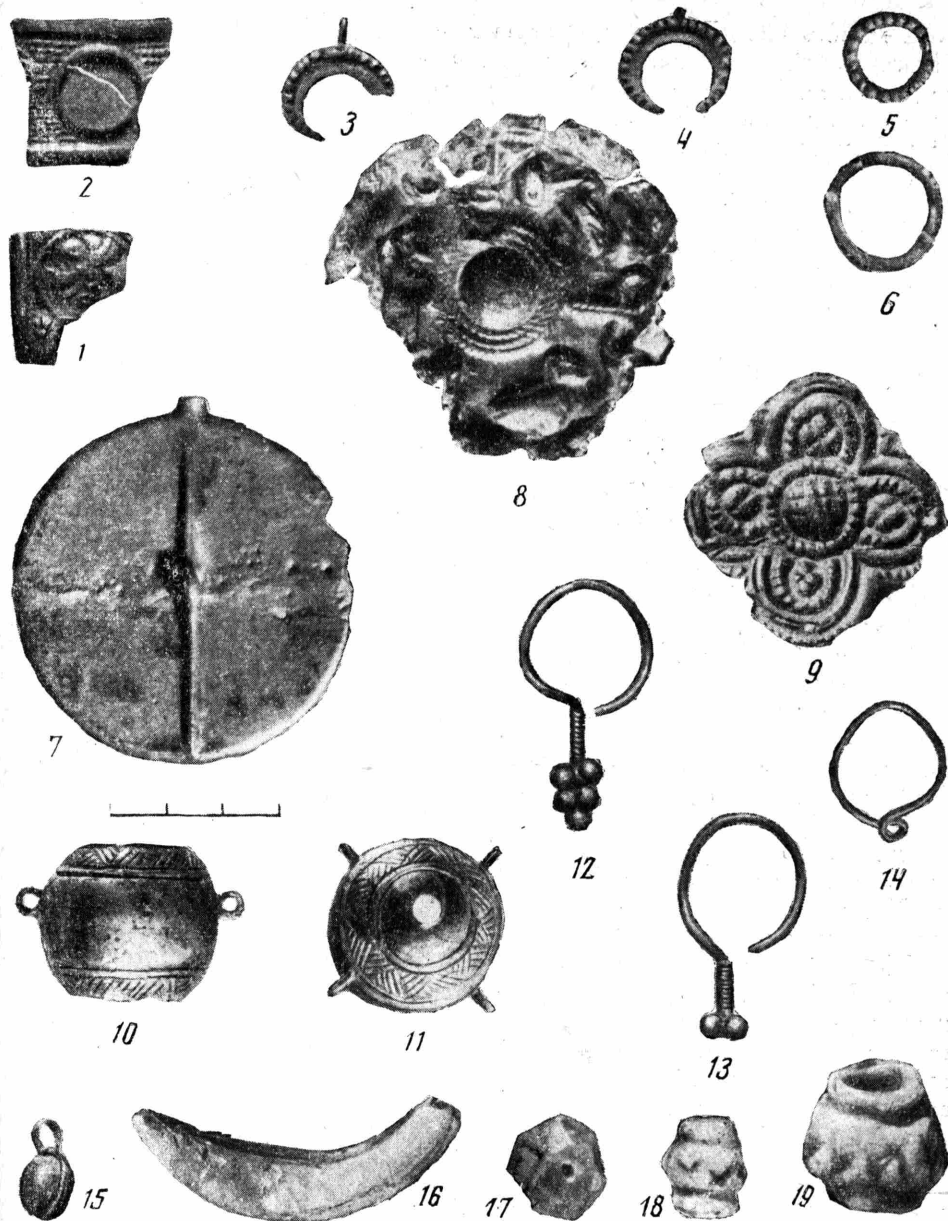

Рис. 26. Находки из могильника XI—XIV вв. у северного храма.

1, 2 — обломки серебряного браслета; 3, 4 — серебряные лунницы; 5 — серебряное колечко; 6 — бронзовое височное кольцо (кам. ящик № 16); 7 — металлическое зеркало из разрушенного погребения нижнего яруса; 8 — бронзовая золоченая бляха (кам. ящик № 5); 9 — бронзовая бляха (кам. ящик № 6); 10, 11 — бронзовые золоченые подвески (кам. ящик № 25); 12, 13 — бронзовые серьги (кам. ящик № 25); 14 — бронзовое височное кольцо (кам. ящик № 5); 15 — бронзовый бубенчик с поперечной сканью (кам. ящик № 5); 16 — амулет — медвежий клык (кам. ящик № 5); 17 — сердоликовая граненая буса (кам. ящик № 45); 18 — глиняная полевная буса (кам. ящик № 40); 19 — глиняная полевная буса (найдена вне могил)

мела, реальгар³ и у некоторых погребенных каменные плитки под головой. Языческие особенности обряда весьма интересны, ибо они дают возможность сделать предположения относительно этнической принадлежности могильника. Древесный уголь, реальгар и мел характерны для меото-сармат-

³ Реальгар часто был заменен толченым кирпичом.

ских могильников Прикубанья первых веков н. э.⁴; подкладывание миски под голову погребенного (у нас миска заменена плиткой) также характерно для меотских могил Прикубанья⁵. Таким образом, зафиксированные нами пережиточные языческие черты погребального обряда позволяют исследованный у северного храма могильник связать с адыгским населением — прямыми потомками смешанного меото-сарматского населения Прикубанья первых веков н. э.

Археологический материал, найденный в погребениях, очень невелик. Характерно, что керамики нет. Немногочисленный инвентарь, состоящий в основном из украшений, позволяет наметить нижнюю и верхнюю даты могильника. К числу древнейших могил следует отнести каменный ящик № 16. В нем обнаружены поддающиеся датировке три обломка литого серебряного браслета, височное кольцо из бронзовой проволоки в полтора оборота, две серебряные лунницы, фрагменты стеклянного сосуда с узким горлом. Браслет по лицевой стороне украшен круглыми медальонами, в одном из которых хорошо различимо изображение хищной птицы с расправленными крыльями (рис. 26—1, 2). Аналогичные фигуры птиц довольно широко распространены в XI—XIII вв. Нам они знакомы по материалам Змейского катакомбного могильника XI—XII вв.⁶ Височное кольцо из ящика № 16 (рис. 26—6) — полная аналогия проволочным височным кольцам из того же Змейского катакомбного могильника⁷. Лунницы сходного типа (рис. 26—3, 4), по данным последнего исследования А. Краловански, относятся к X—XI вв.⁸

Во время раскопок у восточной части храма в верхних слоях земли неоднократно попадались вещи X—XII вв. (зеркало из «белой бронзы» (рис. 26—7) и обломки двух таких же зеркал, кабаний клык с отверстием, бусина, обломок костяной резной обкладки от византийской шкатулки⁹). Погребения здесь располагались в три яруса. Можно полагать, что эти случайные находки происходят из могил XI—XII вв., разрушенных при строительстве верхних ярусов. Это подтверждает куча человеческих костей, явно выброшенных из могилы и беспорядочно лежавших между каменным ящиком № 5 и стеной апсиды. Поэтому сохранившиеся погребения XI—XII вв. на могильнике единичны. Основная масса захоронений относится к XIII—XIV вв. Обнаружены вещи, датируемые этим временем. Так в каменных ящиках № 21 и 25 встречены серебряные серьги в виде вопросительного знака с виноградной гроздью на конце (рис. 26—12, 13). Аналогичные серьги хорошо известны в средневековых могильниках Северного Кавказа, например в Кубани¹⁰. Такие серьги найдены и В. И. Марковиным в погребениях, датируемых татарскими монетами XIV в.¹¹ Тем же временем хорошо датируются височные кольца с петелькой (рис. 26—14), встреченные в нескольких могилах. Аналогичные кольца в 1886 г. были найдены

⁴ См., например, Н. В. А н ф и м о в. Племена Прикубанья в сарматское время. СА, XXVIII, 1958, стр. 64.

⁵ В. А. Городцов. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года. СА, I, 1936, стр. 183—184

⁶ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, № 2, 1959, стр. 112, рис. 15, 2.

⁷ Там же, стр. 108.

⁸ А. Kralovanszky. Adatok a Karpát—Medencei X—XI századi felholdalaku csungok neresenez. «Archaeologiai Ertesito», vol. 86, N 1. Budapest, 1959, стр. 76, табл. XIII, 5; см. также: М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, рис. 48.

⁹ Государственный Эрмитаж. Культура и искусство Византии IV—XV вв. М., 1957, стр. 15, табл. VI, рисунок вверху.

¹⁰ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII. М., 1900; табл. X; VIII, 4.

¹¹ В. И. Марковин. Пещеры—родовые усыпальницы в Шатоевской котловине. КСИА АН СССР, вып. 86, 1961, стр. 105, рис. 44, 6—7. Такие же серьги были найдены Л. П. Семеновым в подземном склепе у ингушского сел. Шуан, датированном джучидскими монетами XIV в. Архив ЛОИА АН СССР, дело № 234/1937, лист 33.

В. И. Сизовым в могильнике у станицы Натухайской. Погребения, вскрытые В. И. Сизовым, датируются монетами золотоордынских ханов XIV в. — Узбека и Джанибека¹². Выразительны некоторые бусы, в первую очередь поливные глиняные (рис. 26 — 18, 19) и граненые сердоликовые (рис. 26 — 17) (каменные ящики № 2, 14, 40, 45). Поливные бусы — голубого цвета; точные аналогии им можно указать в материалах христианского могильника XIII—XIV вв., исследованного О. В. Милорадович около церкви на городище Верхний Джулат (Северная Осетия)¹³. Поливные глиняные бусы такой же формы известны из раскопок А. Е. Алиховой на Березовском поселении XII—XIV вв.¹⁴ Серебряный перстень с плоским квадратным щитком и выгравированным на нем ромбом (каменный ящик № 20) также можно отнести к XIII—XIV вв. Таким образом, могильник у северного Зеленчукского храма можно датировать временем с X—XI по XIV в.

Одновременно с раскопками могильника проведена разборка мощного завала, образовавшегося внутри храма. Выявлены интересные детали конструкции постройки — солея, трехступенчатый синтрон в центральной апсиде, четыре пилястры и остатки упавших арок между ними в нартексе, крещальня на северо-западном углу нартекса — трехступенчатая площадка с примыкающей к ней купелью, составленной из четырех каменных плит, обмазанных изнутри цемянкой. Около северо-восточного столба, а также в северной и центральной апсидах обнаружены остатки древнего пола храма, сделанного из слоя розовой цемянки.

На полу нартекса обнаружено несколько интересных находок — витые железные стержни, железные стержни с кольцами, глиняная крышка от сосуда, фрагменты стеклянных сосудов. Здесь же, недалеко от крещальни, обнаружен уникальный бронзовый литой крест с «процветшими» оконечностями. На лицевой стороне креста высечена греческая надпись, гласящая: «Обновлен честной крест боголюбивейшим монахом пресвитером Фомой, год от сотворения мира 6575, индикт пятый»¹⁵. На нижней оконечности креста — следы излома; отверстия пробиты позже, чем был отлит сам предмет. Крест точно датирован 1067 г. н. э., на который приходится и пятый индикт. находка несомненно интересна для истории христианства в Алании и проливает свет на дату строительства северного Зеленчукского храма.

В 1961 г. проведены разведочные работы на Нижне-Архызском средневековом городище¹⁶ с раскопками и расчисткой некоторых объектов. Выявлено шесть небольших одноапсидных церквей и часовен, сложенных насухо из битого и подтесанного камня. Церковь № 5 была обнаружена мной еще в 1956 г. в лесу севернее реставрируемого храма, за балкой Церковной¹⁷. Предпринятая расчистка полностью выявила ее план — с полуциркулярной апсидой, без алтарной преграды и с небольшим притвором с западной стороны, с которой хорошо прослеживались два дверных проема. Длина церкви 13 м, ширина 4 м. Следует отметить, что церковь окружена каменной стеной со следами построек внутри ограды.

¹² В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. II. М., 1889, стр. 84—85; табл. XIII, 16, 17, 20; табл. XV, 14.

¹³ О. В. Милорадович. Отчеты о раскопках на городище Верхний Джулат в 1959 г. Архив ИА АН СССР, дело № 1994, лист 12, рис. 11.

¹⁴ А. Е. Алихова. Русский поселок XIII—XIV вв. у села Березовка. МИА, № 80, 1960, стр. 197, рис. 2, 4.

¹⁵ Дешифровка надписи произведена Е. Э. Гранспрем и Е. Ч. Скржинской, которым приносим сердечную благодарность. Обстоятельный анализ надписи см.: Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из средневековой Алании. Византийский Временник, т. XXI, 1962, стр. 118—126.

¹⁶ Краткое описание городища см.: В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 г. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 6. Ставрополь, 1954, стр. 348—349.

¹⁷ № 1—3 это три крупных трехапсидных Зеленчукских храма — северный, средний, южный (см. МАК, вып. VII. М., 1898, стр. 19—21, табл. XV—XVII), № 4 — небольшая церковь у балки Подорванной, обследованная в 1949 г. П. Д. Барановским.

Церковь № 6 находится на краю древнего конуса выноса, в 35 м к югу от северного Зеленчукского храма. Длина ее 19 м, ширина 5,5 м, план аналогичен плану церкви № 5, но с алтарной преградой. Апсида имеет двухступенчатый цоколь. В апсиде на глубине 0,75 м найдены половинки от двух бронзовых крестов-энколпионов древнерусского происхождения. Ниже уровня пола в центральном помещении и притворе обнаружено 10 погребений в каменных ящиках и склепах. Погребальный обряд характеризуется теми же чертами, которые выше были отмечены для могильника у северного храма (западная ориентировка и вытянутое положение погребенных, древесный уголь, мел и реальгар). Немногочисленный инвентарь датируется XI—XII вв. (четыре стеклянных браслета из погребения № 6, бронзовая золоченая копоушка из погребения № 4¹⁸, бронзовые бубенчики, бусы). Кресты-энколпионы XI—XII вв. и хронологически определенные вещи, происходящие из погребений, позволяют датировать церковь XI—XII вв.

На опушке леса, в котором находятся руины церкви № 5, обнаружена маленькая (4,4 × 4,4 м) часовня № 7 с полуциркульной восточной стеной и прямой западной, со следами дверного проема в последней. Определение ее как часовни подтверждается расположенным здесь же могильником, на который указывают торчащие из земли плиты каменных ящиков.

На скалистом мысе горы Церковной зафиксированы слабо различимые следы церкви № 8. Наиболее удовлетворительно сохранилась апсида, обращенная на восток, и кладка западной стены. Расчистка апсиды выявила остатки алтарной преграды. Длина церкви 6 м, ширина 3 м.

Против горы Церковной (по левую сторону балки Церковной) находится лесистая вершина, названная нами «Три сосны». На ее скалистом мысе обнаружена церковь № 9¹⁹. Церковь прекрасно сохранилась. Западная ее стена с целиком сохранившимся дверным проемом уцелела на высоту около 1,9 м. Высота проема 1,36 м.

Стена апсиды достигает сейчас 1,75 м высоты. В южной стене — два оконных проема шириной 0,6 м. Алтарная преграда делит интерьер на две части — алтарь и небольшое (2 × 2 м) помещение для молящихся. Общая длина церкви 4,6 м (внутренний обмер). Стены сложены из тесаного камня на глиняном растворе. Под завалом, достигавшим 0,7 м, открыт пол, выложенный из каменных плит. На полу найдена литая бронзовая пуговка с ушком.

В южной части Нижне-Архызского городища (в 25 м к югу от балки Подорванной) найдены остатки церкви № 10 в виде невысокого, задернованного и оплывшего всхолмления, насыщенного камнем. Кругом расположены такие же кучи камня от разрушенных построек городища. Раскопки показали, что южная и северная стены рухнули внутрь помещения, перекрыв плиты, упавшие с крыши. Длина церкви (внешний обмер) 11 м, толщина стен 0,60—0,65 м; они сложены из тесаного камня, без следов раствора. В плане церковь также одноапсидная, в западной части — маленький притвор шириной в 1 м. Алтарной преграды не обнаружено. В стене, отделяющей притвор от центрального помещения, сохранились следы дверного проема шириной 1,2 м. Интересная конструктивная особенность этой церкви — два выступающих контрфорса, расположенные несколько несимметрично по основанию апсиды и связанные с кладкой стен. Назначение их пока неясно, хотя аналогичные детали можно указать в более ранней церковной архитектуре Крыма²⁰.

¹⁸ Аналогичный предмет см.: В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа, стр. 111, рис. 14.

¹⁹ Церкви № 9 и 10 были известны монахам Зеленчукского мужского монастыря. См.: «Древнехристианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь...», план. Этот план и послужил нам ориентиром в поисках.

²⁰ В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. История и археология средневекового Крыма. М., 1958, стр. 103, рис. 4.

В юго-западной части притвора найдены два маленьких клепаных железных крестика типа довольно широко распространенного на Северном Кавказе в X—XII вв. Более точное указание на дату дают две песчаниковые плиты, обнаруженные в кладке южной и северной стен. На обеих плитах высечены арабские куфические надписи. Одна из них содержит общеупотребительную мусульманскую формулу, сохранившуюся частично: «Нет бога, кроме бога, Магомед пророк его». По палеографическим признакам надпись датируется XI—XII вв. Вторая надпись представляет собой дату, написанную словами «аль-авваль год четыреста и тридцать шесть». В мусульманском календаре есть два месяца с окончанием «аль-авваль» — Раби I и Джумада I, что соответствует в переводе на наше летоисчисление времени с 26 сентября по 24 декабря 1044 г.²¹ Обе плиты были разбиты в древности и употреблены вторично при строительстве церкви, причем ясно, что не ранее 1045 г. Прекрасная сохранность надписи на второй плите свидетельствует о том, что она не долгое время служила по своему прямому назначению (как надгробие) и сравнительно скоро была использована в качестве строительного материала. Эти соображения дают основания полагать, что строительство церкви № 10 относится ко второй половине XI в.

Арабские куфические надписи XI в. на территории северо-западного Кавказа обнаружены впервые. Они ставят ряд сложных исторических вопросов о времени и путях проникновения ислама в этот район Северного Кавказа, о глубине влияния ислама и т. д. Можно ожидать, что со временем на Нижне-Архызском городище будут получены дополнительные данные по этим вопросам.

Интересное сооружение открыто на плоской вершине горы Церковной недалеко от церкви № 8. Со стороны хребта Ужум оно защищено каменной оборонительной стеной, тянущейся от одного склона горы до другого на 112 м. После расчистки оказалось, что это маленькая (4,7 × 2,0 м) постройка из двух камер. Следы проемов в стенах не фиксировались. Ориентирована постройка по линии северо-запад — юго-восток; судя по развалу, она была невысока. В развале и в камерах найдено 25 целых железных крестов и отдельных их частей в виде тонких железных пластинок. Кресты относятся к типам, распространенным в X—XII вв. Этим определяется дата постройки; сложнее с определением ее назначения. Вероятнее всего это было местное дохристианское святилище, позднее связанное с культом креста, известного у адыгских племен под наименованием «джори» (грузинское «джвари» — крест).

В скалах на южном склоне Церковной горы туристы расположенной в Нижнем Архызе детской турбазы нашли погребение, устроенное в маленькой пещерке (2,0 × 1,8 м) и раскопали его. По словам участников раскопок, вход в пещеру был закрыт каменной стеной, сложенной на глине. Внутри обнаружены разрозненные кости двух скелетов. Положение и ориентировка не устанавливались. Погребенные были положены на слой травы. Найдены: серо-коричневый кувшин с носиком (рис. 27—1), разбитое металлическое зеркало, железное тесло с закраинами, обломок серьги с тремя серебряными шариками на бронзовом пруте, шесть бус из зелено-желтого стекла, обломки железного ножа, два полукруглых деревянных предмета неизвестного назначения, круглый обструганный деревянный стержень (длина 14,3 см, толщина 0,8 см), деревянная дощечка с маленькой ручкой, типа крышки от пенала и кожаная ноговица с прокладкой из ткани и растительных волокон внутри (рис. 27—16). Кувшин по форме и пропорциям близок салтовским и аланским VIII—IX вв. Стекланные

²¹ Дешифровка надписей сделана Л. И. Лавровым и В. А. Крачковской, которым выражаем глубокую благодарность. См. также И. А. Орбели. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления. М.—Л., 1961, стр. 94.

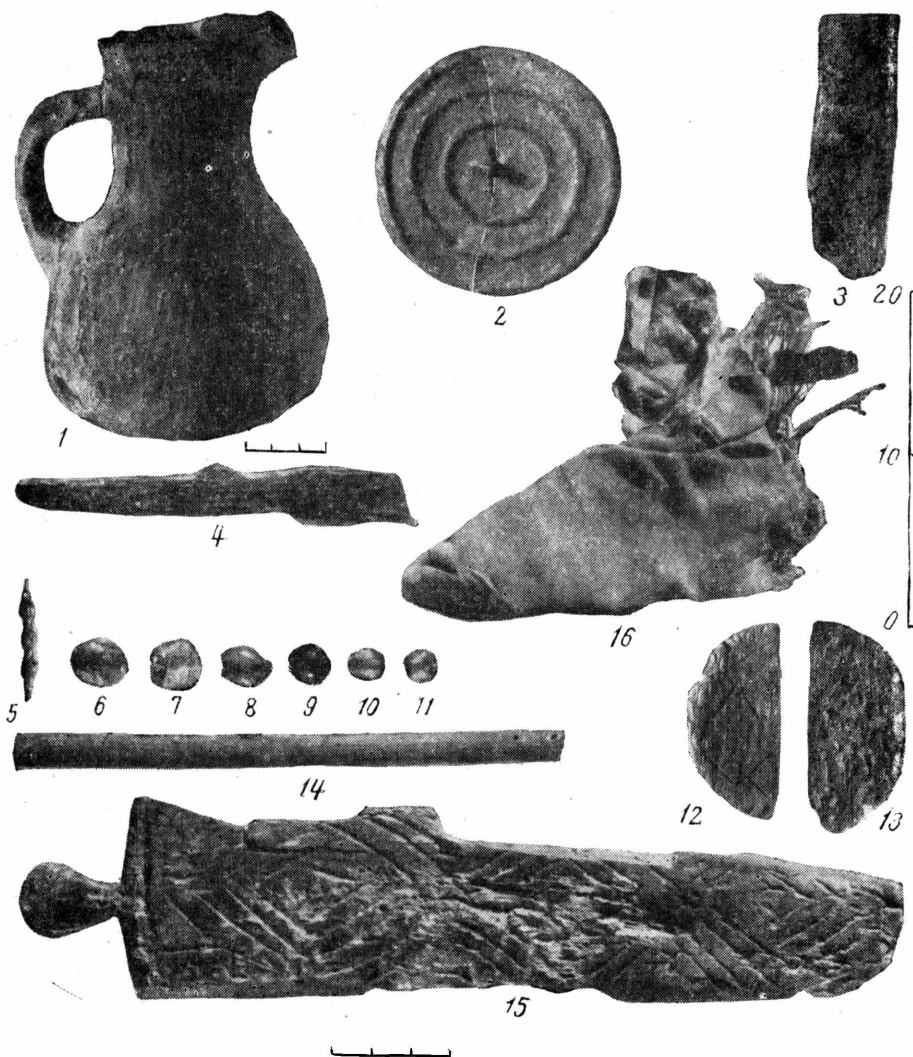

Рис. 27. Инвентарь пещерного погребения VIII—IX вв. на Церковной горе.

1 — кувшин; 2 — металлическое зеркало; 3 — железное тесло; 4 — железный нож; 5 — обломок серьги; 6—10 — стеклянные прозрачные бусы; 11 — стеклянная коричневая буса; 12—15 — деревянные предметы; 16 — кожаная ноговица

бипирамидальные бусы относятся также к типам бус, широко распространенным в VIII—IX вв.²² В эти хронологические рамки вполне укладываются зеркало, обломок серьги и тесло. Поэтому наиболее вероятной датой рассматриваемого комплекса нам представляется VIII—IX вв.

В результате археологических работ, проведенных в ущелье Большого Зеленчука, получены новые интересные данные по средневековой культуре Северного Кавказа. Большая концентрация древнехристианских памятников (крупных храмов и небольших церквей) на Нижне-Архызском городище показывает, что здесь в X—XII вв. находился крупный религиозный, политический и культурный центр Кавказской Алании. Гипотеза о том, что

²² В. Б. Деопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, № 3, стр. 218—219, рис. 4, 16.

в ущелье Большого Зеленчука был расположен центр Аланской епархии²³ получает ныне новые серьезные доказательства.

В 1960—1961 гг. проведены рекогносцировочные работы на Хумаринском городище, занимающем плоскую вершину горы Калез (по-черкесски — крепость) у сел. Хумара (в 11 км севернее г. Карачаевска). Вершина ограничена с юга и севера глубокими балками и господствует над долиной Кубани. Площадь городища 5 гектар; по всему периметру оно окружено каменной оборонительной стеной, сейчас оплывшей и имеющей вид вала. В северо-восточной части городища стены сходятся к цитадели — конической формы холму с крутыми склонами. Высота его около 25 м, диаметр вершины 12 м. В начале 1960 г. при выборке древнего строительного камня из цитадели местные колхозники обнаружили пять плит с надписями²⁴. Летом 1960 г. эти плиты были нами вывезены с городища²⁵. Надписи, по определению ленинградского тюрколога А. М. Щербака, относятся к числу западнотюркских рунических, датируемых обычно IX—X вв.²⁶

В 1961 г. была обмерена оборонительная стена Хумаринского городища. Общая длина ее 1900 м. В восточной части стены сделана зачистка обнажения. Оказалось, что она сложена из больших отесанных песчаниковых квадров, составляющих внешний панцирь. Нет сомнения, что и внутренней стороны был такой же панцирь. Сложены они на хорошем известковом растворе. Промежуток между панцирями заполнен битым камнем. Высота сохранившегося участка стены 2 м. На многих квадрах четко видны следы тесла. Ширина стены на этом участке без раскопок точно не фиксировалась, но правильная кладка прослежена на 6,5 м. Хорошо видна конструкция стены на цитадели, где она обнажена и уже наполовину выбрана. Здесь точно фиксируемая ширина стены достигала 6 м, кладка из таких же крупных (до 1 м в длину) квадров на известковом растворе. Любопытна техника кладки квадров — два-три яруса в длину, следующие два-три яруса в ширину стены. Можно предполагать, что стена, окружающая цитадель, была в нижней части ступенчатой.

На территории городища заложен шурф 2 × 2 м; выявлен культурный слой толщиной до 0,2 м. Красноглиняная керамика, найденная в шурфе, может быть предварительно датирована XII—XIII вв. Аналогичная керамика собрана и на распаханной поверхности памятника. Однако вряд ли этот материал определяет целиком дату городища — в нем должны быть и более ранние слои, пока не обнаруженные.

Древнетюркские рунические надписи, впервые выявленные на Северном Кавказе, и мощная система укреплений делают Хумаринское городище исключительно важным археологическим памятником Карачаево-Черкессии. Если учесть доминирующее положение городища над долиной Кубани вблизи Клухорского перевала, то можно предположить, что оно играло роль феодального форпоста на торговом пути, шедшем через Клухорский перевал на Черноморское побережье.

²³ В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, вып. III, 1893, стр. 118; А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА СССР, № 3, 1941, стр. 27; В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 году, стр. 351.

²⁴ Сведения об этой находке были тогда же сообщены в ИА АН СССР Д. Х. Бесленевым и Х. О. Лайпановым.

²⁵ Большую помощь в работе на Хумаринском городище нам оказал учитель местной школы А. Х. Апсов, которому выражаем нашу признательность.

²⁶ Приношу самую искреннюю благодарность А. М. Щербаку.

О. В. МИЛОРАДОВИЧ

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА
ВЕРХНИЙ ДЖУЛАТ (1961 г.)

Степная и предгорная Северная Осетия так же богата археологическими памятниками, как и давно получившая широкую известность в этом отношении горная ее половина. В районе, примыкающем к станции Змейской¹ с юга, в течение пяти лет (1957—1961 гг.) ежегодно производит раскопки Северо-Кавказская археологическая экспедиция (под руководством Е. И. Крупнова) ИА АН СССР совместно с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом. За эти годы тут открыты и исследованы разновременные памятники, по которым жизнь прослеживается начиная с эпохи энеолита и до наших дней. Но особенно широко представлена эпоха средневековья: рядовые аланские поселения VIII—XII вв.², аланский Змейский катакомбный могильник X—XII вв.³, большой аланский город Верхний Джулат (Татартуп XI—XIV вв.)⁴ с расположенными на его территории христианским и мусульманским могильниками, кабардинские курганы XIV—XV вв.⁵ Все эти памятники говорят о густой заселенности и интенсивной жизни в период от VIII до XV в.

Места эти удобны для земледелия и скотоводства, изобилуют строительными материалами. Терек богат рыбой, а горы — дичью и диким зверем. Но не только все это привлекало сюда население. В 3 км к юго-востоку от станции Змейской Терек прорывает цепь Кабардинских гор, образуя так называемые Эльхотовские ворота — узкий проход на Владикавказскую равнину, ведущую к Главному Кавказскому хребту. В Северной Осетии известен ряд ущелий, по которым проходили древние вьючные тропы, соединяющиеся целой сетью военно-торговых путей⁶. По Северному Кавказу

¹ Станица Змейская находится в Кировском районе Северо-Осетинской АССР, в 60 км к северу от г. Орджоникидзе.

² В. Б. Деопик. Змейское средневековое поселение. Сб. «Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961; В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 г. КСИА АН СССР, вып. 86, 1961, стр. 92.

³ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2.

⁴ Г. Кокиев. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартупа и Джулата. Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института, т. I-II, Ростов-Дон, 1928; Л. П. Семенов. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947; В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1950 г. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961, стр. 107—120.

⁵ Ф. С. Гребенец (Панкратов). Курганы в окрестности ст. Змейской. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 44. Тифлис, 1915.

⁶ Е. Г. Пчелина. Крепость «Зильде» Мошич. СЭ, 1934, № 3, стр. 90.

проходили караванные пути, связывающие Причерноморье с Каспийским морем и далее со Средней Азией, а также южнорусские степи и Северный Кавказ с Закавказьем и странами переднего Востока. Этот путь через Дарьяльское ущелье в Грузию проходил через Эльхотовские ворота⁷, тут же шел и путь, соединявший западный Кавказ с восточным⁸.

Как показывают археологические данные, многие племена, передвигаясь на Северный Кавказ, селились вдоль торговых путей. Уже в первые века нашей эры сарматские племена, начавшие проникновение в горы Кавказа, стремились овладеть перевалами⁹. Вдоль торговых путей размещались и многие аланские племена. Продвижение на юг кабардинцев позднее, в XIV—XV вв., некоторые исследователи также связывают с желанием овладеть путями торговли¹⁰. На торговых путях возникали и развивались северокавказские средневековые города, изучение которых только начинается. На торговом пути в стратегически выгодном пункте, защищенном малодоступными Эльхотовскими воротами, возник в X—XI вв. и аланский город Верхний Джулат. Есть некоторые основания связывать его с яским городом Дедяковом, известным по русским летописям.

Верхний Джулат занимал теснину Арго — почти ровную плоскость, прорезанную двумя балками — руслами пересохших рек. Как показали исследования, город не был укреплен; протяженность населенной части его составляла 3—4 км в длину и метров 500 в ширину. Город был окружен поселениями.

За четыре года работы на городище (1958—1961 гг.) открыты и исследованы в основном памятники культовой архитектуры (как лучше сохранившиеся): церковь XII—XIII вв.; две мечети XIII и XIV вв.; могилники — христианский XIII—XV вв. и мусульманский, — при раскопках которых попутно получены некоторые данные и о хозяйственной деятельности жителей. Специальное изучение хозяйственной деятельности жителей города, основных занятий, ремесел, торговли, выявление жилищ и пр. было задачей исследований 1961 г.¹¹

Были открыты остатки жилого дома с каменными основаниями стен (рис. 28), при исследовании которого (раскоп 235 кв. м, глубиной до 2 м) обнаружено много керамики и различные бытовые предметы. Развалины дома скрыты были под небольшим холмом, возвышавшимся в 250 м к югу от Татартупского минарета на пашне. Здесь обнаружено длинное каменное строение, остатки стен которого окружены развалом камней. Дом 18×6 м, ориентированный длинными сторонами с запада на восток, состоял из двух помещений площадью — № 1 (западное) 28 кв. м. и № 2 (восточное) 34 кв. м. Сохранившиеся на высоту до 0,6 м стены (без фундаментов) были сложены насухо, без раствора, из булыжников разных размеров, нередко достаточно крупных. Ширина стен от 0,5 до 0,7 м. На одном из камней в кладке северной стены был изображен «вавилон» с двумя чашечными углублениями в центре и сверху¹². Между помещениями № 1 и № 2 каменной стены не прослежено. Вход в дом находился с юга, на что указывает тщательно оформленная площадка в виде крыльца (1,5×1,5 м), выступающая в южной стене помещения № 1 и такая же, но более широкая у помещения № 2. Пол жилища глинобитный, углубленный на 20 см ниже стен. Уровень пола помещения № 2 на 0,25 м ниже, чем помещения № 1.

⁷ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, стр. 64.

⁸ Г. Кокиев. Указ. соч.

⁹ К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, вып. 46, 1952, стр. 13.

¹⁰ А. И. Дьячков-Тарасов. Неизвестный древний торговый путь. Журн. «Новый восток», кн. 28. 1930, стр. 155.

¹¹ Состав отряда СКАЭ: О. В. Милорадович (начальник отряда), Е. И. Мерзлякова, А. А. Крайнов, В. Иванов.

¹² Камень в кладке, по-видимому, использован вторично.

Рис. 28. Остатки жилого дома на городище Верхний Джулат

В помещении № 1 сохранились остатки открытого очага (углубление в полу, заполненное золой), в котором были кости животных и обломки керамики. Вокруг очага на некотором расстоянии один от другого на полу полукругом лежали четыре жженных кирпича ($23 \times 23 \times 4,5$ см) и каменный жернов (разбитый пополам). Возможно, что на кирпичи клались доски, служившие сидением у очага¹³. Дом сгорел во время пожара: вдоль каменных стен находился слой обожженной докрасна глины, а на полу лежали сгоревшие дубовые плахи перекрытий¹⁴.

Внутри дома найдена керамика и различные бытовые предметы. В помещении № 1 — железное долото (рис. 29—3), железные ножи, бронзовая пуговка, каменный оселок, глиняные прясла, молоток из оленьего рога (рис. 29 — 1). В помещении № 2 — железный предмет (обломок ключа?), железное кольцо, осколки стеклянного сосуда и заготовка прясла из стенки сосуда. На «крыльце» дома найдена свинцовая формочка, служившая для изготовления мелких бляшек с орнаментом способом отливки по восковой модели (рис. 29—2). находка подобной формочки исключительно интересна.

Рядом с домом, в 2 м от его юго-западного угла, обнаружены остатки сгоревшей деревянной кладовой, внутри которой находились следы также сгоревшей деревянной кадучки из клена, заполненной зерном многорядного ячменя *Hordeum polystichum* Döell¹⁵. Недалеко от кладовой найден большой железный замок со стержнем, прямоугольный в сечении (рис. 29—4). У самого дома с той же южной его стороны находилась уходящая под стену дома яма, в которой обнаружено также много обгоревшего зерна ячменя и пшеницы мягкой *Triticum vulgare* Vill. В этой яме стоял большой глиняный сосуд с двумя ручками, без дна, заполненный таким же перемешанным зерном.

¹³ Кирпичи, очевидно, принесены откуда-то, так как все известные на Верхнем Джулате культовые здания были выстроены из булыжника и квадратного кирпича таких же размеров.

¹⁴ Все определения пород дерева произведены в лаборатории ИА АН СССР Г. Н. Лисицкой.

¹⁵ Все определения злаков были произведены в лаборатории ИА АН СССР А. В. Кирьяновым.

Рис. 29. Вещи из раскопок.

1 — молоток из рога оленя; 2 — литейная формочка; 3 — долото железное; 4 — замок железный; 5, 6 — глиняные конусы; 7 — горшок кухонный серый; 8 — кувшин красноглиняный; 9 — миска краснолощенная; 10 — пифос

Во время раскопок дома, внутри него и за его пределами обнаружено много керамики, а также кости животных и рыб. Из рыб были выявлены сазан и севрюга¹⁶, которые обитают в р. Терек до настоящего времени.

Определение костных остатков¹⁷ дало следующие результаты¹⁸:

крупный рогатый скот	859/25
мелкий рогатый скот	602/31
свинья	54/4
лошадь	64/3
собака	29/1
благородный олень	64/6
косуля	10/3
кабан	18/4
лисица	1/1
заяц	1/1
птица	47
рыба	35

Всего определено 1784 экземпляра.

Под домом и вне его обнаружены 22 хозяйственные ямы, заполненные землей с культурными остатками; почти все они относятся к периоду времени, предшествовавшему постройке дома. Большая часть их перекопана и разрушена, главным образом в верхней части. Нужно особо отметить яму X в юго-восточном конце помещения № 2, уходящую под южную стену дома. В этой яме среди обломков керамики, костей и золы обнаружены два конусовидных предмета из обожженной глины, очевидно, по своему назначению связанные с очагом (рис. 29—5, 6). Подобные конусы встречены на городище Верхний Джулат впервые. Из прочих вещей, найденных вне дома, можно указать на половину каменного яйцевидного предмета с отверстием в центре¹⁹, железное кресало, обломок железного замка, поделки из кости и рога.

Вещи, найденные внутри дома и поблизости могут помочь в его датировке. Подобные обнаруженным тут прясла, железные ножи, оселки, жернова и др. встречались и в предыдущие годы в культурном слое городища, датированном суммарно X—XIII вв. Железные замки, подобные найденному близ кладовой, хорошо известные на очень широкой территории в славянских памятниках, в Великих Болгарах и среди европейских древностей, датируются не позже XIII в. Судя по керамике, найденной внутри дома, время его обитания следует отнести также к XIII в.

Как отмечают многие исследователи, народные жилища не менялись нередко на протяжении тысячелетий. На Северном Кавказе с глубокой древности известны жилища турлучные, каменные, саманные и др. Материал для жилья выбирался в зависимости от природных условий и наличных в данном районе строительных материалов. Верхний Джулат и его окрестности богаты булыжным камнем, суглинками. Нет недостатка и в лесных материалах. Трудно решить какой была верхняя разрушенная часть дома. Его стены, имея основания, сложенные из булыжников, выше могли быть также каменными или же турлучными. Не прослежены ямы от столбов, но, как указывают этнографические параллели, столбы от перекрытий нередко ставились на каменные базы²⁰. Дома, подобные исследованному, на Верхнем Джулате, обнаружены и на других средневековых

¹⁶ Кости рыб определены на кафедре ихтиологии МГУ Е. П. Цепкиным, за что приносим ему глубокую благодарность.

¹⁷ По определению В. И. Цалкина.

¹⁸ Числитель дроби показывает количество костей, знаменатель — количество оскобей.

¹⁹ Такой же предмет был обнаружен на городище в 1959 г. Назначение их пока точно не выяснено.

²⁰ Л. И. Лавров. Форма жилищ у народов северо-западного Кавказа. СЭ, № 4, 1951, стр. 55.

аланских городищах, например у сел. Заюкова в Кабардино-Балкарии²¹ и у аула Кубины в Черкессии²². Там также стены из камня, сложенные насухо, лежали непосредственно на древнем почвенном слое, глинобитный пол жилища был углублен в материк, очаг помещался на полу. Подобные постройки известны и в средневековых поселениях Западного Крыма²³.

Находки, связанные с домом, говорят нам о занятиях его обитателей; разнообразные злаки — о развитом земледелии; остатки костей — о скотоводстве, охоте и рыбной ловле; формочка для отливки украшений свидетельствует о производстве ювелирных изделий.

Состав вещей, найденных на городище за все годы раскопок, довольно беден. Но о достатке горожан свидетельствует катакомбный могильник у ст. Змейской, в котором жители Верхнего Джулата хоронили своих покойников.

Найденная на городище керамика свидетельствует о развитом гончарстве. Находки ее очень многочисленны, причем среди огромного количества фрагментов встречены и целые сосуды. Керамика делится на несколько основных типов, среди которых выделяются сосуды более ранние (X—XII вв.). Это — обломки одноручных серо-коричневых лощеных кувшинов с высоко поднятым сливом и грубые лепные сероглиняные горшки нередко с одной или двумя ручками. Обе эти формы имеют аналогии в Змейском катакомбном могильнике. Почти всю остальную керамику, датирующуюся главным образом XII—XIII вв., можно разбить на три группы (как это принято и другими исследователями): кухонная, столовая, тарная.

1. Кухонная керамика представлена в основном сероглиняными горшками с примесью крупного песка в тесте, сделанными на ручном гончарном круге. Тесто плохо отмучено и поверхность шероховатая. Орнаментированы они опоясывающим линейным рисунком по тулову и гребенчатыми штампами по краю (рис. 29—7).

2. Столовая керамика — это главным образом красноглиняные одноручные кувшины разных размеров, сформованные большей частью с помощью ленточной техники на ручном гончарном круге. Тесто тонкого замеса, хорошо отмучено, без примесей. Почти все найденные экземпляры покрыты лощением. Орнаментированы волнистыми поясками, гребенчатыми штампами по тулову и валиками (рис. 29—8). К столовой же посуде относятся миски, также в основном красноглиняные (рис. 29—9). Их найдено очень немного (до 20 фрагментов) и почти все внутри дома. В предыдущие годы находки обломков мисок на городище были единичны.

3. Тарная посуда представлена пифосами и корчагами также в основном красноглиняными, орнаментированными главным образом опоясывающими линиями. Один большой пифос удалось реставрировать (рис. 29—10).

Встречаются еще лепные сковородки с невысоким округлым бортиком (сероглиняные) и лепные жаровни очень грубые, больших диаметров, с высоким бортом (те и другие в обломках). Рядом с домом у восточного его конца найден детский люлечный сосуд.

Керамика подобных типов была собрана и в предыдущие годы. Датируется она суммарно X—XIII вв. Размеры данной статьи не позволяют остановиться на этом вопросе подробнее. Керамика Верхнего Джулата имеет много общего (иногда до тождества) с салтовской и почти ничего общего с керамикой аланских городищ центральной части Северного Кавказа, датирующихся V—X вв. В X в. эти городища прекращают свое

²¹ Б. Е. Деген-Ковалевский. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. Известия ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 17—25.

²² Т. М. Минаева. Городище близ аула Кубины в Черкессии. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, том XXII, вып. IV. Орджоникидзе, 1960, стр. 158—163.

²³ А. Л. Якобсон. Средневековые сельские поселения юго-западного Крыма. Византийский вестник, т. XXI, 1962, стр. 173—176.

существование. Остатки жилища и гончарной печи Верхнего Джулата, исследованные СКАЭ в 1959 г., так же как многие бытовые предметы свидетельствуют о связях с салтовской культурой.

Изучение материалов (в основном керамики) аланских городищ Центрального Кавказа, позволяет сделать предположение, что городища V—X вв. возникли после того, как многие аланские племена южнорусских степей укрылись в горах Кавказа, спасаясь от гуннского нашествия. В X в. можно наметить новую волну переселения на Северный Кавказ, связанную, очевидно, с разгромными походами печенегов, когда прекратили, например, существование алано-болгарские поселения Придонья, и население их ушло в неизвестном направлении²⁴.

Многими чертами городище Верхний Джулат тяготеет к южнорусским степям, к степному и славянскому миру. Это прослеживается и в памятниках монументального искусства. Объясняется это не только неоднократными передвижениями населения на Северный Кавказ из южнорусских степей. Расположенный на скрещении торговых путей город конечно не мог жить изолированно. Все материалы, полученные при исследовании Верхнего Джулата (а также Эмейского катакомбного могильника), свидетельствуют о широких связях жителей города с внешним миром.

---

²⁴ И. И. Лапушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры. МИА, № 62, 1958, стр. 148.

И. И. АРТЕМЕНКО, Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

СЛАВЯНСКИЕ КУРГАНЫ БЛИЗ с. ХОДОСОВИЧИ

В четырех километрах к юго-западу от с. Ходосовичи Рогачевского района Гомельской области на левом берегу Днепра расположено несколько курганных групп, насчитывающих 105 насыпей. Раскопки здесь производил Белорусский отряд Института археологии АН СССР под руководством И. И. Артеменко. Задачей отряда было исследование курганов эпохи бронзы. Однако в результате раскопок выяснилось, что в трех группах наряду с курганами эпохи бронзы встречаются и древнерусские.

Раскопки велись в трех группах (Ходосовичи I, Ходосовичи II, Ходосовичи III), вскрыто девять курганов.

В группе Ходосовичи I вскрыто четыре кургана (№ 2, 3, 5, 6). Три из них (№ 2, 5, 6) были насыпаны над погребениями эпохи бронзы. Славянские погребения находились на горизонте или на небольшой подсыпке; костяки лежали вытянуто, на спине, головой на запад. Сопровождающий инвентарь довольно беден. В кургане № 2 найдены стеклянные позолоченные бусы (две штуки), в кургане № 5 также две стеклянные позолоченные бусы и горшок (рис. 30) и в кургане № 6 только горшок. Курган № 3 насыпан непосредственно над древнерусским погребением. На горизонте лежал детский скелет без вещей, а в центре кургана в могильной яме — женское погребение. На шее умершей было ожерелье из хрустальных шарообразных, сердоликовых бипирамидальных и стеклянных бус (рис. 31—1), а на висках по серебряному проволочному височному кольцу (рис. 31—5).

Вторая курганная группа (Ходосовичи II) расположена к востоку от первой. Здесь раскопано три кургана (№ 7, 8, 9), все они были насыпаны над древнерусскими погребениями; умершие лежали в могильной яме глубиной до 0,5 м, в вытянутом положении, головой на запад. В кургане № 7 — одно погребение (костяк плохой сохранности). Из вещей найдены соединенные по два височные кольца из тонкой серебряной проволоки, на одном из них сохранился кусочек кожи (рис. 32—1—3). В кургане № 8

Рис. 30. Ходосовичи I.
Сосуд из кургана № 5, погребение 1

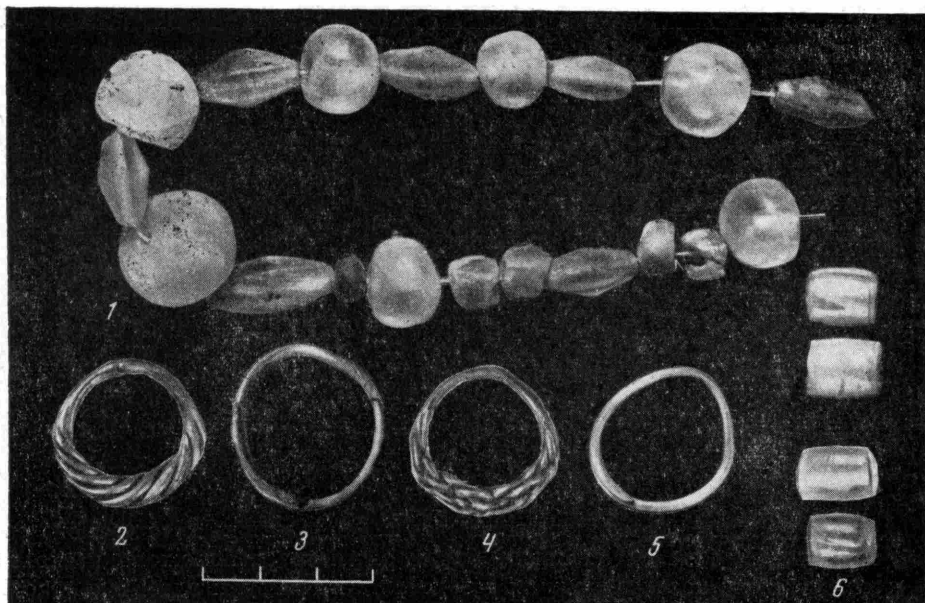

Рис. 31. Ходосовичи I и II. Инвентарь из погребений.

1, 5 — бусы хрустальные и сердоликовые и серебряное височное кольцо из кургана № 3, погребение 2; 2 — перстень серебряный и 3 — серебряное височное кольцо из кургана № 9, погребение 2; 4 — перстень серебряный из кургана № 8, погребение 1; 6 — бусы стеклянные, позолоченные из кургана № 2, погребение 1

вскрыто четыре погребения в могильных ямах, расположенных параллельно одно другому: три мужских без вещей, одно женское. Здесь найдены бронзовые пуговицы, бисер, которым, по-видимому, была обшита одежда (рис. 32—12) и перстень (рис. 31—4). Курган № 9 содержал два женских погребения в могильных ямах. При одном найдены проволочные серебряные височные кольца, бронзовые пуговицы, два шиферных пряслица и стеклянный браслет синего цвета (рис. 32—6—11); при другом — проволочное серебряное височное кольцо и перстень (рис. 31—2, 3).

Курганная группа Ходосовичи III расположена в 300 м к северо-востоку от второй, в лесу, у оз. Хорошева. Здесь раскопано два кургана (№ 1 и 2).

Курган № 1 содержал погребение на горизонте, под костяком (плохо сохранившимся) тонкий пепельный слой с мелкими угольками, вещей нет. В кургане № 2 погребение вскрыто в насыпи, в северо-западной части. Сохранность скелета очень плохая. Недалеко от черепа найдено проволочное серебряное височное колечко с заходящими концами. В центре кургана в могильной яме было второе погребение — женское. На шее умершей найдено ожерелье из цветных пастовых бус, в середине его была бронзовая круглая бусина (бусина не сохранилась), у висков — бронзовые трехбусинные височные кольца (рис. 32—15—20).

Таким образом, в большинстве исследованных курганов погребения были в могильной яме, в тех же случаях, когда встречались впускные славянские захоронения, главным образом в курганах эпохи бронзы, они были или на горизонте, или в насыпи. Из основных погребений только одно (Ходосовичи III) совершенно на горизонте. Следует также отметить, что курганы эпохи бронзы использовались позднее для погребений только в одной курганной группе — Ходосовичи I.

Мужские погребения обычно без вещей, женские содержат различного рода украшения. Анализ погребального инвентаря позволяет датировать

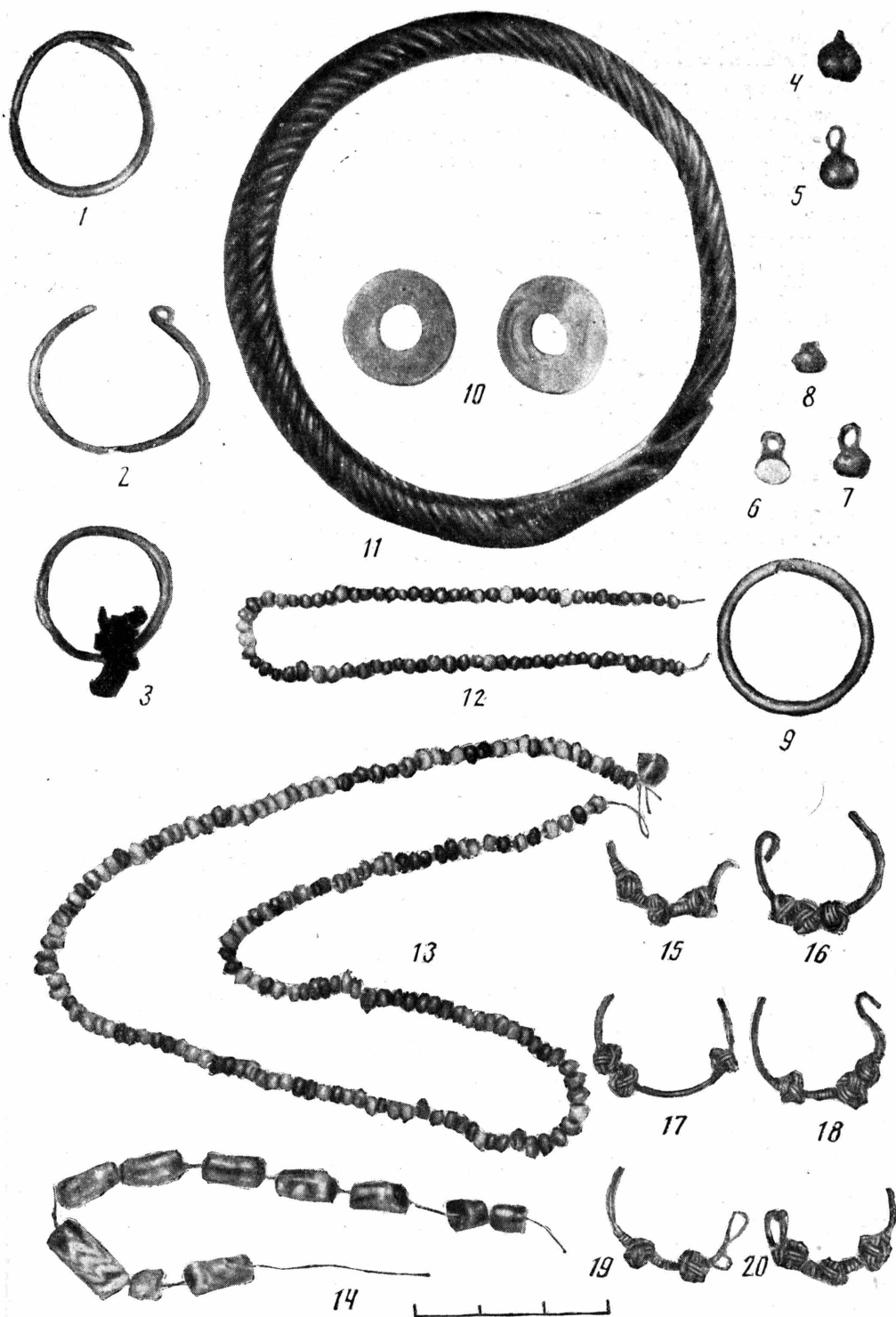

Рис. 32. Ходосовичи II и III. Инвентарь из погребений.

1—3 — височные кольца из кургана № 7; 4, 5, 12 — две пуговицы медные позолоченные и бисер из кургана № 8, погребение 1; 6—8 пуговицы медные позолоченные; 9 — серебряное височное кольцо; 10 — два шиферных пряслица и 11 — браслет стеклянный из кургана № 9, погребение 1; 13, 14 — бусы; 15—20 — бронзовые височные кольца из кургана № 2, погребение 2

курганную группу Ходосовичи I—XI и началом XII в. Ходосовичи II, как по обряду погребения (все погребения в ямах), так и по инвентарю (стеклянный браслет датируется XII в.) относятся, по-видимому, к несколько более позднему времени и могут датироваться XII в. Третью курганную группу (Ходосовичи III) трехбусинные височные кольца и пастовые бусы с белой росписью по коричневому фону позволяют датировать XI в.

Недалеко от курганной группы Ходосовичи III расположено селище этого же времени (XI—XII вв.), жителям которого и принадлежали, вероятно, эти погребения.

Курганы у с. Ходосовичи расположены на границе территорий расселения радимичей и дреговичей. В настоящее время решить вопрос какому именно племени принадлежат эти памятники невозможно.

В. П. ДАРКЕВИЧ

КОСТЯНОЕ НАВЕРШИЕ ИЗ ВОЛКОВЫСКА

При раскопках 1954 г. на древнерусском городище Шведская Гора в Волковыске (Гродненская область) найдено уникальное костяное навершие¹, которое можно отнести к числу лучших произведений западноевропейской резной кости XII—начала XIII в. Навершие оформлено в виде вырезанной из моржевой кости скульптурной головы льва (рис. 33—1, 2). Длина поделки 4,8 см; высота 3,8 см; ширина 2,5 см. Сквозь голову проходит круглое отверстие. Еще в древности навершие было расколото, но затем отбитая часть вновь присоединена с помощью медных заклепок. Резчик придал льву свирепый, устрашающий вид. В его облике особенно при взгляде en face явно проступают черты какого-то демонического существа. У него сильно выдающийся крючковатый нос с широко раздувающимися ноздрями. Глаза с круглыми гнездами на месте зрачков первоначально были инкрустированы жемчугом или драгоценными камнями. Грива трактована группами завитков. Короткие волосы шерсти обрамляют и пасть. В раскрытой пасти лев держит человека, которого готовится проглотить (рис. 33—3). В последнем тщетном усилии, упираясь согнутыми ногами в львиную морду, человек пытается вырваться. Это пожилой мужчина с длинными опущенными книзу усами и ровно подстриженной, застрихованной бородой. Расчесанные надвое волосы падают на плечи шестью длинными витыми прядями². Мужчина одет в рубаху до колен. Оплечье и вошва, идущая от ворота до пояса, орнаментированы волнистыми растительными побегам. Рукава украшают надлокотники и наручи. Подол окаймляет полоса ткани с жемчужным орнаментом, характерным для западноевропейской резной кости XII в. На ногах мужчины мягкая остроносая обувь. Этот нарядный костюм был характерен для аристократических кругов Запада в XI—XII вв. (Франция, Германия, Англия и др.). С обратной стороны львиной головы изображен сидящий на троне феодальный правитель (рис. 33—4). Он безбород и безус, но одет так же, как лежащий

¹ Навершие опубликовано В. Р. Тарасенко в рисунках, дающих весьма отдаленное представление об оригинале (В. Р. Тарасенко. Раскопки городища «Шведская Гора» в Волковыске в 1954 г., рис. 12. Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 278). В настоящее время хранится в Волковыском военно-историческом музее им. П. И. Багратиона. Инв. № 2626. Пользуюсь случаем принести благодарность директору музея Г. И. Пеху за помощь, оказанную мне при изучении археологической коллекции музея.

² Мода на длинные волосы и бороду, которая округлялась или разделялась надвое, привилась на Западе около середины XII в. До этого волосы стригли коротко.— С. Enlart. Manuel d'archéologie française, t. III. Le costume. Paris, 1916, стр. 132.

в пасти льва. Это наводит на мысль, что в обоих случаях изображено одно лицо, но в разные периоды жизни. Левая рука персонажа спокойно положена на колени, кисть правой обращена к подходящему к трону подданному, изображенному во весь рост, почтительно протягивающему руки своему сеньору³.

Особенно интересен трон — типа кресла (*chaire* — французское), характерный для церемониальной жизни романского Запада⁴. Это твердое деревянное сиденье с высокой спинкой и подножной скамеечкой. Его боковая сторона и спинка покрыты тончайшей резьбой. Орнамент состоит из стебля, образующего сердцевидную фигуру с пальметкой внутри. Вверху стебель раздваивается, опускаясь тяжелыми причудливыми ветвями. Этот идущий от античности мотив, известный в искусстве Византии и мусульманского Востока, в XII—XIII вв. широко распространен в западноевропейской и древнерусской растительной орнаментике.

Вернемся к основному сюжету. В христианской иконографии лев служит примером двойственного символизма: он может представлять и Христа, и сатану. Идея льва-антихриста родилась из рассказов Ветхого завета о борьбе со львом Самсона и Давида. Челюсти льва, которые они разрывают, сравниваются с пастью ада. Эта идея вдохновлена также призывом псалма 21: «Спасите меня от пасти льва» (*Salve me de ore leonis*)⁵. В звериной орнаментике Запада лев-антропофаг идентифицируется с дьяволом. Ад — огромная пасть этого животного, пожирающего обреченных⁶. Воспроизведения этой идеи особенно многочисленны в XI—XIII вв. Человеческое существо, терзаемое львом, распростерто под ним или наполовину проглочено и тогда из пасти видны тело, торс или ноги грешника; иногда — только человеческая голова в пасти или между лапами хищника⁷.

Распространению этого сюжета в древнерусском искусстве способствовали изделия романского круга, попадавшие на Русь в XII—XIII вв. Кроме навершия из Волковыска, следует упомянуть костяной стержень, найденный на древнерусском селище в районе г. Остер. (Черниговская область)⁸.

Впрочем, эта тема в древнерусском искусстве XII—XIII вв. не была столь популярна, как в католическом мире. Причина коренится в различии идеологических концепций, лежащих в основе монументальной пластики Запада и Руси. В западном христианстве (особенно после 1000 года) большое развитие получила дуалистическая идея извечной постоянной борьбы духа и плоти, светлых и демонических сил. Мир возникает и существует в результате двух борющихся начал⁹. Развивается демонология, вера в сильных и влиятельных бесов становится всеобщей. В искусстве эти силы тьмы воплотились в целом мире гибридных, уродливых тварей, кажущихся порождением изощренного и болезненного воображения. В этом гротескном мире, подчас напоминающем кошмарные сны, нашел почетное место и лев-антропофаг. На Руси, напротив, церковная теория дьявола не стала столь популярна в народе, как на христианском Западе. Бес занимает место рядом с мелкими божествами народного пантеона. В русских сказках он лишен всяких признаков демонического духа зла и ада¹⁰. В домон-

³ Эта фигура сильно повреждена. Рельефная резная часть сколота, но контур изображения сохранился полностью.

⁴ *Le siège en France du moyen âge à nos jours*. Paris, 1948, стр. 20.

⁵ L. Réau. *L'Iconographie de l'art chrétien*, т. 1. Paris, 1955, стр. 110.

⁶ W. Deonna. «*Salve me de ore leonis*». *Revue belge de Philologie et d'Histoire*, т. XVIII, N 2. Bruxelles, 1950, стр. 488—490.

⁷ На мозаике «Последний Суд» XII в. в Торчелло сидящего на троне князя тьмы окружают земные и морские животные, пожирающие мертвых (слон, волк, грифон, рыбы и др.). Среди этих прислужников дьявола видим и льва. W. Deonna, указ. соч., стр. 490—492, табл. II, рис. 5—6.

⁸ В. П. Даркевич. Остерская находка. КСИА АН СССР, вып. 87, 1962.

⁹ Д. Н. Егоров. *Культурная история средних веков*. М., 1918, стр. 153—157.

¹⁰ Н. М. Никольский. *История русской церкви*. М., 1930, стр. 40.

Рис. 33. Костяное навершие из Волковыска и аналогии к нему.

1—4 — навершие из Волковыска (2 — вид сбоку, 3 — спереди, 4 — сзади); 5 — рельеф Дмитриевского собора во Владимире; 6 — капитель собора св. Петра в Женеве (вторая половина XII в.); 7 — стул из Зальцбурга (1242 г.)

гольской Руси не было почвы для той материализации ужаса, для создания правдоподобных в своей иллюзорности чудовищных образов, как в романском (а затем и готическом) искусстве. Звериные сюжеты (архитектурная декорация, городское прикладное искусство) в большинстве случаев лишены церковно-символического значения, в XII—XIII вв. отражают чисто мирскую феодальную идеологию.

Характерным примером, доказывающим отсутствие какой-либо теологической мысли даже в символических по внешности звериных сюжетах может служить один из рельефов Дмитриевского собора во Владимире. Он находится на среднем прясле северной стены, справа от окна (рис. 33—5). Между передними лапами двух львов с общей головой помещена человеческая маска. Это одна из разновидностей разбираемого нами сюжета терзания львом человека. Имитация романского шаблона здесь несомненна. Композиция представляет собой как бы развертку на плоскости романской капители (рис. 33—6). При этом голова львов и человеческая маска приходились на ее угол. У львов по одной передней лапе, что на капители создавало иллюзию четвероногих животных. Резчик перенес этот сюжет на стену храма, сохранив все особенности оригинала. Здесь, лишенный символического значения, он затерялся среди массы других изображений¹¹.

Связана ли сцена на тыльной стороне волковысского навершия с сюжетом терзания? Выше уже отмечалось сходство обоих человеческих персонажей. Но если на троне сидит еще молодой мужчина, то лев пожирает уже старца. По всей вероятности, обе сцены связаны традиционной морализирующей идеей о тщете всего земного. Как бы человек не был могуч и знатен, но если при жизни он не соблюдал христианских заповедей, после смерти ему неизбежно уготована пасть ада.

Само навершие из Волковыска первоначально было частью богато убранного сиденья, и этот сюжет был как бы грозным напоминанием его обладателю. На тыльной стороне он видел олицетворение своего земного могущества, лицевая сторона с львиной мордой была обращена к подходившим к владычному сиденью. Сиденье этого типа (*Faldistorium*) наиболее древнее из тронов и почетных сидений духовной и светской аристократии¹². Скрещивающиеся перекладины этого легкого складного стула сверху украшались головками различных животных: львов, пантер, драконов, борзых, а снизу — звериными лапами. Этот тип церемониальных сидений, распространившийся на Западе с первых веков н. э., исчез там только к концу средневековья. Навершие из Волковыска находит ближайшие параллели среди вырезанных из моржовой кости головок львов, насаживавшихся на каждую из четырех перекладин *Faldistoriums* (львиная головка XII в., найденная у г. Айхштетт в Южной Германии)¹³. Выражение львиной морды, а также трактовка глаз, первоначально инкрустированных, ушей, гривы, обозначение шерсти вокруг пасти сближают эту находку с нашей. Другим примером является единственный сохранившийся с романского времени *Faldistorium* 1242 г. из монастыря Ноннберг в Зальцбурге¹⁴ (рис. 33—7). Верхние концы каждого из его четырех штанг оформлены в виде стилизованных львиных голов¹⁵. Из разинутых пастей, как из окон, выглядывают одиночные или парные поясные фигурки людей.

Высоко художественный *Faldistorium*, частью которого было навершие из Волковыска, вероятно, был изготовлен в Южной Германии, откуда про-

¹¹ Остается неясным, как эта чисто архитектурная композиция была перенесена с далекого Запада во Владимирскую землю. Может быть, определенные сюжеты, предназначенные для различных частей здания, переносились в рисунках (?) из одной страны в другую странствующими артелями строителей?

¹² *Le siège en France...*, стр. 19.

¹³ В. П. Даркевич. Указ. соч., оис. 31—4, 5.

¹⁴ А. Goldschmidt. *Die Elfenbeinskulpturen aus der Romanischen zeit. XI—XIII Jahrhundert*, Bd. III. Berlin, 1923, табл. XL—XLII, 123, текст на стр. 34—35.

¹⁵ Там же, табл. XL, b, d, f, текст на стр. 35.

исходят все известные нам памятники подобного рода. Его можно датировать второй половиной XII—началом XIII в. Этой датировке не противоречат и стратиграфические показатели (находка сделана в слое второй половины XII—первой половины XIII в.)¹⁶. На Руси эта деталь парадного сиденья могла использоваться не по назначению, хотя ею, вероятно, дорожили как художественной вещью (об этом свидетельствует ее починка).

Приблизительно можно наметить путь, каким эта вещь попала в городок на западных рубежах Руси. Видимо, это был тот же проторенный торговый путь, каким проникали многие другие изделия романского художественного ремесла: Южная Германия (Регенсбург) — Прага — Краков — Волынь и дальше на Киев. Отсюда (по Припяти и ее левому притоку Ясельде) или непосредственно с Волыни (сначала по правым притокам Припяти, затем по Ясельде и левому притоку Немана Зельвянке) можно было добраться до Волковыска. Волковыск, находящийся на расстоянии около 50 км от верховьев Ясельды, лежал на древнем волоковом пути между бассейнами Днепра и Немана. Вероятно, от слова «волок» произошло и его название¹⁷.

¹⁶ В. Р. Тарасенко. Указ. соч., стр. 266.

¹⁷ Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909, стр. 70.

Т. В. РАВДИНА

ПОЛИВНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ПЛИТКИ ИЗ ПИНСКА

В 1955 и 1957 гг. проводились небольшие археологические раскопки на Замковой горе в Пинске. Замковая гора — предполагаемое место древнего детинца Пинска — овальная возвышенность размером приблизительно 320×75 м, вытянутая с севера на юг и в южной части спускающаяся к берегу р. Пины. Никаких признаков валов древнего детинца на поверхности не видно, но ров кое-где прослеживается в западной части горы.

Траншея длиной 26 м при ширине 2 м была проведена с запада на восток поперек Замковой горы. В западной части обнаружен заплывший ров, а в средней — остатки древнего вала. Первоначально он был насыпан из песка; форма его сильно искажена перекопами. Ширина вала в основании около 7,5 м. Помимо основного ядра с тыльной стороны к валу примыкает слой усиления, насыпанный из гумусированной супеси.

Восточнее вала траншея прорезала культурный слой детинца. На этом участке раскоп был расширен, захватив площадь 105 кв. м, но, как оказалось, 28 кв. м занимал перекоп XX в. и, таким образом, ненарушенный древний культурный слой вскрыт на площади 77 кв. м.

Общая глубина культурного слоя — около 3 м; верхняя часть его толщиной около 0,6—0,8 м относится, судя по находкам, ко времени от XVI в. до современности, ниже лежит горизонт XIV—XV вв., а на глубине около 1,2—1,4 м начинается культурный слой XIII в. Основная толща культурных напластований Пинского детинца относится к XII—XIII вв. и лишь нижняя часть может быть датирована XI в., но, вероятно, лишь его второй половиной. В основании культурного слоя лежит тонкий (до 20 см) черный предматериковый слой, в котором обнаружены фрагменты керамики, шпора, костяная резная копоушка и другие предметы, относящиеся к XI в. Этот тонкий слой заходит также и под вал. Таким образом, первоначальный вал Пинского детинца был, очевидно, возведен во второй половине XI в.

В культурном слое обнаружено большое количество поливных керамических плиток. Всего в раскопе найдено 546 обломков и целых плиток. В подавляющем большинстве они залежали в прослойках, датированных концом XI — началом XII в. и лишь незначительная часть найдена выше, куда, очевидно, плитки попали в результате перекопов. Никаких следов развала каменного или даже деревянного здания не обнаружено; плитки лежали просто в культурном слое в полном беспорядке. Правда, в раскопе встречено пятно извести (площадью около 8 кв. м и толщиной до 20 см), но плитки лежали вне всякой связи с этим пятном, выше его и в самом этом слое и под ним. Следов раствора на плитках, как правило,

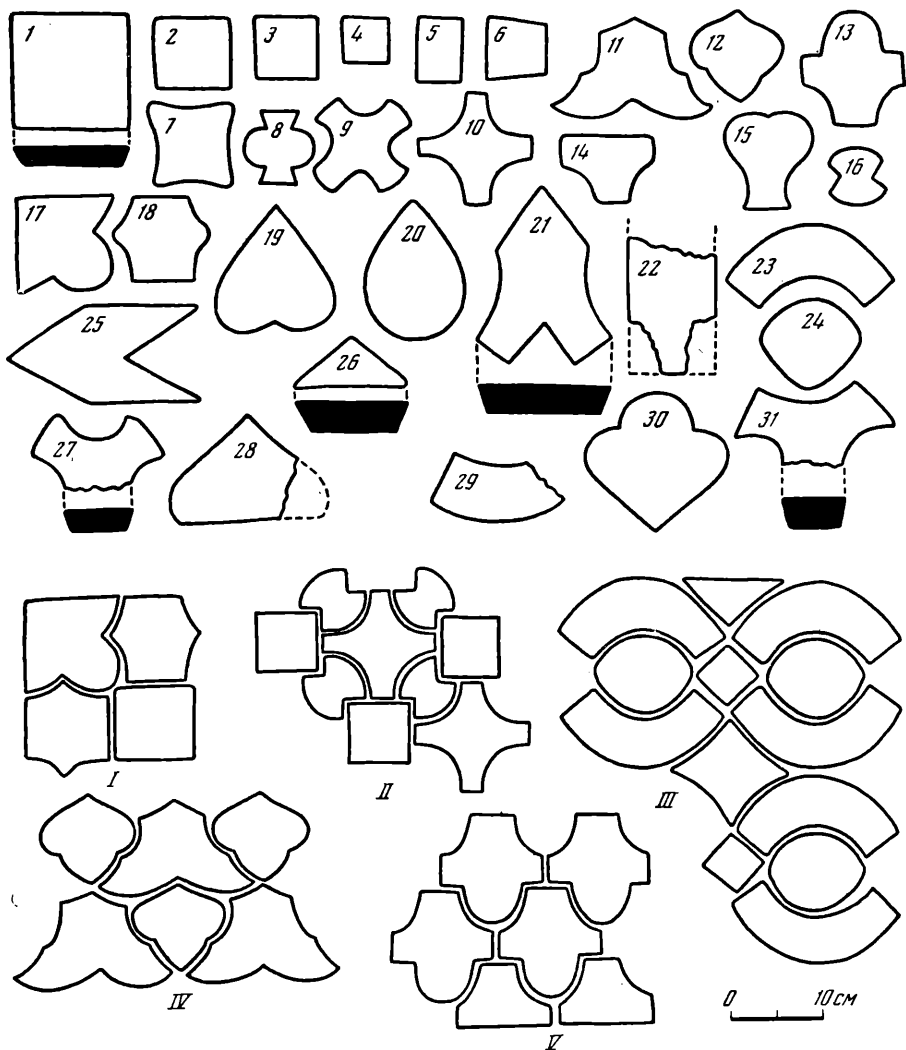

Рис. 34. Керамические поливные плитки из Пинска.

1—31 — типы плиток; I—V — элементы сочетания наиболее часто встречающихся типов плиток

нет, и лишь на 10 экземплярах заметны слабые следы извести на тыльной стороне.

Плитки сделаны из белой глины с примесью довольно крупных зерен кварца; тесто грубое, слоющееся. Обжиг не всегда достаточный, так как в середине плиток часто заметно серое пятно не полностью обожженной глины. Тыльная сторона обработана грубо; на ней видны вмятины, следы пальцев, соломы. Толщина плиток большей частью от 21 до 26 мм, хотя встречаются единичные экземпляры меньшей (15—19 мм) и большей (до 35 мм) толщины. Все они скошены, т. е. несколько утоньшаются к тыльной стороне. Плитки покрыты одноцветной поливой; толщина слоя поливы — 0,5—1,0 мм. Иногда она частично заливает боковые скосы и попадает даже на тыльную сторону. В основном встречаются три цвета поливы — коричневая, зеленая и желтая, но в нескольких различных вариантах оттенков. Кроме того, очень своеобразна полива кремового цвета (цвет слоновой кости), возможно, вариант желтой.

Наибольший интерес поливных керамических плиток из Пинска заключается в очень большом количестве их форм (рис. 34). В целом виде или

в обломках встречено более 30 разных вариантов очертаний. Чаще всего встречаются приведенные нами на рис. 34—3, 7, 10, 11, 12, 13, 16, 18, 23. Плитки, которые найдены в достаточно большом количестве экземпляров, сделаны с применением всех трех цветов поливы. Разновидности 24 и 27 только кремового цвета, а среди плиток 19, 20, 26 и 30 всего по одному экземпляру кремового цвета; плитка 28 найдена в одном экземпляре темного красно-коричневого цвета, а 6 и 22 — по одному экземпляру зеленого цвета.

Несомненно плитки эти входили в набор декоративного убранства пола какого-то богатого здания. К сожалению, рисунок пола не может быть восстановлен, хотя некоторые его элементы можно представить по сочетаниям отдельных рисунков.

По разнообразию форм пинские поливные плитки не находят себе аналогий среди известных древнерусских половых керамических плиток.

И. И. ПЛЕШАНОВА

КЕРАМИЧЕСКОЕ НАДГРОБИЕ
ИЗ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

В пещерах Псково-Печерского монастыря сохранилось большое количество керамических надгробных плит XVI—XVII вв., так называемых керамид. У наиболее ранних плит конца 50-х — начала 80-х годов XVI в. в верхней части рельефное изображение храма с Голгофой и надгробная надпись в нижней. Керамиды выполнены из красной глины, лицевая поверхность их покрыта зеленой свинцовой глазурью¹.

Среди этих плит особо интересно надгробие 1560 г. Григория Ширяева сына Ододурова (рис. 35). Как и другие керамиды, оно вмазано в стену пещеры и закрывает собой погребение. Плита прямоугольной формы (высота 58 см, ширина 40 см); в верхней части ее изображен храм в виде опирающейся на витые колонки трехлопастной килевидной арочки, над которой возвышаются увенчанный луковичной главой церковный барабан и четыре шатровые башенки, также завершенные маленькими луковичками. Поверхность арочки орнаментирована штриховкой. В пролете ее, т. е. внутри церкви, помещен голгофский крест, рядом с ним — монограммы Христа: «ИС» «ХС». Обычные копье и трость отсутствуют, а место, где они должны были быть, помечено двумя царапинами.

Центральная часть керамиды, выполненная высоким рельефом, справа и слева обрамлена полосами линейного, хорошо прорисованного орнамента. Верх плиты завершен треугольным фронтоном, прочерченным на форме тонкой линией.

На свободном поле над главками башенок помещены вырезанные на форме (следовательно, на плите обратные) имена мастеров. Справа — «Тимоха печникъ», и слева — «Плотникъ сей ображець резаль Давыдъ».

Почерк этой подписи — полуустав, простой и пропорциональный.

Надпись свидетельствует о том, что надгробие было исполнено двумя мастерами — плотником Давыдом, резчиком, выполнившим «ображець», и печником Тимохой, который, вероятно, произвел все остальные работы, необходимые для изготовления керамиды, т. е. формовку, обжиг, покрытие глазурью.

Нижнюю часть плиты до самых ее краев занимает рельефная, выполненная в шесть строк, надгробная надпись. Текст ее следующий: «В ЛЕТ(О) 7068 АВГУСТА 2 ДН(Я) НА ПАМЯТЬ С(ВЯТО)ГО ПЕРВОМ(У)Ч(Е)Н(И)КА || АРХИДИЯКОНА СТЕФА[НА] УБИЕНЪ БЫТЬ РАБЪ Б(О)Ж(И)И || ГРИГОРЕИ ШИРЯЕВЪ СЫНЪ

¹ О керамиде и технологии их изготовления см. А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, вып. 1. М., 1938, стр. 21—25.

ОДОДУРОВЪ О[Т] НЕМЕЦЪ || Ъ НА ВАЛКАХЪ А ВОЕВОДА
 БЫЛЪ КНЯЗЬ ВАСИЛЕИ И || ВАНОВИЧЬ БОРЪБОШИНЪ И
 НЕМЕЦЪ НА ТОМЪ БОЮ МНОЖ || ЕСТВО ПОБИША И КИ[Н]ЯС-
 ЦА НЕМЕЦЬКОГО ЛАМЫШЬКА ВЗЯШ[А]»².

Рис. 35. Надгробная плита Григория Ододурова из Псковско-Печерского монастыря

Надпись выполнена тщательным и красивым полууставом.

Погребенный — псковский помещик Григорий Ододуров. В 1550 г. он был, наряду с другими «лутчими слугами», занесен в «Тысячную книгу» как городской помещик II статьи по Опочке (Гриша Шириев, сын Дудоров)³. Еще в 80-х годах XVI столетия, когда составлялись псковские пис-

² В публикуемом тексте надписи титло над обозначением года опущено, сделаны разрывы между словами, надстрочные буквы введены в строку, буквы, выпущенные при обычных сокращениях, вставлены в круглых скобках, недостающие буквы — в квадратных скобках, ять заменено буквой е, и десятиричное — и, разделение надписи на строки обозначено значком ||.

³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подготовил к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950, стр. 100.

цовые книги, в Опочке среди пустых осадных мест было «М[есто] Марьи Ширяевы жены Ододура»⁴, т. е. очевидно, матери убитого.

О сражении, в котором погиб Григорий Ододуров, подробно рассказывает под 1560 г. писанная в Псково-Печерском монастыре Третья псковская летопись⁵. «Того же лета после Ильина дни (т. е. после 20 июля по старому стилю.— *И. П.*) пришьли воеводы, князь Иванъ Мстиславской да князь Петръ Шоуиской, и инья воеводы и шли к Вельяноу с нарядомъ; и послали посылкоу князя Василя Борбошина к Володимерцу (очевидно, имеется ввиду Вальмар.— *И. П.*) и к иным городом, и пришель на них безвестно на станы Ламошка немецкой воевода с Немци, и божиею помощию великого князя воиско Немцы побили, а Ламошку поимали, и иных Немець многихъ живыхъ языковъ взяли. И государь царь и великий князь велель Ламошку казнити на Москве, а иных Немець во Пскове казнили за противное слово и за то, што онъ воевалъ, ходилъ к городом по осени къ Юрьевоу и к Лаисоу, и нашим воеводам и воискоу зла много соделааль»⁶.

Описанная летописью битва была одним из наиболее удачных для русских войск сражений периода Ливонской войны. Русские стремились взять Вельян (Феллин) — лучшую ливонскую крепость, в которой находился престарелый магистр Ливонского ордена. Многочисленная рать медленно продвигалась от Дерпта к Феллину, водным путем транспортируя артиллерию. Воевода князь Василий Барбашин с 12 тысячами легких всадников был направлен в обход Феллина. Невдалеке от города Эрмеса на отряд Барбашина напал ландмаршал Филип Шалль фон Белль⁷ с группой конницы и пехоты. (А. Курбский называет его Филиппом Ленсом, маршалком). В составе группы находились видные сановники Ордена.

Несмотря на внезапность нападения немцев, бóльший по численности русский отряд уничтожил группу фон Белля, взяв множество пленных, в том числе и самого ландмаршала⁸.

Невдалеке от Эрмеса расположен населенный пункт Валк, который и назван в тексте керамида «Валками». Взятый в плен Филипа фон Белля летопись именует «воеводой Ламошкой», а надгробная надпись «князцом Ламышькой». Вероятно, и то и другое произошло от искажения слова «ландмаршалка».

Битва у Эрмеса произошла 2 августа 1560 г. по старому стилю. Кроме Григория Ододура, в пещерах Псково-Печерского монастыря погребены убитые 2 августа 1560 г., очевидно, в том же бою, Филип Михайлов сын Григорьев и Кондратий Стефанов сын Шевелев.

Несмотря на краткость описания сражения, текст надгробной надписи — интересный источник, подтверждающий сообщение Псковской третьей летописи и рассказ об этой битве Андрея Курбского.

⁴ МАМЮ, т. V. М., 1913, стр. 395.

⁵ А. Насонов. Псковские летописные своды. Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, стр. XXXIII—XXXIV.

⁶ Псковские летописи, вып. II, М., 1955, стр. 239.

⁷ Бальтазар Рюссов. Ливонская хроника. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II, Рига, 1879, стр. 391.

⁸ Сказания князя Курбского, ч. 1. СПб., 1833, стр. 91—94; Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1834, стр. 20—24.

О. В. ОВСЯННИКОВ

ОРЛЕЦКОЕ ГОРОДИЩЕ¹

Северные русские городища до сих пор еще очень слабо изучены. Очень интересен Орлецкий городок, находящийся на берегу Северной Двины, в 33 км от с. Холмогоры. Впервые обследование его было проведено служащим Архангельского губернского статистического комитета А. Г. Тышинским, который представил свое описание Первому археологическому съезду². В местной краеведческой литературе при описании Орлеца основное внимание уделялось пересказу данных летописей³. В 1959 г. городище обследовано археологической экспедицией Архангельского краеведческого музея⁴.

Городище располагается на высоком левом берегу р. Северной Двины, которая в этом месте круто поворачивает на север, омывая Орлецкий мыс с двух сторон (рис. 36). Платформу Орлецкого «носа» составляют известняки, каменные стены почти вертикально обрываются в воду. Орлецкие известняки еще в древности использовались в строительстве, в XVII в. разработкой камня здесь владел Соловецкий монастырь, который имел право «на Двине на Орлеце камень белый ломать и дрова сечь и известь жечь»⁵.

Первые летописные упоминания об Орлеце относятся к 1342 г. «В лето 6850.... того же лета Лука Варфоломеев, не послушав Новгорода и митрополича благословения и владычня, скопив с собою холопов збоев, и поиде за Волок на Двину, и поставил городок Орлець, и скопив Емчан, и вся землю Заволотскую по Двине, все погосты на щит»⁶. Не исключена возможность, что этот поход в Заволочье начался как один из походов «ушкуйников» — явление, широко распространенное в XIV в. Однако позднее обнаружилась промосковская ориентация местных лидеров. Поход Луки в Заволочье начался в тревожное для Новгорода время — в самом Новгороде во второй половине XIV в. усилились социальные движения, происходили военные столкновения со Швецией. Возможно, что поэтому двинские дела отошли пока на второй план. В самом конце XIV в. отно-

¹ По докладу, прочитанному на заседании славяно-русской секции пленума ЛОИА 31 марта 1961 г.

² А. Г. Тышинский. О чудских древностях в Архангельской губернии. Труды I АС, 1869, т. II, стр. 319 и сл. и Атлас к Трудам I АС, табл. VI.

³ К. Козьмин. Орлецкая крепость. Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, 1915, № 5, стр. 148; также Архангельские губернские ведомости, 1860, № 19, стр. 45—46 и др.

⁴ В состав экспедиции входили научные сотрудники музея О. Овсянников (начальник), Т. Бернштам, В. Гайкин.

⁵ Грамоты Коллегии Экономии, т. 11, л. 1929 г., стр. 177.

⁶ Новгородская первая летопись 6850 г.

шения между Москвой и Новгородом опять обостряются. В 1397 г. Московский великий князь посылает в Заволочье бояр с предложением «ко всей Двинской слободе» порвать с зависимостью от Новгорода и перейти

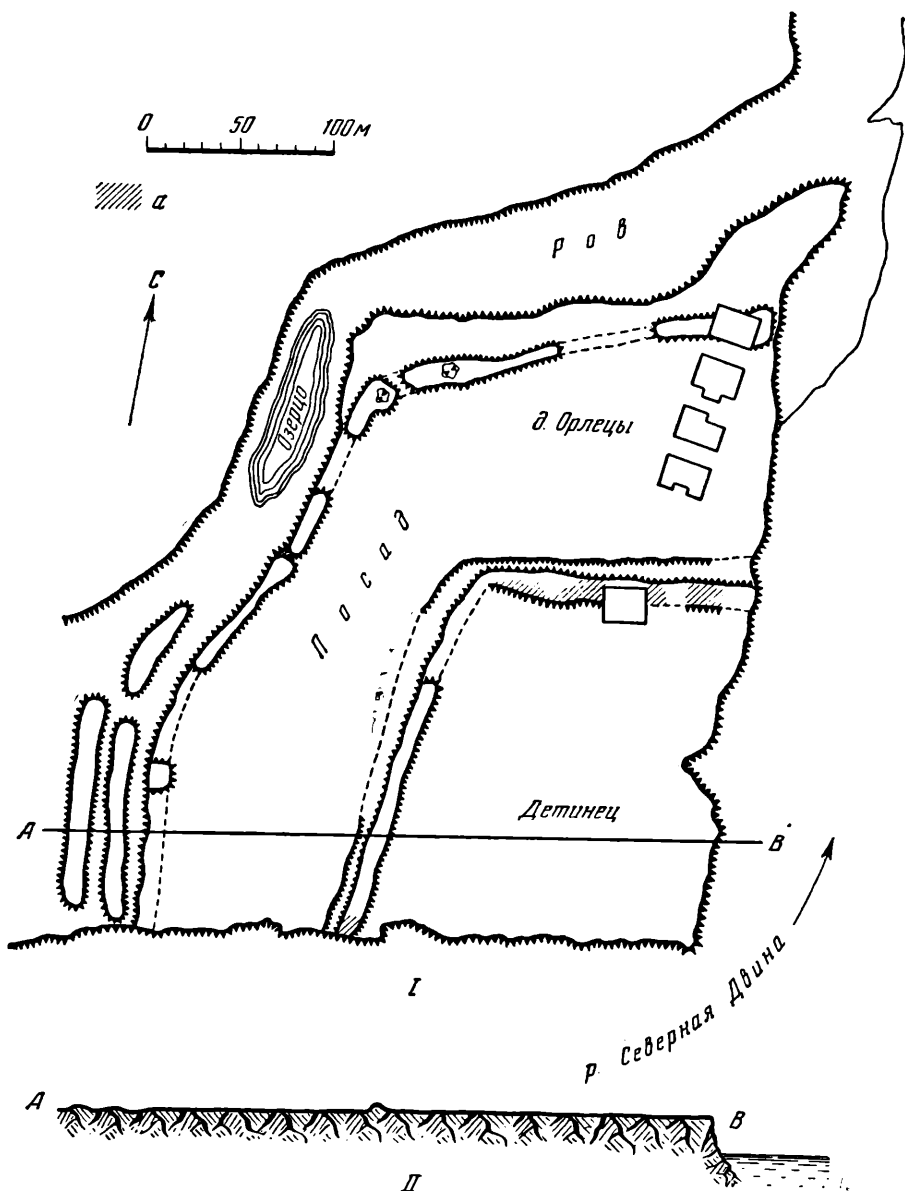

Рис. 36. План Орleckого городища.

I — план; II — разрез АВ; а — участки вала с сохранившейся кладкой

под покровительство Москвы⁷. Вероятно, посланцы успешно справились со своей миссией, так как «и двиняне Иван Микитин и бояре Двинским и вси двиняне за великий князь задалеся, а ко князя великому целоваша крест⁸». В том же 1397 г. Орлец упоминается в Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле⁹. События на Двине не могли

⁷ Новгородская первая летопись 6906 г.

⁸ Там же.

⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, стр. 145, № 88.

не привести к еще большему обострению отношений между Москвой и Новгородом. В следующем, 1398 г. Новгород организывает карательную экспедицию, которая подошла «по Двине к Орлецу городку, воюючи волости князя великого»¹⁰, после осады Орлец пал. Таким образом, Орлецкий городок просуществовал с 1342 по 1398 г., т. е. немногим больше полстолетия. Последний раз Орлец (уже не как город, а просто как географический пункт) упоминается в конце XVII в., когда в июле 1693 г. «Двинской воевода и окольный Андрей Артамонович Матвеев выехал из Холмогор на встречу великого государя, встретив великого государя ниже Орлеца».

Орлецкое городище в плане напоминает трапецию: южная сторона его немного больше северной, западная несколько скошена. С севера и запада — искусственные укрепления, с южной и восточной они, по всей вероятности, отсутствовали, так как практически нападение со стороны реки вряд ли было возможным — высота обрыва над зеркалом реки здесь 20—25 м, причем нижние 10—12 м — это вертикальная скала. Детинец занимает самую оконечность мыса, площадь его 191 × 185 м, поверхность ровная, слегка приподнятая к центру. С наполья детинец защищен валом и рвом, высота вала 2,5—3,0 м, ширина 10—13 м, глубина рва 0,8—1,0 м, ширина 2,5 м. Вал сохранился не полностью, лучше на западной стороне и частично на северной. Однако общее направление его не вызывает сомнений. Интересно применение в конструкции вала белого орлецкого камня. По сообщениям местного населения крупные каменные блоки из вала использовались колхозом на хозяйственные нужды. Обнажения развала камня из конструкции позволяют заключить, что это не булыжный камень, как писал А. А. Спицын¹², а белый орлецкий плитняк. А. Г. Тышинский так описывает конструкцию вала детинца: «Архитектура этой XIV в. стены служит доказательством, что строившие ее или не имели никакого понятия о строительном искусстве, или же намеревались построить не стену, а каменный вал, так как вся эта стена построена из щебня, залитого известью»¹³. Нет надобности говорить, знали ли новгородцы «строительное искусство» — ведь весь XIV в. был для Новгорода временем широкого строительства. Не исключена возможность, что А. Г. Тышинский в доказательство о беспорядочности кладки вала приводит в пример поверхностный развал бывшей кладки.

Нам удалось осмотреть выходы камня в нескольких пунктах вала. В обресе вала на юго-западном углу кладка сложена из небольших плиток (25 × 15 × 3 см), уложенных горизонтально и залитых известковым раствором. На северном участке известняковые плиты больше и толще (50 × 40 × 5 см) и также залиты раствором извести. Решить вопрос о характере кладки и конструкции вала окончательно могут лишь дальнейшие археологические работы. Не будет неожиданностью, если на различных участках вала детинца укладка каменных плит будет не одинакова.

За детинцем начинается окольный город, который как бы прикрывает детинец с севера и запада полосой шириной в среднем 100 м. С напольной стороны идут искусственные укрепления. С северной — ров, который начинается от самой реки; ширина его здесь до 35 м по верху, глубина до 15 м. В большую воду значительная часть рва наполняется водой. По направлению к северо-западному углу ров становится уже и мельче. В этом месте находится небольшое озеро, которое питается ключами. В древности оно, несомненно, расчищалось. Кроме рва, окольный город опоясан валом, кото-

¹⁰ Новгородская первая летопись 6906 г.

¹¹ О высочайших происшествиях Великого государя и царя и великого князя Петра Алексеевича. Изд. Новикова, 1783, стр. 11.

¹² А. А. Спицын. Сведения 1873 г. о городищах и курганах; Архангельская область. ИАК, вып. 5, 1903, стр. 6.

¹³ А. Г. Тышинский. Указ. соч., стр. 352.

рый начинается от самого берега, идет до северо-западного угла, поворачивает и идет до юго-западного угла. Вал сохранился не полностью, но общее направление его ясно. С юго-западной стороны городище прикрыто целой системой оборонительных сооружений, состоящих из трех небольших отрезков валов и рвов. Усиление этого участка городища можно объяснить отсутствием здесь естественных препятствий и поэтому большой уязвимостью этой стороны.

Орлец — типичная для XIV в. городок-крепость. Особенность его в том, что сохраняется традиционное для древнерусских городищ деление на детинец и посад. При планировке обороны максимально использованы все естественные препятствия. Почти половина периметра сторон городища защищена естественными укреплениями. Место для крепости выбрано как нельзя более удачно — Орлец как бы нависает над средним течением Двины и прочно запирает нижнее течение этой жизненно важной магистрали Севера. Общая планировка крепости характерна для своего времени. Северные и западные стороны детинца и посада сходятся под тупым углом, обеспечивающим плотный фланговый обстрел вдоль этих сторон. В стыке их (на углах посада и детинца), вероятно, находились башни.

Не безынтересны сведения летописца об осаде городка. Новгородский отряд спустился по Двине и, вероятно, высадился выше крепости, чтобы не попасть под обстрел на воде «...придеша к Орлецю городку и стояша под городком 4 недели, поставиша пороки и оступиша городок, и начаша биты пороки», — пишет летописец¹⁴. После того, как крепость была взята, на этом месте поселений и укреплений в XV—XVI вв. не было.

Ценность и интерес Орлецкого городища увеличиваются тем, что это один из немногочисленных памятников XIV в., который не перестраивался в более позднее время и сохранил в основных чертах свой первоначальный вид.

---

¹⁴ Новгородская первая летопись, 6906 г.

IV. ХРОНИКА

СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИА АН СССР в 1961 г.

В 1961 г. сектор славяно-русской археологии продолжал разработку трех проблем, связанных с разделом «Генезис и развитие феодальных отношений на территории СССР»: 1) «Древние славяне в I тысячелетии н. э.»; 2) «Русское государство и его культура»; 3) «Город и деревня в древней Руси».

Закончены большие плановые темы: П. И. Засурцевым «Постройки древнего Новгорода» и Б. А. Колчиным «Дендрохронология». Широко велась работа по составлению «Свода археологических источников СССР», в печать сданы два выпуска по памятникам междуречья Днепра и Десны (Г. Ф. Соловьевой и И. П. Русановой). В этом году группа сотрудников, изучающих славянские древности до VI в. н. э., перешла в сектор скифо-сарматской археологии (Л. В. Артишевская, В. В. Кропоткин, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельникова, Э. А. Симонович), а в славянский сектор перешел В. А. Кузнецов. Благодаря этому внимание сектора еще более сосредоточилось на вопросах археологии древней Руси и одновременно усилилась связь археологов-славистов с археологами, изучающими скифо-сарматскую эпоху.

Во время полевых работ продолжались рассчитанные на ряд лет монографические исследования отдельных древнерусских поселений и областей. Приднепровская экспедиция (руководитель Б. А. Рыбаков), изучающая летописные города Среднего Поднепровья, начала раскопки древнего Витичева. Выяснилось, что южное городище возникло в XI в., а северное относится к X в. Новгородская экспедиция (руководитель А. В. Арциховский) продолжала раскопки к западу от перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. Экспедицией проведена большая работа по составлению дендрохронологической шкалы с XV по XX в., для чего, в частности, взяты образцы дерева из деревянных церквей XVI—XVII вв. в Новгородской области. Небольшие городки древней Руси изучали Верхнеокская экспедиция (руководитель Т. Н. Никольская) и Полоцко-Прибалтийский отряд Прибалтийской экспедиции (руководитель Л. В. Алексеев). Разведки древнерусских поселений Северо-Востока провел А. В. Никитин (Вологодский отряд). Прутско-Днестровская экспедиция (руководитель Г. Б. Федоров) сосредоточила работу на Алчедарском городище, около которого впервые для Молдавии найден древнерусский курганный могильник. Раскопано два кургана первой половины X в. с трупосожжением в урнах. В одном кургане было 10, в другом — 28 урн, сделанных на гончарном круге. Продолжалось изучение средневековых молдавских поселений. Изучением соседей восточных славян занимался В. В. Седов (Верхне-Днепровский от-

ряд), проводивший в Белоруссии разведку вдоль южной границы городищ со штрихованной керамикой и по южной границе области распространения балтийской топониимики; С. А. Плетнева (Северо-Донецкий отряд) продолжала изучение алано-болгарских памятников VIII—IX вв. в бассейне Северного Донца (раскопки Дмитровского городища и разведки); В. А. Кузнецов (Зеленчукский отряд Северо-Кавказской экспедиции) выявил пять ранее неизвестных каменных церквей и часовен XI—XII вв. на городище Архыз и две церкви на хребте Ужум; И. П. Русанова вела разведку славянских памятников второй половины I тысячелетия н. э.

В плане разработки проблематики сектора на заседаниях были поставлены и обсуждены некоторые доклады. В этой работе приняли участие сотрудники других секторов и отделов ИА АН СССР и работники ряда учреждений Москвы. Памятникам I тысячелетия до н.э. и I тысячелетия н. э. посвящены доклады О. Н. Мельниковской, А. К. Амброза, Т. Н. Никольской и Э. А. Сымоновича. В первом докладе были рассмотрены могильники милоградской культуры в Южной Белоруссии¹. Изучение этих памятников, по мысли автора, подтверждает тезис о существовании милоградской и зарубинецкой культур, но не о генетической преемственности между ними. А. К. Амброз предложил новую периодизацию позднеюхновских памятников Верхней Десны, показав, что к началу нашей эры завершился переход населения с городищ на селища, параллельно со сложением своеобразной деснинской культуры «почепского» типа. По мнению Б. А. Рыбакова, поддержанному А. Е. Алиховой, можно говорить о почепском этапе юхновской культуры. Оживленное обсуждение вызвал вопрос о причинах изменений культуры на широкой территории Восточной Европы в начале и в середине I тысячелетия н. э. Т. Н. Никольская сообщила о раскопках городища III—V вв. у дер. Дешовка, Калужской области. По мнению докладчика, памятник принадлежит более раннему времени, чем верхнеокские поселения с остросереберными мисками (типа городища Никола-Ленивец). Э. А. Сымонович рассказал о полностью раскопанном им Колочинском городище третьей четверти I тысячелетия н. э.

Обсуждение проблем истории древней Руси шло по нескольким темам: 1) Русские памятники IX—X вв.; 2) Древнерусские города, их планировка, застройка, архитектурный облик; 3) Ремесло древней Руси; 4) Древнерусская культура; 5) Соседи древней Руси.

Широкий обмен мнениями вызвал доклад С. С. Ширинского о погребальных древностях гнездовского типа. Автор предложил датировать их второй половиной X—началом XI в., опираясь на данные монетно-вещевых кладов. Выступавшие в обсуждении отметили интересную постановку вопроса, но считают, что для получения окончательного ответа следует продолжить работу над критериями для датировки (Б. А. Рыбаков, А. Л. Монгайт). М. Х. Алешковский восстановил по новым археологическим данным историю Новгородского детинца. Детинец X в. предположительно локализуется докладчиком в южной части кремлевского холма, в северной части холма была крепость 1044 г. (с нею связывается вал с находками X—XI вв.). С укреплениями 1116 г. отождествлен вал XII в., раскопанный в южной части кремля. Топография Новгородского кремля XII—XIII вв. сложилась на основе существовавших с X в. главных магистралей Софийской стороны. Выступавшие в прениях поддержали основные положения доклада, отмечая, что раскопки М. Х. Алешковского много дали для выяснения истории города (Б. А. Рыбаков, П. И. Засурцев и другие). Массовую городскую застройку охарактеризовал П. И. Засурцев в докладе о типах деревянных построек древнего Новгорода. Выступавшие отмечали, что наиболее сложно определение этажности новгородских зданий

¹ О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии. СА, 1962, № 1.

(А. В. Никитин, Б. А. Рыбаков, А. Ф. Медведев и другие), что этнографические данные недостаточны для реконструкции средневекового русского города, так как основаны на изучении деревни с ее свободной застройкой (Б. А. Рыбаков). Специально принципам определения этажности древнерусских зданий был посвящен доклад Б. А. Рыбакова. При раскопках древнего Любеча в заполнении подпольных ям в ряде случаев сохранились характерные, ритмически чередующиеся прослойки, образование которых не может быть объяснено естественным разрушением краев ям и наплывом грунта. По мнению докладчика, это остатки верхних этажей, полы которых были покрыты земляной подсыпкой и обмазаны глиной. Таким образом, изучение напластований дает ключ к реконструкции этажности находимых при раскопках зданий. При обсуждении доклада споры вызвало назначение подсыпок. М. Г. Рабинович, А. Ф. Медведев, Н. Н. Воронин говорили о том, что в этнографическом материале им не известны такие подсыпки земли на полу верхних этажей.

Доклад Ю. Л. Щаповой (МГУ) был посвящен итогам работ по химико-технологическому изучению древнерусского стекла. По мнению докладчика, первым признаком русского производства стеклянных изделий следует считать их химический состав, который отличен от состава стеклянных изделий из других средневековых центров. Была дана периодизация истории древнерусского стеклоделия.

Н. Н. Воронин при раскопках внутри церкви Михаила Архангела 1631 г. в Нижегородском кремле обнаружил остатки храма 1227 г., имевшего три притвора. Храмы, выстроенные на его месте в 1359 и затем в 1631 г., повторили в нижних частях композицию первого храма с тремя притворами. Г. К. Вагнер, работающий над реконструкцией фасадной пластики Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, сделал доклад о первоначальном оформлении северного и западного фасадов. По его мнению, в центральных закомарах северного и западного фасадов были изображены Распятие и Преображение, на северном фасаде были также «Три отрока в пещи огненной» и «Даниил во рву львином», а на западном фасаде — композиция «Семь спящих отроков». Все эти композиции объединены темой покровительства божества общерусской миссии владимиросуздальских князей и поддерживавшим их «мизинным» людям. Г. К. Вагнер подчеркнул большое значение Георгиевского собора для развития раннемосковского искусства. Выступая по докладу, Н. Н. Воронин, Б. А. Рыбаков и В. П. Даркевич говорили, что исследования Г. К. Вагнера представляют важный вклад в изучение древнерусской культуры, отмечали высокую методику исследований, большой объем проделанной работы. Новое истолкование некоторых рельефов центрального прясла западного фасада Дмитриевского собора во Владимире как изображений подвигов Геракла (борьба с немейским львом, стимфалийскими птицами и гидрой) дал В. П. Даркевич. Отмечая многочисленные романские аналогии этим рельефам, докладчик считает, что русские мастера могли использовать как образцы некоторые западноевропейские изделия из слоновой кости, в частности шкатулки. Б. А. Рыбаков и Н. Н. Воронин согласились с определением сюжетов и отметили новизну постановки вопроса. Происхождение миниатюр Радзивилловской летописи выяснено в докладе О. И. Подобедовой (Институт истории искусств АН СССР), выделившей работы трех мастеров и два пласта протооригиналов: киевский и владимиросуздальский. Б. А. Рыбаков напомнил в прениях о большом научном значении этих миниатюр для изучения древней Руси. Он и Н. Н. Воронин считают очень важным продолжение исследований О. И. Подобедовой, в частности, составление специального альбома, в котором были бы раздельно показаны работы отдельных мастеров. В. Л. Янин (МГУ) привел сфрагистические данные, в значительной степени подтверждающие версию о том, что Владимир Мономах был внуком византийского императора. Подобное

свидетельство, современное Мономаху, найдено впервые. Как сильная сторона доклада отмечен метод комплексного изучения различных источников (А. Л. Хорошкевич, А. Л. Монгайт). Н. Н. Воронин подчеркнул значение печати Марии, как первого документального свидетельства о браках византийских принцесс с русскими князьями.

Связи алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. рассмотрены С. А. Плетневой². В. В. Седов показал, что не только Сувалки, но и области Среднего Побужья и Верхнего Понеманья были заселены в IX—XIV вв. ятвягами, о чем говорит совпадение области ятвяжской гидронимики с распространением каменных курганов и могил. Найденные в некоторых погребениях славянские украшения, по-видимому, свидетельствуют о процессе славянизации балтийского населения. Обсуждение доклада сосредоточилось вокруг вопроса о том, почему не сохранилась ятвяжская гидронимика на той части ятвяжской территории, которая была колонизована кривичами (А. Л. Монгайт, Н. Н. Воронин).

Сектор принял активное участие в работе пленума Отделения исторических наук и сессии Института археологии АН СССР. На пленарном заседании был поставлен доклад Б. А. Рыбакова «Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей», на секционных заседаниях доклад В. В. Седова об исторической географии Смоленской земли, а также повторены сделанные ранее на секторе доклады Н. Н. Воронина, А. Ф. Медведева, О. Н. Мельниковской и Э. А. Сымоновича. Сектор принимал участие в подготовке к Римскому конгрессу доисториков 1962 г. От сектора на конгресс подготовлены доклады Б. А. Колчина о дендрохронологии и Б. А. Рыбакова об аграрно-магических календарях древних полян.

А. К. Амброз

---

² С. А. Плетнева. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. СА, 1962, № 1.

ГРУППА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ЛОИА АН СССР в 1961 г.

В 1961 г. сотрудники группы славяно-русской археологии работали над изучением двух основных проблем: 1) древнейшей истории славян; 2) истории культуры древнерусского города.

Над первой проблемой работали П. Н. Третьяков, М. А. Тиханова, Г. Ф. Корзухина и И. И. Ляпушкин. П. Н. Третьяков закончил и подготовил к печати работу «Древние городища Смоленщины». Одновременно он работал также над темой «Финно-угры, балты и славяне в Восточной Европе»; в 1961 г. по этой теме написана глава «Протоиндоевропейцы в лесной полосе Восточной Европы». М. А. Тиханова продолжала работать над темой «Южная Волынь в первой половине I тысячелетия н. э. и ее место в истории славянства». В 1961 г. написана глава «Материальная культура», посвященная характеристике производственных комплексов, керамики и инвентаря поселений черняховской культуры на территории южной Волыни. Г. Ф. Корзухина подготавливала к печати законченную в 1956 г. большую работу «К истории Среднего Поднепровья в V—VII вв.» И. И. Ляпушкин сделал доклад «Некоторые вопросы из пред-ыстории восточных славян» (изложение I главы монографии «Восточные славяне накануне образования древнерусского государства»). В главе дается развернутая концепция автора по вопросу о происхождении восточных славян и путях их продвижения на территорию, где позднее сложилось древнерусское государство. Д. А. Мачинский сделал два доклада, посвященных изучению зарубинецкой культуры; в первом автор рассматривал вопросы, связанные с датировкой этой культуры, и пришел к следующим выводам: 1) Корчеватовский могильник и близкие к нему памятники — рубеж II—I вв. до н. э.— середина I в. н. э.; 2) Зарубинецкий могильник и близкие к нему памятники — рубеж II—I вв. до н. э.— начало III в. н. э.; 3) Чаплинское городище и могильник — I—III вв. н. э. Во втором докладе Д. А. Мачинский обосновывает вывод, что зарубинецкая культура генетически восходит к поморской культуре.

Остальные работы сотрудников группы проводились в связи со второй проблемой. М. К. Каргер начал работу над новой темой «Древнерусский город Изяславль» — монографическим исследованием, посвященным полному археологическому раскрытию городища у дер. Городище близ г. Шепетовки (Хмельницкой области, УССР). Это однослойный памятник, целиком относящийся к XII—XIII вв. и трагически погибший во время монгольского нашествия. П. А. Раппопорт продолжал работу над темой «Военное зодчество западно-русских земель X—XIV вв.». В 1961 г. им написаны историографический раздел и глава, посвященная памятникам Черной Руси. Ф. Д. Гуревич сделала доклад об историографии древнего

Новогрудка (вводный раздел ее монографии «Древний Новогрудок»). А. Н. Кирпичников заканчивал главу из работы о русском оружии X—XII вв. «Боевые топоры древней Руси». Кроме того, им написана еще одна глава «Древнерусские булавы». Ю. П. Спегальский начал в 1961 г. работу над темой «Деревянное зодчество Северо-Западной Руси IX—XIII вв.» М. В. Малевская сделала доклад о законченной ею работе по изучению керамики древнего Галича, а И. И. Плешанова о работе «Псковские архитектурные керамические пояса».

На заседаниях группы были, кроме того, заслушаны следующие доклады: Мирча Матей (Румыния). «О раннеславянских памятниках в Сучаве»; С. Н. Орлов (Новгород). «О разведочных работах в Новгородской области»; П. И. Хавлюк (ЛГУ). «Раскопки поселения VI в. в Семенках, Брацлавского района Винницкой области».

Сотрудники группы участвовали в полевых работах.

Смоленский отряд (начальник П. Н. Третьяков) завершил работы по изучению памятников второй половины I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. Доследованы городища Мокрядино и Слобода-Глушица, а также произведены раскопки на городищах Вошкино, Лахтево, Колычево и Шапырево.

Днестровско-Волынская экспедиция (начальник М. А. Тиханова) продолжала исследование большого поселения черняховской культуры у с. Лепесовка (Белогорский район Хмельницкой области УССР). На поселении вскрыта площадь около 1300 кв. м, что вместе с раскопками предыдущих лет (1957—1960 гг.) составляет 6500 кв. м. Очень интересно обнаружение двух хорошо сохранившихся крупных гончарных печей римского типа. Кроме стационарных раскопок, экспедиция провела разведки по течению Горыни, в верховьях Случи и вдоль р. Смолрич.

Днепровская Левобережная экспедиция (начальник И. И. Ляпушкин) вела работы в Черниговской и Брянской областях, в бассейнах рек Снови и Инути. Было обследовано около 20 мест древних поселений, а также произведены раскопки на древнерусском селище у пос. Залиповье (Гордеевский район Брянской области). Основная задача экспедиции — выяснение облика поселений славянского племени радимичей, материальная культура которых до последнего времени была известна лишь по данным могильников.

Галицко-Волынская экспедиция (начальник М. К. Каргер) продолжала раскопки на городище у с. Городище (Шепетовский район Хмельницкой области). В 1961 г. на территории окольного города вскрыта площадь в 5000 кв. м. Как и в предыдущие годы, обнаружены остатки наземных жилищ, скелеты людей, погибших при взятии города, и очень большое количество различного инвентаря. Экспедиция провела также раскопки в г. Полоцке, где были вскрыты остатки кирпичной церкви первой половины XII в. на территории б. Спасо-Ефросиньева монастыря. В г. Новогрудке (Гродненской области БССР) в разведочном шурфе обнаружены остатки постройки XII в. под существующим зданием Борисоглебской церкви.

Отряд по изучению крепостей (начальник П. А. Раппопорт) провел обследование древнерусских городищ Восточной Волыни и центральной части Турово-Пинской земли (в основном на территории современных Тернопольской и Ровенской областей УССР, Гомельской и Брестской областей БССР). На городище в Черторыйске (Волынская область УССР) раскопан фундамент круглой кирпичной башни конца XIII в.

Славяно-Литовский отряд (начальник Ф. Д. Гуревич) продолжал раскопки на территории окольного города в Новогрудке. Вскрыта площадь в 174 кв. м, на которой обнаружены остатки нескольких богатых жилищ XII—XIII вв. Найдены импортные золотые и стеклянные изделия, поделки из кости, большое количество бытового инвентаря.

Торопецкий отряд (начальник Г. Ф. Корзухина) продолжал раскопки на Малом городище в Торопце. В 1961 г. на раскопе площадью в 250 кв. м. было обнаружено еще два яруса (4 и 5) срубных жилых построек и мостовой, относящихся к XII в. На площади около 100 кв. м раскоп был доведен до материка, на остальном участке частично открыт нижележащий (6) горизонт построек. Найдено много бытового инвентаря и особенно деревянных изделий, хорошо сохранившихся благодаря влажности культурного слоя. На курганном могильнике близ г. Торопца раскопан курган IX—X в.

В 1961 г. вышли из печати следующие труды сотрудников Группы: М. К. Каргер. «Древний Киев», т. 2; И. И. Ляпушкин. «Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа» (МИА, № 104); П. А. Раппопорт. «Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.» (МИА, № 105).

П. А. Раппопорт

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки
АС — Археологический съезд
ВИ — Вопросы истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ЙГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАМЮ — Московский архив министерства юстиции
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОИН — Отделение исторических наук
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический и литературный архив
WA — Wiadomości archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт — Археологическое изучение древнерусского города	3
---	---

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Г. К. Вагнер — Южный фасад Георгиевского собора (1230—1234 гг.)	18
---	----

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Н. Никольская — Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.)	25
П. А. Раппопорт — Археологические и архитектурные заметки (из работ отряда по изучению крепостей, 1959—1961 гг.)	32
В. В. Седов — Из полевых исследований 1961 г. (1 — К изучению оборонительных сооружений Владимира. 2 — Свищевские курганы)	37
М. Д. Полубояринова — Раскопки древнего Турова (1961 г.)	44
М. В. Седова — Раскопки Ярополча Залесского (1961 г.)	48
Ф. Д. Гуревич — Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.)	51
А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева — Археологические работы в Зарядье, Москва (1957—1961 гг.)	55
Л. А. Голубева — Раскопки древнего Белоозера (1959—1960 гг.)	64
М. В. Малевская — Раскопки на Малом Торопецком городище (1960 г.)	72
А. В. Никитин — Раскопки в Великом Устюге	79
В. А. Кузнецов — Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.)	86
О. В. Милорадович — Раскопки средневекового городища Верхний Джулат (1961 г.)	94
И. И. Артеменко, Г. Ф. Соловьева — Славянские курганы близ с. Ходосовичи	101
В. П. Даркевич — Костяное навершие из Волковиска	105
Т. В. Равдина — Поливные керамические плитки из Пинска	110
И. И. Плешанова — Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря	113
О. В. Овсянников — Орлецкое городище	116

IV. ХРОНИКА

Сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1961 г. (А. К. Амброз)	120
Группа славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР в 1961 г. (П. А. Раппопорт)	124
Список сокращений	127

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии, вып. 96.

Исследование памятников Средневековья

Утверждено к печати институтом археологии АН СССР

Редактор М. Г. Воробьева Контрольный редактор С. Т. Попова

Технический редактор Г. А. Астафьева

Сдано в набор 30/VIII 1963 г. Подписано к печати 22/XI 1963 г. Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 8. Усл. л. 10,96.
Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 1200 Т — 16106. Изд. № 1952. Тип. зак. № 2677.

Цена 72 коп.

Исправления и опечатки

Страница	строка	напечатано	должно быть
4	16 сн.	S. otchlani	Z otchlani
9	23 св.	Доуцк	Друцк
27	4 сн.	кресло	кресало
78	8 св.	лага	лаги
108	14 сн.	каждого	каждой